

**Федеральное агентство по образованию
Министерство образования и науки Российской Федерации
Российский гуманитарный научный фонд
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Горно-Алтайский государственный
университет»
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П.Астафьева»**

Н.С.Модоров, В.Г.Дацышен,

**НАРОДЫ САЯНО-АЛТАЯ
И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ
В БОРЬБЕ С ЦИНСКОЙ АГРЕССИЕЙ.
1644 - 1758 гг.**

Горно-Алтайск – Красноярск, 2009

ББК 63.3 (2 Рос-Алт)
М 74

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А.В.Старцев
доктор исторических наук, профессор М.В.Шиловский

Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с цинской агрессией. 1644 - 1758 гг. – Горно-Алтайск – Красноярск, 2009. 90с.

В монографии, на разнообразном фактическом материале, воссоздана картина образования маньчжурского государства, его взаимоотношений с соседями – монголами, ойратами и др. Воссоздана картина вторжения цинских войск в Саяно-Алтайский регион и борьба проживавших там народов с маньчжурскими захватчиками.

Работа над монографией и ее издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ-МиОК Монголии № 08-01-92002 а/Г).

Авторы, 2009

В.Г.Дацышен, Н.С.Модоров, 2009
Оформление П.Г.Белозерцев, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава I. Зарождение маньчжурского (Цинского) государства.....	3
1. Народы Саяно-Алтая XVII веке: политические, социально-экономические взаимоотношения.....	7
1. Политическая ситуация на юге Сибири в начале XVII века.....	7
2. Общественно-политическое, социально-экономическое и политическое устройство населения Саяно-Алтайского нагорья в XVII веке.....	11
3. Соседи саяно-алтайских народов в XVII веке.....	20
4. Возвышение маньчжурских племен, становление и развитие их государственности.....	26
Глава II. Взаимоотношение Цинской империи с соседями в XVII – первой половине XVIII века.....	33
1. Джунгаро-китайская война 1690-1697 гг. и ее последствия.....	33
2. Китае-джунгарские отношения в первой четверти XVIII века.....	41
3. Русско-джунгарские отношения в 1717-1745 гг.....	47
4. Взаимоотношения ойратов с соседями в 1745-1751 гг.....	54
Глава III. Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с цинской агрессией. 1753-1756 гг.....	61
1. Борьба народов Монгольского Алтая против цинского вторжения. 1753-1756 гг.....	61
2. Цинская экспансия в Горный Алтай в 1755-1756 гг.....	67
3. Принятие российского подданства коренными народами Южного Алтая.....	74
Библиография.....	82
Глоссарий.....	86

Памяти
известного отечественного востоковеда
Владимира Анисимовича Моисеева
посвящается

Введение

Предлагаемая вниманию читателя работа «Народы Саяно-Алтая и Западной Монголии в борьбе с цинской агрессией. 1644 -1758 гг.» посвящена характеристике взаимоотношений правителей Цинской империи с их соседями в середине XVIII века. Освещение их начато с краткого вступления о том, как небольшое родоплеменное объединение, выделившись из общей группы тунгусо-маньчжурских племен, превратилось со временем в достаточно сильное государство, которое повело с самого начала своего существования агрессивную внешнюю политику. Покорив ближайших соседей, маньчжурское государство вступило в войну с Китаем и небезуспешно. Завоевав его, оно превратилось в большую и сильную Цинскую империю. Став мощной и агрессивной державой, она приступила к планомерному подчинению своему влиянию соседних с нею государств и народов Восточной Азии.

В настоящей работе предпринята попытка показать внешнеполитические контакты Цинской империи с народами Саяно - Алтая и Западной Монголии, подвергшихся в XVII веке и последующем столетии наиболее активному воздействию агрессивной внешней политики Цинов, непременным атрибутом которой являлись захватнические войны.

Внешняя же политика Цинов была, как известно, всецело заимствована у китайских императоров. Ее суть была уже давно определена исследователями ныне широко распространенным общественно-политическим понятием, как китаецентризм. Он же, по их авторитетному утверждению, появился на свет в глубокой древности и находился в очень тесной связи с древнейшим религиозным учением, которое постепенно превратилось в политическую доктрину о Сыне Неба и его роли в общественной жизни Китая.

Начало ее рождения, по свидетельству специалистов, уходит своими корнями к рубежу двух эпох – Иньской и Чжоуской (XIV – XI вв. до н.э.). Пройдя проверку временем – в течении трех с лишним тысячелетий – она, по – праву, - стала основой политики не только китайских императоров, но и правителей китайских государств, захвативших в свое время часть территории Китая (Киданьское государство (в X-XII вв.), Чжурчженьское - Цзинь (в XII-XIII вв.), Тангутское государство – Си-Ся (в XI-XIII вв.) или некитайских династий, господствовавших в Китае после завоевания всей территории страны (монгольской династии Юань, правившей в Китае в 1280-1368 гг., маньчжурской династии Цин, правившей в Китае с 1644 по 1911 г.).

Таким образом, если кратко охарактеризовать китаецентризм, то можно, с полным правом, утверждать, что это была политика направленная на захват или подчинение – различными методами - соседних народов Сыну Неба, якобы, поставленного самим Небом для управления всей Вселенной. Именно так, и не иначе, представляли себе древние китайцы фигуру своего императора. Такое представление о нем внедряли в сознание трудящихся масс и древние китайские философы. Их устремления всячески поддерживались – на протяжении всего средневековья – и учеными, и политиками.

Все это вместе взятое, естественно, принесло свои плоды: в соответствии с китаецентристской политикой, Китай рассматривался ее «пропагандистами» как центр Вселенной или, по определению древних ученых и политиков, «Поднебесной», а остальные все народы, населяющие планету, как периферию этого центра, а, следовательно, и как неотъемлемую часть единого комплекса, именуемого Поднебесной. Иначе говоря, все некитайские народы были обязаны, в соответствии с вышеназванной доктриной, подчиняться этому центру и беспрекословно принимать его порядки и устанавливаемое последним мироустройство, которое обязательно для всех некитайских народов. И это притом, что каждый из них имел свои национальные особенности, обычаи, традиции, религиозные, социальные и этнические отличия от китайских «законодателей мод». Словом, последние безапелляционно предлагали принять «некитайцам» китайскую цивилизацию (со всеми ее морально-этическими и общественно-политическими институтами) как нечто идеальное и совершенное. Эта же доктрина провозглашала Китай, не иначе, как «наилучший образец мироустройства и цивилизации», а его императора – как «Сына Неба», земного бога, самого мудрого, щедрого и великодушного, самого могущественного на земле правителя всех народов и их заботливого отца. В силу этого, все народы планеты, близкие и далекие, обязаны быть послушными детьми китайского императора, подчиняться ему и почитать его, как это делают в семье дети, т.е. так, как дети почитают в семье родителей и старших.

Словом, утвердившаяся с давних пор концепция о Сыне Неба легла в основу внешней политики цинских правителей, которые настойчиво и последовательно стали утверждать, что все некитайские народы во все времена были и остаются вассалами Китая, а коль они не хотят быть таковыми, то это надо сделать «насильно», т.е. применив силу. Иначе говоря, их следует силой подчинить «воле Поднебесной». Так родилась политика агрессии у цинских императоров по отношению к некитайским народам, в том числе и к народам Саяно – Алтая и Западной Монголии. Реализуя свои внешнеполитические устремления, правители Цинской империи неизменно утверждали, что население вышеуказанных регионов – это их вассалы. И если кто-то не желает быть таковым, то его надо силой заставить признать это. Именно подобного рода устремления цинских правителей и порождали

войны, инициаторами которых каждый раз становилась Цинская империя. Это обстоятельство нашло свое отражение в настоящей работе.

Говоря о гегемонизме правителей Цинской империи, следует подчеркнуть, что свою агрессивность они старались прикрыть разного рода рассуждениями о своем «миролюбии» и «высоком стремлении» объединить все народы – для их же блага – в одну большую и единую семью.

Свою экспансионистско-агрессивную политику правители Цинской империи распространяли не только на непосредственных соседей – на большие и малые народы. Они пытались это сделать, причем, неоднократно, и по отношению к крупным государствам, в частности, к Русскому, что наглядно продемонстрировала дипломатическая миссия Ф.И.Байкова в Китай, направленная Московским правительством в 1654-1658 гг. Принимая ее, Цины всячески демонстрировали, что «Олосыго» - так называют китайские источники Русское государство – Авт.) – это их вассал, а присланные его правителем – «Чагань-ханом» - подарки являются ничем иным, как «данью», которую обязан давать сюзерену его подданный. Иначе говоря, реальное положение дел не имело ничего общего с политикой гегемонизма, присущей императорам Цинской династии. С другой стороны, принятая ими политика гегемонизма никак не способствовала развитию равноправных добрососедских отношений с «ближними и дальними народами». Она всецело была рассчитана только на отношения с ними по линии «сюзерен – вассал», на применение силы при решении любых вопросов, в том числе и дипломатических.

Все даты, взятые из китайских источников, приводятся в переводе на общепринятый в мире григорианский календарь, а датировка русских архивных документов – по юлианскому, с соответствующими оговорками.

Настоящая монография написана В.Г.Дацышеном и Н.С.Модоровым. В ней также использованы материалы, почерпнутые из работ монгольских коллег – Б.Батмунха, О.Ганболда, - известных российских востоковедов И.Я.Златкина, В.П.Илюшечкина, В.С.Кузнецова, Е.Г.Кычанова, В.А.Моисеева и др.

Авторы монографии выражают особую признательность и благодарность кафедре востоковедения Алтайского государственного университета, ее бывшим и нынешним членам Р.А.Кушнерик, И.Н.Ноздриной, Ю.А.Лысенко и другим, помогавшим им своими советами и рекомендациями в процессе создания настоящей работы.

Глава I. Зарождение маньчжурского (Цинского) государства

Сегодня ни на одной политической карте мира не найти страны, некогда именовавшейся «Маньчжурией». Ныне ее территория фигурирует на них под китайским названием «Дунбэй». В переводе с китайского оно означает «северо-восток».¹ Однако данное географическое название ничего не говорит современному читателю о былых, исконных насельниках данной территории нынешней Китайской Народной Республики – маньчжурах, о их государстве, некогда существовавшем на данной территории. Основателем объединения разрозненных чжурчженских уделов в единое целое, по праву, считается Нурхаци - незаурядная, во всех отношениях, личность, которая, по словам отечественного востоковеда А.В.Гребенщикова «имела все военные дарования Фридриха Великого и Наполеона I».² Но, прежде, чем повести разговор о том, как это удалось ему собрать воедино всех маньчжуров, несколько слов об их соседях.

1. Политическая ситуация на юге Сибири в начале XVII века.

После разгрома Сибирского ханства начинается настойчивое продвижение Русского государства на восток, в просторы Сибири. Передвигаясь от одного рубежа к другому, его служилые и «промышленные» люди все ближе подступают к территориям, на которых кочевали алтайские племена. На рубеже же XVI-XVIII веков они населяли огромную территорию Саяно-Алтайского нагорья. Однако основная их масса концентрировалась на территории современного Алтайского края, Республики Алтай, и южных районов Новосибирской, Кемеровской и Томской областей.

Вслед за первыми отрядами русских служилых людей на границах этого региона появляются и первые поселенцы из числа крестьян и казаков. Их общими усилиями в начале XVII века был занят бассейн Томи, где, в 1604 году, был воздвигнут укрепленный пункт – город Томск, сыгравший в дальнейшем важную роль в деле освоения Южной Сибири.³

Стремление русского правительства закрепиться в местах кочевий алтайских племен, как и во всей Сибири в целом, было продиктовано целым рядом причин. Во-первых, по известным ему источникам эти территории

¹ Кузнецов В.С. Нурхаци. – Новосибирск, 1985. с.3.

² Гребенщиков А.В. Маньчжуры, их язык и письменность//Известия Восточного института. – Владивосток, 1912. Т.45. Вып. 1. с.12.

³ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М-Л., 1953. с.166; Уманский А.П.Телеуты и русские в XVII-XVIII вв. – Новосибирск, 1980. с.35; Модоров Н.С. У истоков дружбы. – Горно-Алтайск, 1989. с.5

были богаты пушниной, которые, в случае их присоединении к «московским владениям», могли бы ежегодно приносить немалые доходы «государевой казне». Во-вторых, закрепление Русского государства на юге Сибири существенно подорвало бы экономическую базу многих воинственно настроенных кочевников и лишило бы их возможности предпринимать набеги на вновь присоединенные им в Западной Сибири земли. И, наконец, в третьих, приобретение и дальнейшее освоение земель алтайских кочевников открывало кратчайший путь из русских владений в Монголию и далее в Китай.

Однако решению этих стратегических задач, мешало немало «препятствий». С одной стороны, продвижению Русского государства на юг, к горным порубежным районам препятствовало вооруженное сопротивление многочисленных воинственно настроенных тюркских кочевых племен, а с другой, - этому продвижению мешали и естественные преграды в виде гористой местности, покрытой трудно проходимыми лесами, то и дело перемежавшихся болотами и топиями.

Серьезным препятствием на пути русского продвижения на юг стали джунгарские феодалы, пытавшиеся с помощью огня и меча подчинить себе местные племена, в том числе и алтайские, захватить их земли, природные богатства, а с покоренного населения взимать дань.⁴

Стремясь к расширению своих владений, джунгары и мысли не допускали об установлении на юге Сибири русского влияния. Не вступая в открытый конфликт с Русским государством, они, тем не менее, вели постоянную борьбу с ним, стремясь, если не задержать, то хотя бы на время ослабить процесс колонизации Южной Сибири русскими. Причина подобной «нерешительности» джунгаров по отношению к Русскому государству лежала на «поверхности»: они испытывали постоянную угрозу нападения со стороны цинского Китая, а потому и не начинали ойраты войну с «Московией» за право господства на юге Сибири, а придерживались все время – по отношению к ней – политики угроз.

В непростой ситуации находилось в начале XVII века и Русское государство. Внутренние «неурядицы», переросшие в польско-шведскую интервенцию, ее последствия, не позволяли ему не только сосредоточить на юго-восточной границе достаточное количество воинских сил, но даже обеспечить имеющиеся там малочисленные гарнизоны необходимым количеством военного снаряжения и провианта. В силу этих обстоятельств, сибирские воеводы и не могли принять действенных мер, чтобы преодолеть противодействие кочевых, воинственно настроенных феодалов, а следовательно, и укрепить свои позиции на юге Сибири. Потому – то они и были вынуждены – чаще всего – ограничиваться предупреждениями и угрозами в адрес «воинственно настроенных кочевников», в том числе и

⁴ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. – М., 1964. с.3.

джунгарских, что «государь пошлет против оных ратных [своих] людей с огненным боем из Казани,.. Астрахани и с Дону».⁵

Все эти, вышеотмеченные, причины и понудили русское правительство выработать специфическую для данного региона политическую линию, которую можно условно охарактеризовать как политику мирного «закреплению новых сибирских земель», избегая, по возможности, военных конфликтов и столкновений на южно-сибирской границе. Следуя своему стратегическому курсу, Москва настойчиво рекомендует сибирским воеводам приводить к присягу «на верность великому государю» кочевое население Сибири и облагать его – по возможности – ясаком.⁶

Но, рекомендуя местным властям «ласку и привет держати» по отношению к сибирским кочевникам, «ничем их не озлобляти», правительство – в то же время – распорядилось и «выискивать» местным властям меры, чтобы «приискивать новые земли» и расширять, таким образом, границы «государевых владений».⁷ Не был обойден при этом Москвой и момент того, что «кочевые народы могут воспротивиться действиям русских служилых людей». В этом случае правительство предписывало своим воеводам «чинить поиск, сколь бог помощи даст», т.е. прибегать к применению силы оружия, если население «новоприисканных земель» воспротивится присягать на верность «великому государю» и платить ему ясак.⁸

Подобного рода «указания» получили в 1604 году, к примеру, томские воеводы Г.И.Писемский и В.Н.Тырнов, которые были обязаны, согласно правительственным распоряжениям, осуществлять сбор сведений о землях, располагавшихся «вверх» по Оби и другим рекам, о живущих там народах, их князьях и мурзах, а также о тех, кто взимает ясак с «тамошних людей».⁹

Реализуя предписания центра, томские воеводы предпринимают попытки установить дипломатические контакты с кочевыми правителями «ближайших к ним орд и народов». Одним из таковых стал князь Абак, влиятельнейший (согласно русским документам XVII в.) предводитель племенного объединения телеутов. Его владения – согласно источникам – простирались по обе стороны реки Оби – от устья ее и до впадения в нее реки Ини. Восточная граница кочевий Абака доходила до верховий реки Чумыш, а западная – включала верховья Чарыша и Алея.¹⁰ Вот с ним-то и начинают налаживать связи томские воеводы Г.И.Писемский и В.Н.Тырнов. Они передают князю приглашение посетить с «именитыми мырзами» город Томск, но тот, благожелательно отнесясь к «высокому приглашению», от

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.126. Оп.1. Стлб.1. л.10.

⁶ Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения в XVII. – М., 1958. с.20-24.

⁷ Томск в XVII в. Материалы по истории города. – СПб., б/д. с.19.

⁸ РГАДА. Ф.214. Стлб. 673. л.48.

⁹ Там же. Кн.11. л.479-489.

¹⁰ Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII-XIX вв.). – Горно-Алтайск, 1996. с.33.

поездки в Томск «вежливо» отказался, не преминув при этом отправить «подарки государевым воеводам».¹¹

Но такой оборот дел, естественно, не устроил последних. Поэтому, получив отказ, он тут же отправляют – в конце 1605 г. – к князю первое свое посольство во главе с тобольчанином И.Поступинским и томским казаком Б.Константиновым, перед которыми была поставлена конкретная задача: добиться согласия Абака прибыть в Томск и присягнуть на «верность великому государю». И с нею послы, в известной степени, справились. Князь и его окружение радушно встретили послов и обещали приехать в Томск весной 1606 года.¹²

Что же повлияло на принятие Абаком такого решения? Долго искать ответа на этот вопрос воеводам не пришлось: их «проведчики вестей», т.е. разведки, вскоре донесли, что телеутский правитель оказался «не в ладах» с соседними кочевыми ордами и очень опасался их нападения. В этой ситуации союз с русскими ему был, как нельзя, кстати. Но в то же время Абак прекрасно знал, какими силами располагал Томский гарнизон и прикидывал: смогут ли русские защитить его, если недруги князя нападут на него. Потому-то Абак не спешил заключать союз с русскими, но в то же время и не обострял отношения с ними. Он радушно принимал воеводских послов, посылал в Томск своих людей, не забывая каждый раз одаривать воевод «значительными подарками».¹³

В подобной «взаимности» и «неопределенности» для томских воевод шли год за годом. На смену Г.И.Писемскому и В.Н.Тырновы пришли М.Ржевский и С.Бартенев, которых, в свою очередь, сменили на воеводском посту В.В.Волынцев и М.И.Новосильцев. Именно они направили в феврале 1609 года к Абаку очередное посольство во главе с И.Коломной (в его состав входили князь «еуштинских татар Тоян» и томские казаки И.Петелин и В.Малентьев – Авт.), которому было предписано «неприменно привести к шерти телеутского князя».¹⁴ В случае отказа последнего ехать для шерти в Томск, было приказано любому члену посольства (на которого укажет Абак – Авт.) остаться заложником в улусе князя до его возвращения из Томска. Такой аргумент, а также клятва, данная Тояном, в том, что телеутского правителя не оставят «аманатом» в Томске, подействовали на последнего более, чем убедительно. И 31 марта 1609 года он прибыл (в сопровождении свои «мурз и лучших улусных людей») в Томск, где и присягнул на «верность великому государю», пообещав ему верно служить, ходить «войною на государевых непослушников», но при одном условии: «государь» разрешает ему – Абаку – кочевать «недалеко от Томска; не взымает с них ясака и оберегает его от западно-монгольских ханов и казахских феодалов».¹⁵

¹¹ Там же.

¹² Уманский А.П. Указ.соч. с.35.

¹³ Модоров Н.С. Указ.соч. с.33.

¹⁴ Там же. с.35.

¹⁵ Там же.

Так томским воеводам удалось заключить важный для себя военно-политический союз с одним из виднейших родоплеменных владетелей Саяно-Алтайского нагорья. Заключенный союз, по справедливому замечанию исследователей, был нужен и той, и другой стороне и был обусловлен целым рядом причин. Во-первых, в начале XVII века соседние с владениями Абака кочевые феодалы развязали между собою продолжительную и кровопролитную войну, в результате которой алтайские племена (в частности, телеуты) попали, без преувеличения, в критическую ситуацию. Над ними нависла угроза физического истребления их как со стороны Алтан-ханов, так и со стороны Казахской орды. Если казахские «набежники» грозили алтайским кочевникам всегда, то Алта-ханы и Джунгария появились на политическом горизонте Алтая почти одновременно с Русским государством. Их тоже интересовали природные богатства данного края, а также возможность подчинения его населения своей власти сбора с него дани. В ходе развернувшейся меж ними борьбы алтайские кочевники в очередной раз оказались между Русским государством, Джунгарским ханством и государством Алтын-ханов. В результате этого, территория Алтая оказалась разделенной на три части. Земли на севере края попали в сферу влияния русских, на юге и западе – джунгаров и на востоке – Алтын-ханов. Их население стало уплачивать ясак (дань) своему «хозяину», а кое-где – даже двум.¹⁶

2. Общественно-политическое, социальное и этническое устройство насельников Саяно-Алтайского нагорья в XVII веке.

Складыванию подобной ситуации на Алтае, в Саяно-Алтайском регионе в целом, в немалой степени – если не главной – содействовала численность его насельников, а также их общественно-политическое, социальное и этническое устройство. Если говорить в этом плане об алтайских кочевниках,¹⁷ то можно отметить, что в рассматриваемое время они не представляли собой единого целого. Это был настоящий конгломерат разрозненных, хотя и родственных между собой (по происхождению и языку) родоплеменных и территориальных групп, не имевших, как отмечало большинство исследователей, даже общего самоназвания. Согласно их же свидетельствам, насельники Алтая делились на две большие этнические группы (северную и южную), существенно отличавшихся друг от друга как по происхождению и языку, так и по способу ведения хозяйства и образу жизни.¹⁵

Однако для настоящей работы «тонкости» этнического происхождения алтайцев, их языка и способ ведения хозяйства и образ жизни значения не

¹⁶ Там же. с.115

¹⁵ Потапов Л.П. Указ. Соч. с.5-7; Баскаков Н.А. Алтайский язык. – М., 1958. с.67-68; Тадыев П.Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства//Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ. Вып.6. 1964. с.3; Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII- середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск, 1991. с.5-6; Модоров Н.С. Указ.соч. с.6-7; Боронин О.В. Двоеданство и двоеподданство. – Барнаул, 2002. с. 19-27.

имеют, поскольку они рассматриваются авторами как составная часть общего населения Саяно-Алтайского нагорья. Но, несмотря на эту оговорку, все же подчеркнем, что северные и южные алтайцы представляли собой древнее население Южной Сибири, которые отнюдь не были разобщены и изолированы друг от друга в своем историческом развитии. Территориально южные алтайцы населяли южную и центральную часть Алтая, а северные – северную. В силу природно-климатических условий, южные алтайцы являлись преимущественно скотоводами и вели кочевой и полукочевой образ жизни. Если в первом случае алтаец круглый год следовал за скотом, зимой и летом проживая в кошечной юрте, то во втором – он имел на зиму постоянную стоянку с жильем и пастбищами для скота, которую скотовод покидал лишь на летнее время.

В отличие от южных, у северных алтайцев большую, а иногда и преобладающую роль играла охота на пушного и копытного зверя. Она велась группами (артелями) и в одиночку, на коне и пешком, зимой – на лыжах. Формы охоты были самыми разнообразными: от охоты с помощью примитивных ловушек, капканов до промысла с луком, а позднее – с ружьем. Проживали северные алтайцы в полуземлянках, а также в примитивных срубных избушках. Видное место в их хозяйственной деятельности (наряду с охотой) занимали ореховый промысел, собирательство съедобных корней и стеблей диких растений, рыболовство и мотыжное земледелие.

Описанный уровень производительных сил – устойчивость натурального хозяйства, большое значение скотоводства, отсутствие постоянных населенных пунктов, вне сомнения, не мог не отразиться и на развитии у алтайцев феодальных отношений, на сложении у них (в рассматриваемое время) своеобразных их форм, на наличии в алтайском обществе пережитков патриархально-родовых отношений. В силу их, алтайские племена, равно как и другие кочевые народы Саяно-Алтайского нагорья, управлялись в это время богатыми и знатными людьми, главным среди которых был тот, «кто всех превосходил летами».¹⁸ Таковые у них названы русскими источниками «князцами», которые считали себя «знатоками родовых традиций, в силу чего и брали они на себя роль «правителей и судей». Это обстоятельство было – в свое время – подмечено Г.Ф.Миллером. «Князцы, - писал он по этому поводу, - перед прочими [людьми] более богатства имеют... Простые люди в происшедших меж собою ссорах за судей и посредников их принимают».¹⁹ Вторил Г.Ф.Миллеру в этом плане и К.Ф.Голстунский. «Князец в своем улусе, - утверждал он, - был и царем, и богом... он судил, миловал и бил».²⁰ Столь свободное распоряжение судьбами своих соплеменников может быть объяснено только подчиненным положением этой части алтайского населения в алтайском кочевом обществе. Говоря о высоком положении князя в кочевых обществах уместно привести

¹⁸ Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Т.1. – СПб., 1776. с.80.

¹⁹ Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. – СПб., 1750. с.122-123.

²⁰ Голстунский К.Ф. Монголо-ойратский законы 1640 года. – СПб., 1880. с.39-40.

свидетельства других источников. Так, в 1639 году хакасский князь Табун высокомерно заявил русскому посланнику В. Старкову, что в своей «земле он сам воевода».²¹ В этом же духе высказался в 1638 году и вогульский князец Искандер русским служилым людям: «А мы... на Лале (реке – Авт.) с батькой... больше [русского] государя».²²

Говоря о всесильности князей, в том числе и у алтайцев, следует отметить, что в источники XVII в. не донесли до нас ни одного прямого указания о праве собственности князя на землю. Но это вовсе не говорит о том, что у народов Саяно-Алтайского нагорья вообще не существовало в это время феодальной собственности на нее. Ведь даже трудно предположить, что князья, обладая таким всесилием в обществе, не использовали бы его для присвоения себе пастбищ и охотничьих угодий. Конечно же, они использовали это право. Для подтверждения данного тезиса, сошлемся на примеры из истории Хакассии и Тувы. Формально земля здесь считалась родоплеменной собственностью. Однако на деле ею распоряжались нойоны, стоявшие во главе общественно-административного управления. Используя власть, народные традиции и обычаи, они выступали фактическими монополистами в деле «держания» и распоряжения родовой землей.²³ Надо полагать, что и алтайские князья не составляли – в этом плане – исключения. В пользу данного предположения может свидетельствовать и общеизвестный вывод о том, что у пастушеских племен и народов собственность на скот предполагала – одновременно – и собственность на землю.²⁴ Передвигаясь по ней, они распоряжались землею по собственному усмотрению, нигде не фиксируя – юридически – право собственности на нее. И, тем не менее, это не мешало кочевым феодалам передавать землю по наследству.²⁵

Завершая разговор об алтайских кочевниках, скажем два слова об их политическом устройстве. Оно же у них было «специфичным», характерным большинству такого рода народов: алтайцы в XVII в. не представляли собой единого целого, а делились на множество родоплеменных групп, объединений, управлявшихся, как уже было сказано выше, «князцами». Каких-либо прочных связей между племенами не существовало. В силу этого, они неизменно становились объектом нападения со стороны более сильных соседей. Внешние нападения и внутренние распри и междоусобицы, естественно, наносили огромный урон алтайскому хозяйству, отрицательно сказывались на росте численности алтайского населения. По подсчетам Б.О. Долгих, она, в рассматриваемое время, не превышала 5000 человек.²⁶ При такой численности, вряд ли можно было рассчитывать на сохранение своей политической независимости. Именно в силу этого обстоятельства и находилось большинство алтайских правителей в вассальной зависимости у

²¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 126. Стлб. 1. Л.16.

²² Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов Сибирского приказа. Ч.1. – М., 1895. с.199.

²³ Копков К.Г. Присоединение Хакассии к России: Кандидат. дисс. – Абакан, 1965. с.61-62.

²⁴ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. – М., 1940. с.24.

²⁵ Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. – Л., 1936. с.59.

²⁶ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири XVII в. – М., 1960. с.17; История Сибири. Т.1. – Л., 1968. с.115.

монгольских, ойратских и «иных кочевых владельцев». Словом, и на собственной земле алтайский правитель не всегда был хозяином. Будучи вассалом того или иного «кочевого владельца», он полностью зависел от своего сюзерена. Влияла на поведение алтайского князя и политическая ситуация, складывавшаяся в регионе, в частности, в Саяно-Алтае.

В таком положении находились и многие соседи алтайцев, в частности, тувинские племена, территориально граничившие также с монголами, кыргызами, китайцами и другими народами. Наиболее близкими соседями южных алтайцев – телесов и теленгетов (теленгитов), - проживавших в долинах Бухтармы, Катунь и других рек, а также на территории Монгольского Алтая, в междуречье Кобдо и Черного Иртыша, были многочисленные родоплеменные объединения тувинцев, которые в отличие от сородичей, проживавших в бассейне верхнего Енисея – предков современных тувинцев, - часто именовались «алтайскими урянхайцами».²⁷ Далее, на запад от них, располагались кочевья казахов Среднего жуза и монголов-ойратов. Рубежом, отделявшим владения последних от алтайских кочевий и «алтайских урянхайцев» была река Иртыш.²⁸

Согласно историческим источникам (документам русских архивов и китайским хроникам²⁹) население Саяно-Алтайской котловины было известно их соседям под общим собирательным названием «урянхов». Однако сами насельники данного региона именовали себя «тубо» или «туба».³⁰ Наиболее крупными родоплеменными группами «урянхов» являлись «мадии» («маады»), «мигаты», «точи» («тоджи»), «Саяны» («сойоты»), «тубинцы» («тубо») «кожугеты» («кужугеты»), «орчаки» и другие, населявшие долины Большого и Малого Енисея и их притоков, а также предгорья и хребты Саян и Тану-Ола.³¹

Первые сведения о насельниках данного региона, согласно свидетельству В.Н.Скалона, Московское государство имело еще в первой половине XVII в.³² Однако имеющиеся на этот счет исторические документы, как впрочем, и логика событий позволяют говорить о первом непосредственном знакомстве русских с коренным населением Саян и установлении контактов с ним только лишь с начала XVIII в. Одним из первых их них русские узнали о государстве Алтын-ханов.³³ Это случилось в 1608 году. В его состав входила территория современной Тувы. Именно в тот год и было отправлено из Томска русское посольство в ставку Алтын-хана, которая располагалась, согласно источникам, на южных склонах Тану-Ола.

²⁷ Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. – М., 1983. с. 18.

²⁸ Там же. с.19.

²⁹ Использованы переводы В.А.Моисеева.

³⁰ История Тувы. Т.1. – М., 1964. с.180.

³¹ Моисеев В.А. Указ. Соч. с.19.

³² Скалон Н.Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. – М., 1951. с.136.

³³ Население Саяно-Алтая, а вслед за ним и русские люди именовали правителя северо-монгольского удела монголов - хотогойтов и «урянхайцев» - тувинцев Шолоя-Убаши – «Алтын-ханом» («Золотым ханом»). Его обычно ставка находилась на озере Убсу-Нур или в долине реки Тес.

Однако посольство И.Белоголова дошло только до «Кыргызской земли»,³⁴ поскольку «черные калмаки Алтын-хана развоевали и отогнали... от зимнего ево кочевья далече... и алтыновы ясашные люди от Алтына-царя отступили и с ним воюютца...».³⁵ В силу этих перипетий, связи русских с Алтын-ханами установились лишь в 1616 году. Согласно статейному списку томского казака В.Ананьина, путь послов к Алтын-хану пролег через «...Киргизскую..., Саянскую..., Мацкую земли..., а, едучи... к Золотому хану», они миновали реки «Аскис... Абакан... Кантери...да Кемчиг... А наехали...мы Золотого царя у озера...Упса».³⁶

Говоря о политическом составе населения Саяно-Алтайской котловины, с которым познакомились русские в начале XVII в., следует отметить, что предки современных тувинцев именовались в воеводских, посольских и других документах (кроме названий указанных выше – Авт.) также «соянцами» или «саянцами» («сойонами») и «точинцами» (или «тоджинцами»). Свидетельством тому могут служить статейные списки воеводских послов: В.Тюменца, «пословавшего» в 1616 году в «Саянской земле», Д.Черкасова, посетившего Киргизскую землю в 1628 году. В частности, в статейном списке последнего отмечено, что «... кыргызские князцы говорили [Д.Черкасову], что... в прошлых 133 (1625) и в 134 (1625) годех была у нас война с точинцами и саянцами».³⁷ И здесь нелишне подчеркнуть, что с подачи – в большинстве своем – «иноземных» осведомителей сибирские воеводы, а за ними и русское правительство занесли коренных жителей Саян в разряд «немирных иноземцев». Так, в одном из документов Сибирского приказа (1672 г.) отмечено, что «...на усть Бии и Катуня рек приехали в ясашные волости многие немирные иноземцы, точи и саяны».³⁸ Наряду с ними, в разряде «немирных иноземцев» часто упоминались «кучюгеты» или «кученгуты» («кужегеты»). Нередко русские документы ошибочно причисляли последних «к чугуцким черным калмыкам» т.е. к джунгарам.³⁹ Хотя выше мы уже упоминали и, тем не менее, повторим снова, что проблема этногенеза и этнографические «тонкости» народов Сибири, в частности, Саянской котловины, не имеют для нас принципиального значения, поскольку конгломерат, проживавших здесь племен и народов, воспринимается нами как общее население данного региона, без выделения национального и этнического компонента аборигенов. В силу этого, мы будем оперировать в дальнейшем для обозначения населения Саянской котловины закрепившейся за ними термин «урянхайцы», а для территории, на которой они проживали – «Урянхайским

³⁴ Так именовались территории, находившиеся под прямой властью енисейских кыргызов. Родовые же земли кыргызских правителей находились в районе слияния Белого и Черного Июсов, дающих начало р.Чулым.

³⁵ Русско-китайские отношения. Материалы и документы. – М., 1969. Т.1. с.40.

³⁶ Там же. с.49.

³⁷ Буганаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакассии XVII - начала XVIII вв. – Абакан, 1995. С.81.

³⁸ Монгольско-русские отношения. 1654-1680. Сб. док-тов. – М., 1996. С.255.

³⁹ Уманский А.П. Телеуты и их соседи. Ч.II.- Барнаул, 1995. С.47.

краем», не пренебрегая и устоявшимися этнонимами – «соеты» («сойоты»), «саянцы» и «Туба – улус».

Определившись с дифинициями, перейдем к характеристике государственно-политических образований, имевших место у насельников, проживавших в начале XVII века в Саянской котловине. Однако документальные ситочки не зафиксировали, к сожалению, на территории современной Тувы какой-либо государственности у предков тувинцев, как субъекта международных отношений. В них в большинстве своем нашли свое отражение государственные образования восточных и западных монголов, а также тюркского населения Хакасско-Минусинской котловины. Но это совсем не означает, что население, проживавшее в начале XVII века на территории современной Тувы, не имело элементов своей государственности. Чтобы обосновать свои предположения, сошлемся на свидетельства Г.Е.Грумм-Гржимайло, приведенные им в его работе «Западная Монголия и Урянхайский край», в которой он подчеркнул, что «территория по Кему и Кемчику находилась под управлением урянхайских князей уже в начале XVII века».⁴⁰ Однако подчеркнув это, он тут же уточняет, что «урянхайцы, несмотря на значительные размеры территории, находившейся некогда в их обладании, простиравшейся от вершины Иркутка до Иртыша, никогда не играли видной роли в истории. Они не имели даже своих туземных князей, и только однажды, объединенные хотогойтами под властью халхаских князей, достигли некоторого политического значения».⁴¹

Отдавая должное проницательности исследователя, добавим со своей стороны, что государственные образования предков современных тувинцев, действительно, не играли значительной роли в политических событиях, имевших место в данном крае в начале XVII века. Но это вовсе не означает, что таковых не было вообще здесь в рассматриваемое время. Чтобы подтвердить это, сошлемся на один лишь пример. Так, в «Распросных реях» В.Тюменца фигурирует «Саянская земля», которой управляет князец Кара-Сакал» и «коя расположена» рядом «с Мацкой землей», которая находится между «Киргизской землей» и владениями «Золотого хана».⁴² Судя по вышеназванному документу, князец этот был независим и от кыргызов, и от Алтын-хана. Упомянул данного «князца» в своей работе и известный сибирский историк И.Кузнецов-Красноярский. В 1616 году, свидетельствовал он в свое время, казаки, «перевалив Саянский хребет, прибыли к сойотскому князю Кара-сакалу, коей [и] расспрашивал их... какие де вы люди и от какова царя едите?»⁴³

Продолжая разговор о «Саянской земле», сошлемся на встречу боярина Ф.И.Шереметьева с английским послом, имевшую место в Москве, в 1617 году. Гость, описывая свою дорогу в Китай, перечислил земли многих

⁴⁰ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.3. Вып.2. Антропологический и этнографический очерк этих стран. – Л., 1930. С.665.

⁴¹ Там же. С.697.

⁴² Русско-китайские отношения. Т.1... с.46.

⁴³ Кузнецов-Красноярский И. Из истории южных частей Енисейской губернии. – Томск, 1908. С.61.

«кочевых орд и языков», которые ему довелось преодолеть. В их числе, наряду с «калмыками белыми и черными, Алтын-ханом и Желтым царем, Кыргызы», названы и «Саяны».⁴⁴ Достаточно часто упоминается в русских документах (правда, второй половины XVIIв.) тувинский улус, расположенный в районе «Большого Саяна» («соецких юртах, у сокцких мужиков, у Токума – дарги»)⁴⁵ Безусловно, это было административно-территориальное образование «саянских кочевников», которое в документах зафиксировано как «соецкие мужики на зверовье».⁴⁶

Наряду с вышеуказанными, русские документы упоминают и других «саянских князцов», стремившихся сохранить свою независимость. Среди таковых они называют «князца Иргая с товарищи». В середине XVII века, он с «полутысячей своих людей отъехал в черные калмыки (т.е. в Джунгари. – Авт.) и жил там многие лета... А ныне... те саянские люди приехали ис черных калмаков в Мунгальскую землю и кочуют... на Кемчике-реке».⁴⁷ В числе таких «самовольцев», т.е. самостоятельных, назван русскими и «саянский князец Манзей», который «противится» не только «другим кочевым владельцам», но и оказал вооруженное сопротивление и русским сборщикам ясака.⁴⁸ Подобное действие мог совершить, безусловно, только «владелец» самостоятельного, причем, значительного улуса или земли.

Но, несмотря на наличие в «Саянах» самостоятельных князей, в регионе все же не было какого-либо определенного, сложившегося государственного образования не только в границах современной Тувы, но даже в пределах какой-либо ее частей. Видимо, в силу этого, и использовали русские документы различные обозначения для обозначения «Засаянского края». Наиболее часто встречающимся из них является название «Саянская земля». Однако оно явно не соответствует истине. Дело в том, что под этим названием обычно воспринималась территория современной Тоджи. Нередко название «Саянская земля» использовалась для обозначения всех земель, на которых проживали «сояны» («саяны») или же для обозначения всего горного Саяна, включая и часть Алтая. В ходу было и название «Кемницкая степь», правда, с уточнением, что под ним понимается район «Кемчика близ Кирьгисские земли». Но чаще всего территорию, на которой жили предки нынешних тувинцев, называли «Мунгальской землей». И, наконец, в середине XVIII века земли, находившиеся южнее границы в Саянах, стали именоваться в русских документах «Соецкой волостью» или «Мунгальской соецкой волостью».⁴⁹

Чем же занимались ее насельники? Согласно источникам, основным видом их хозяйства являлось экстенсивное скотоводство. Лишь у жителей горно-таежных районов главную роль играла охота на пушного и копытного зверя. Заметное влияние на хозяйственную деятельность «саянцев», особенно

⁴⁴ Русско-китайские отношения. Т.1...с.61.

⁴⁵ Русско-монгольские отношения...с.420.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С.57

⁴⁸ Фишер И.Э. Сибирская история. – СПб., 1774. С.461.

⁴⁹ Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. – Минусинск, 1918 . с. 131-132.

на размер и структуру их стада оказывали климатические условия и характер местности. В значительной степени зависели от этого и направления, а также продолжительность перекочевков и способы кочевания. Узкие горные долины с богатыми альпийскими лугами то и дело перемежались с таежными лесными массивами, многочисленными реками и богатой флорой, которые, с одной стороны, способствовали развитию в Саяно-Алтайском регионе кочевого скотоводства сезонного типа, а с другой, - сдерживали рост поголовья скота. Иначе говоря, в «Саянской земле» не было такого скотоводства, которое было присуще, к примеру, степной Монголии. Результатом всего этого (вкуче с постоянными опустошительными нашествиями различных «воинских орд и людей») и стали, по справедливому заключению исследователей, малочисленность и разбросанность населения «Саянской земли» по ее территории.⁵⁰

Перекочевки ее насельники совершали (как и их соседи – алтайцы и монголы) небольшими группами, как правило, родственных семей («аалами») на расстояние в несколько километров. При этом скот – в основном лошади, овцы, олени и коровы – находился круглый год на подножном корме. Сено заготавливалось на зиму в очень ограниченном количестве: только для поддержки молодняка. Скот для «саянца» был всем: и продуктом питания, и средством передвижения, а также предметом торговли и обмена, мериллом, наконец, знатности и богатства человека. Разводили же тувинцы, как и другие народы Саяно-Алтайского нагорья и Центральной Азии, овец, коз, крупный рогатый скот, лошадей, оленей и в небольшом количестве верблюдов и сарлыков (яков). Если овцы, козы, коровы и лошади имелись почти у всех «саянцев», то верблюды являлись достоянием только богачей южных районов Тувы. Данные «экзотические» животные были вывезены, по мнению ученых, в «Саяны» из соседней Монголии.⁵¹ Сотнями голов исчислялось и количество сарлыков, которых тувинцы называли «могуш инек» - «монгольская корова». Это были хорошо приспособленные к суровым условиям Саян животные, дававшие кочевникам молоко, мясо, шерсть и пригодное, при том, для вьючных перевозок животное. Однако первостепенную роль в последнем деле, особенно в восточных районах Тувы – Тодже – играл олень, прирученный тоджинцами с давних времен. Это во многом было предопределено климатическими условиями Тоджи. По ее горной тайге можно было проехать только на олене, т.к. из-за мягкости грунта, продвижение здесь на лошади не представлялось возможным. С другой стороны, в тоджинской тайге не было необходимого корма для нее. В то же время ее высокогорная область располагала большими запасами лишайников и мхов, служивших кормом для оленя. Словом, последний для тоджинца был уникальным животным: оно обеспечивало ему пропитание, а также служило его главным транспортным средством.

⁵⁰ Моисеев В.А. Указ. Соч. с.20.

⁵¹ Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX - начало XX в. – М., 1956. с.63.

Важным подспорьем в жизни населения Саяно-Алтайского нагорья, а для тувинцев -тоджинцев – и основным хозяйственным занятием – была охота. Она, как и у северных алтайцев, велась артелями и в одиночку, на коне (олене) и пешком, зимой – на лыжах. Весьма разнообразны были и формы охоты: от промысла с луком (с набором разных стрел), а с начала XVIII века – с ружьем.⁵² Добытая в тайге продукция (мясо, пушнина и др.) шла как на удовлетворение собственных нужд промысловика и его семьи, так и на уплату ясака (или дани – «албана») могущественным соседям, а также обменивалась на предметы ремесла и земледелия. Видную роль, в связи с обменом, играла охота на марала, которого тувинцы добывали, главным образом, - наряду с мясом и шкурой, - ради пантов, находивших особый спрос, в силу особых качеств, приписываемых им китайской медициной, на китайском рынке.⁵³

Знали насельники Саянского края и рыболовство. Однако оно у них, в силу предубеждений против рыбы, имевших место у тувинцев (как и у монголов, тофаларов и других азиатских народов), считавших ее «неполноценным продуктом», было слабо развито. Потому-то «урянхайцы» не были «большими охотниками до рыбы».⁵⁴ Ее промышляла и заготавливала впрок только лишь беднейшая часть «урянхайского населения», для которой рыба была (как у якутов и казахов⁵⁵) «главным питательным продуктом».

Более значимым хозяйственным занятием для тувинцев, равно как и для всех народов Саяно-Алтайского нагорья, было собиранье съедобных трав и корней. Наиболее распространенным их числа последних являлся корень сараны (*Lilium Marthogon*), обладавший питательными свойствами как в свежем, так и в сушеном виде. Кроме этого, он ценился у населения Центральной Азии (утувинцев, карагасов, теленгетов, телеутов, калмыков, монголов и др.) и как лекарственное растение. В силу этого, «инородцы» и выходили на сбор сараны, равно и других корней, целыми семьями, что позволяло заготавливать ее на зиму по «нескольку пудов». В частности, тоджинцы заготавливали сараны до четырех пудов на человека. Ее они употребляли в виде каши на коровьем или оленьем молоке.⁵⁶

Населению интересующего нас региона было знакомо и земледелие. И хотя оно здесь бытовало с древнейших времен, тем не менее, данный вид хозяйственной деятельности имел в экономической жизни местных народов подсобный характер, а потому и не играл в ней существенной роли. Более значительное место в ней занимали промыслы и ремесла, в частности, кузнечное дело. Последнее в вышеозначенное время имело, согласно свидетельствам источников, достаточно высокий уровень. Однако, несмотря

⁵² Там же. с.100.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году, по поручению ИРГО. – СПб., 1886. с.198.

⁵⁵ Серошевский С. Якуты. – СПб., 1896. с.197; Левшин А. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч.3. – СПб., 1832. с.209.

⁵⁶ Дулов В.И. Указ. Соч. с.106.

на это, оно не выделилось в самостоятельную отрасль «инородческого» хозяйства, а потому и служило лишь удовлетворению его потребностей и для выплаты дани – «железом» - сюзерену. Свидетельство тому – царский наказ кузнецкому воеводе Е.И.Баскакову, посланный ему в 1622 году. «А около Кузнецково острогу, на Кондоме и на Брассе (судя по месту расположения острога и излагаемым фактам, это река Мрасса – Авт.) реке, - гласит он, - стоят горы каменные..., и в тех горах емлют кузнецкие есачные люди камень...кое разжигают (нагревают) на дровах и разбивают молотами намелко, а разбив, сеют решетом, а просеяв, сыплю понемногу в горн, и в том...сливаетца железо, [а из него] ... делают пансыри, бехтерцы, шеломы, копы, рогатины...сабли и всякое железное, опричь пищалей. А кузнецких людей в Кузнецкой земле тысячи с три и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое дело».⁵⁷ По оценкам специалистов, железо, получаемое «кузнецкими людьми», а также изделия, производившиеся ими из него, часто было более высокого качества, чем русские.⁵⁸

Наряду с «кузнечным делом», бытовали у насельников Саяно-Алтайского нагорья и другие промыслы, в частности, выделка шкур и кож, изготовление войлока и др. Все товары и изделия, производимые местными «инородцами» пользовались постоянным спросом у русских крестьян и служилых людей. Нередко через последних «инородцы» становились обладателями и «запретных товаров» - огнестрельного оружия и боеприпасов» к нему. Об этом почти всегда свидетельствовали коренные жители Саяно-Алтая в своих «расспросных речах», даваемых ими воеводским «проведчикам вестей» (т.е. разведчикам).⁵⁹ Однако со временем, «инородцы» данного региона научились и сами производить огнестрельное оружие и боеприпасы к ним и стали обменивать то и другое «нуждающимся» на товары, которые не производились в кочевом хозяйстве «Урянхайцы Саянской волости, спускавшиеся летом с Чулышмана на Катунь, - свидетельствовал в свое время Г.Н.Потанин, - сходились здесь с канскими и каракольскими калмыками, спускавшимся с Кан-Карагая, и обменивали хлеб, табак, серу горючую, селитру и железо, а у каракольцев брали соболей, лисиц, лосины, кожи и другую мягкую рухлядь».⁶⁰ Последняя пользовалась немалым спросом и у соседей саяно-алтайцев, в частности, у представителей монгольских и тюркских племен, населявших в начале XVII века северо-западную часть Центральной Азии.

1. Соседи саяно-алтайских народов в XVII веке.

Наиболее близкими к ним в начале XVII века были кочевники Монголии, которая в рассматриваемое время делилась на Южную, или Внутреннюю

⁵⁷ Материалы по истории русско-монгольских отношений. Т.1. 16307-1636 гг. – М., 1959. с.115.

⁵⁸ Ядринцев Н.М. Об алтайских и черневых татарах. ИИРГО. Т.17. 1881. с.239.

⁵⁹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф.21. Оп.4. Д.17. Л.16.

⁶⁰ Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией. – Чтения ИОИДР при Московском университете. Кн.2. – М., 1866. с.102.

(к югу от пустыни Гоби),⁶¹ Северную, или Халху (к северу от пустыни Гоби) и Джунгарию (на запад от пустыни Гоби). Каждая из этих областей делилась, в свою очередь, на ряд крупных, средних и мелких феодальных владений, управлявшихся своими наследственными правителями. К примеру, в Халхе господствовали три могущественных феодала: Цэцэн-хан, Тушету-хан и Дзасакту-хан.⁶² Плдчинив своей власти всех других монгольских князей, они играли первостепенную роль в политической жизни Монголии того времени. По силе и могуществу не уступали им и правители хотогойтов, вошедшие в историю под громким именем «Алтын-ханов» («Золотых ханов»). Их государство располагалось в северо-западной части Халхи. Его «рождение» ученые датируют последним десятилетием XVI века, а появление данного государства они связывают с одним из внуков знаменитого монгольского князя Гэрэсэндзэ – Шолой-Убаши-хунтайджи, ставка которого находилась в районе озера Убсу-Нур (иногда – в долине р. Тес).⁶³ Однако его наследник – второй «Алтын-хан» - Омбо-Эрдэни, - опасаясь нападений «врагов» с юго-востока, обезопасил свою ставку, переведя ее в 30-х гг.XVII века на «Хемчик». В связи с этим, следует, что формально Омбо-Эрдэни считался подвластным Дзасакту-хана, фактически же он был вполне самостоятельным правителем. Более того, второй «Алтын-хан» не раз нападал на своего сюзерена и на других кочевых владетелей. Такого рода его «активность» способствовала тому, что границы его ханства распростерлись в рассматриваемое время от Саянских гор на севере до хребтов Монгольского Алтая на юге, до озера Убса – на западе и до озера Косогол – на востоке.⁶⁴

Экспансионистские устремления отца продолжил и его сын – Лозон (Лубсан, Эринчин), ставший во главе государства Алтын-ханов в 1657 году, ставка которого находилась сперва на реке Тес, а потом она была перенесена в долину Хемчика, а с лета 1663 года Лубсан обосновался в долине реки Ус.⁶⁵ Продолжая дело отца, хотогойтский правитель подчил себе и обложил данью не только тюркские племена Саяно-Алтая, но и некоторые племена енисейских кыргызов. Подобные захватнические устремления Лубсана в указанном регионе привели его к закономерному результату: его интересы столкнулись с интересами другого монгольского государства – Джунгарского ханства, правители которого имели свои «виды» на коренных насельников Саяно-Алтайского нагорья.

Государство же западных монголов – ойратов, сложившееся в середине 30-х гг.XVII века, занимало довольно значительную территорию к юго-западу от Монгольского Алтая. Усилиями его правителей (Батура-

⁶¹ В 1636 году Южная Монголия будет завоевана маньчжурами, о чем будет сказано подробнее несколько ниже.

⁶² Цэцэн-хан, Тушету-хан и Дзасакту-хан – наследственные титулы феодальных владетелей Северной Монголии.

⁶³ Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии. – Советское востоковедение. 1949. Вып.6. с. 383-395.

⁶⁴ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654 – 1685. Сборник док-тов. – М., 1996. С.94.

⁶⁵ Русско-монгольские отношения. 1654-1685. Сборник док-тов. – М., 1996. С.94.

хунтайджи (1635-1653), Сэнгэ (1653-1670), Галдана-Бошокуту-хана (1671-1997) коренное население Алтая и его соседи оказались – временно – в зависимости от ойратских князей. Попали под их власть также и енисейские кыргызы. Это случилось после того, как в 1666-1667 гг. ойраты наголову разгромили «Алтын-хана Лубсана». В это время, согласно источнику, он кочевал на киргизской земле, на «Абакан-реке». Когда джунгары согнали его с «тех мест», он ушел «вверх по Енисею-реке, за Саянский камень». Его данники, оставшиеся на киргизской земле и платившие ясак в Красноярск, увидя победу ойратов, «подались к калмыцкому владельцу». ⁶⁶ На уплату «тяжелой дани» ему согласились также насельники Алтая и часть западных тувинцев. Это они были вынуждены признать под угрозой физического уничтожения или переселения в Джунгарию в качестве рабов. О нелегкой участи насельников Саяно-Алтая, в частности, алтайцев свидетельствует отписка томского воеводы С.Вяземского в Москву. Джунгары «ездят [по алтайским кочевьям]... и государевых ясашных людей мучают, бьют и грабят, и всячески разоряют... всякую мягкую рухлядь и платья, зипуны и шубы, и котлы, и топоры сильно отнимают и лошадей отгоняют». ⁶⁷ С теми же, кто отказывался платить дань ойратам, последние обходились самым жестоким образом. Источник того времени повествует, как действовал в таких случаях «пособник джунгаров» - «телеутский князь Байгорок», сбиравший по указу «контайши» дань с насельников Алтая. Так, прибыв в улус «отказника» Чеоктона, он разбил его юрты, а самого «ясачного татарина Чеоктона», схватив, выколол у живого глаза, «резал из спины ремень», а потом повесил его на дереве. ⁶⁸

Говоря об отношении джунгаров к своим «кыштымам», следует подчеркнуть, что их правительство весьма редко вмешивалось в их внутреннюю жизнь. Оно предоставляло князьям «подвластных им земель и улусов» широкую свободу действий как во внутренних, так и во внешних делах. В плане «подчинения», «алтайские и урянхайские правители» подчинялись тем ойратским нойонам, чьи кочевья находились в непосредственной близости к Саяно-Алтаю. Несколько по-иному обстояли взаимоотношения джунгаров с енисейскими кыргызами. В отдельные их улусы центральная ханская власть назначала своих «временных наместников». ⁶⁹

Подчинение правителей «кыштымов» джунгарскому контайше обязывало их, кроме своевременного сбора и уплаты с соплеменников «полной дани», выполнять и ряд других «служб». В частности, они обязаны были «нести пограничную службу», т.е. охранять границы ойратских владений в Саяно-Алтае, выставляя (в соответствии с указом хана) определенное количество полностью вооруженных воинов для

⁶⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВПР). Ф.113. Оп.1. Д.1. Л.5.

⁶⁷ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д.18. Л.416об.

⁶⁸ Памятники сибирской истории XVIII века. Кн.2. – СПб., 1882. с.310.

⁶⁹ Копков К.Г. Указ. соч. с.77.

участия их в военных походах, предпринимаемых ойратами против соседних государств и народов, встречать и провожать послов, «идущих к контайше или следующих от него домой или к правителям других государств». Пусть редко, но джунгарский правитель практиковал «вызов главных тюркских и иных кочевых народов владельцев» в свою ставку для обсуждения наиболее важных, общегосударственных дел и вопросов. Считая «кыштымы» составной частью своего государства, контайша распространял на их насельников, в частности, и на население Саяно-Алтая действие ойратских законов, принятых на общемонгольских съездах, в частности, монголо-ойратских законов 1640 года.⁷⁰

Однако «всеобъемлющие внешнеполитические и экономические устремления» ойратского правителя в отношении насельников Саяно-Алтайского нагорья, натолкнулись на «противодействие» такого же характера со стороны Русского государства, имевшего свои «виды» на данный регион. И, хотя джунгарские и северомонгольские феодалы были заинтересованы в экономических связях с русскими, в частности, в получении продуктов русского ремесла, они, тем не менее, стали упорно отстаивать свое право на феодальный грабеж сибирских племен и народов, в том числе и Саяно-Алтая, многие из которых – к середине XVII века – уже значились в числе тех, кто принял «русскую протекцию». Подобному «произволу кочевых владельцев» в значительной степени содействовало то, что между «землями великого государя» и владениями джунгарских, северомонгольских и «иных кочевых феодалов» не было официально установленных границ. В силу этого, отдельные группы сибирского населения оказались в положении двоеданцев и даже троеданцев. Таким образом, борьба за дань неизбежно приводила претендентов к политическим трениям и пограничным конфликтам. В создавшихся условиях, русское правительство твердо держалось своей позиции: принятие шерти (присяги) «на верность великому государю», свидетельствовавшее о принятии русского подданства, оно рассматривало как акт, не подлежащий пересмотру. И этим принципом Москва никогда не поступалась, даже в случаях, когда отдельные группы сибирских «инородцев» вынуждены были под «давлением военной силы» откочевать на территорию соседних государств. Особенно остро эта проблема встала в 60-х гг. XVII века перед коренным населением Томского и Кузнецкого уездов, а также перед аборигенами верховий Енисея, на сбор дани с которых заявили свои претензии кыргызские феодалы, а с коренного населения Забайкалья – северомонгольские ханы и тайши.⁷¹

Словом, коренное население, обитавшее на территориях, примыкавших к сибирским и дальневосточным рубежам, стало – в середине XVII века – «яблоком раздора» между джунгарскими, монгольскими владетелями, а также Русским государством и цинским

⁷⁰ Голстунский К.Ф. Указ. соч. с.114.

⁷¹ Александров В.А. Указ. соч. с.47.

Китаем. От этих «действующих лиц», особенно двух последних, в значительной степени зависела общая внешнеполитическая обстановка в Центральной Азии. Ее нормализация во многом зависела от решения проблемы государственного пограничного размежевания между Русским государством и цинским Китаем., имевшей – одновременно – и немаловажное значение и для нормализации русско-джунгарских и русско-монгольских отношений. Однако Пекин не шел на ее решение. Его внешнеполитическая позиция в деле взаимоотношений с Русским государством оставалась, начиная с начала 50-х гг. XVII века., по сути дела, неизменной: цинское правительство все делало для того, чтобы окружить Китай «зоной малонаселенных вассальных территорий и осуществлять в дальнейшем активную политику внешних военных захватов», особенно на севере и северо-востоке, а потому оно и слышать не хотело – даже в перспективе – об установлении общих границ с «Олосыго» (так китайские документы того времени именовали Русское государство – Авт.), опасаясь «за свои вотчинно-династические интересы в Маньчжурии», откуда Цины, в силу обстоятельств, вынуждены были вывести свою ударную силу и опору – «восьмизнаменные войска» - на территорию завоеванного Китая.⁷²

Со временем этот внешнеполитический курс Пекина будет дополнен «новыми расчетами и соображениями» и стане неуклонно претворяться в жизнь правителями Цинской империи. Пока же, в 50-х гг. XVII века, они активно пользуются им в Приамурье, аборигенное население которого принимает (по мере освоения русскими данного региона) позицию, никак не устраивавшую их: «местные варвары» уходили – в большинстве своем – «под высокую руку русского царя». Такая же ситуация – не в пользу Китая – складывалась в Забайкалье и других районах Южной Сибири. Все это свидетельствовало о непрочности позиций маньчжурского правительства здесь. Чтобы поправить свое положение, оно прибегло к старой практике: угону аборигенов со своих мест в Китай. Первые такого рода «акции» маньчжуры осуществили в 50-х гг. XVII века, когда их вооруженные отряды прибыли на Амур и «угнали оттуда значительную часть местного оседлого населения».⁷³

Но угнав его «из родных мест», маньчжуры не добились его «покорности». Свидетельство тому – события, связанные с эвенкийским князем Гантимуром, принявшим русское подданство сразу же, «как только русские правительственные отряды появились в Приамурье. Это случилось в 1651 году.⁷⁴ Когда, по словам Гантимура, маньчжуры пришли на Амур и угнали его людей «в маньчжурские пределы», в район Науна, то он добровольно откочевал туда же.⁷⁵ Маньчжурские власти

⁷² Александров В.А. Указ. соч. с.49.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Копылов А.Н., Мясников В.С. Рецензия на книгу П.Т.Яковлевой «Первый русско-китайский договор 1689 г.». – История СССР. 1959. №4. с.179.

⁷⁵ По мнению ряда исследователей, эта откочевка Гантимура была обусловлена его боязнью попасть в район военных действий между вторгнувшимися на Амур маньчжурскими войсками и русскими отрядами.

сразу же предприняли попытку использовать его появление для упрочения своего влияния над угнанным его населением. Для этого, ему «милостиво были сохранены его владельческие права», а также ему было пожаловано ежегодное денежное жалование». Это «возвышение» Гантимура на новом месте зафиксировали и русские документы. Они свидетельствуют, что последний служил у «богдойского царя четвертым боярtnом», т.е. Гантимуру был пожалован, в соответствии со служилой маньчжурской иерархией, «четвертый чин».⁷⁶

Свою роль в политическом противостоянии Русского государства с цинским Китаем, джунгарскими и «иных земель феодалами» играла и крестьянская колонизация сибирских просторов, докатившаяся за несколько десятилетий до берегов Тихого океана, но застопорившаяся в свое продвижении на юг в районе Саяно-Алтайского нагорья. Но, несмотря на это, «племена и народы», проживавшие к северу от него, а также в междуречье Оби и Енисея, признали себя – в середине XVII века – подданными Русского государства и обязались выплачивать ясак «великому государю». И в этой связи, нельзя не сказать пару слов о представителях Русского государства – служилых людях и крестьянах, - которые в отличие от халхаских и джунгарских феодалов, стремившихся только «выбить дань» из местных «иностранцев», сбору ясака с них уделяли не слишком много внимания. Их в большей степени интересовала возможность широкого и активного освоения территории Южной Сибири. Благодаря этому, на пути их следования неизменно вырастали, как правило, остроги и крепости, под защитой которых «крестьянами да и казаками заводились пашни и селения». По этим опорным пунктам наглядно можно было проследить распространение русского влияния в Саяно-Алтайском регионе. Такими городами-крепостями стали для Алтая Томск (1604 г.), Кузнецк (1618 г.), Бийск (1718 г.); в Саянском крае – Красноярск (1618 г.), Енисейск (1619 г.), Иркутск (1661 г.), Тункинский острог (1676 г.) (и др.).⁷⁷

Значительно медленнее шло продвижение русских в бассейне Среднего и Верхнего Енисея. Причиной этой «медлительности» стали господствовавшие здесь кыргызские князья. Не желая терять своих данников, а также права монопольно грабить «тамошних иностранцев», они всюду оказывали упорное сопротивление русским служилым людям, постоянно нападали на возведенные ими опорные пункты, в частности, на Красноярск и Енисейск. Натиск и упорство кыргызских князей «стимулировались» как показали дальнейшие события, поддержкой Алтын-ханов и джунгарских феодалов. Свидетельство тому – донесения сибирских воевод, которые они регулярно отправляли в Москву. «Только... на изменников-киргис и на [их] товарищей, - гласит одно из

⁷⁶ Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной Коллегии Иностраных дел в 1792-1803 год. – Казань, 1882. с.36.

⁷⁷ Моисеев В.А. Указ. соч. с.26.

них, - [мы пошлем] ратных людей [как] мунгальские люди и черные калмыки за киргис станут (т.е. заступаются – Авт) и на служилых людей [приходят] войною».⁷⁸

Русское правительство, дабы не осложнять отношений с северомонгольскими и джунгарскими феодалами, старалось мирно урегулировать возникавшие проблемы. Так, в одном из наставлений, связанным с вопросом принятия племенами Верхнего Енисея русского подданства и направленном в 1651 году кузнецкому воеводе Ф.Е.Баскакову, было предписано, что в случае, если «те саянские кыштымы не мунгальские, и не калмыцкие, и не киргизские, а живут они собою и [их] под нашу царскую руку привести...мочно...и ты б, смотря по тамошнему делу, велел тем кузнецким князям Кустенейке с таварищи, с нашими служилыми людьми над теми Саянскими кыштымами промышлять, чтоб их под нашу царскую руку привести и ясак с них на нас имать».⁷⁹

По мере укрепления русского влияния на Енисее (как в целом в Сибири), «росла» и безопасность местных «инородцев», поскольку принятие «подданства белого царя» избавляло их от нашествий и грабежей со стороны джунгарских и северомонгольских феодалов, и от их геноцида. В силу этого, многие тюркоязычные племена, а то и их родоплеменные образования нередко сами искали «русского покровительства», а заручившись им, давали – вместе с русскими служилыми людьми – отпор «набежникам» из числа киргизских князей и других «кочевых владетелей». Не смущал «новоподданных инородцев» и ясак, который они, обязаны были давать в казну «великого государя». Поэтому поводу небезынтересны сообщения русских казаков, бывавших в качестве ясачных сборщиков у «новоподданных инородцев», обитавших на Енисее. «Хотим, - говорили многие из них казакам, - чтоб ясак с нас брал один государь, а не князи». Потому «мы... под государевой рукой быть готовы».⁸⁰ И, надо сказать, слова «инородцев» не расходились с делами: после укрепления Красноярска и Енисейска, русское подданство приняли родоплеменные группы тубинцев, аринцев, мотороцев, живших по Абакану и по северным склонам Саян. Отдельные же племена и роды северо-восточных районов Тувы (тоджинцы) были «обложены» - в начале второй половины XVII века – данью «в пользу русского государя».⁸¹

Однако эта, положительная для Русского государства, тенденция сошла вскоре на нет. В первую очередь этому «содействовала» его тяжелая борьба с кыргызскими князьями за Туву. Но еще больше усугубило и без того непростую ситуацию «в Саянах» вторжение в данный регион джунгарских войск. Все это вместе взятое и помешало

⁷⁸ Дополнения в Актам Историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. Т.3. – СПб., 1848. с.151.

⁷⁹ Акты исторические, собранные и опубликование Археографическою комиссиею. Т.4. – СПб., 1842. с.149.

⁸⁰ История Тувы. Т.1. с.203.

⁸¹ Дополнения к Актам историческим...с.319-320.

Русскому государству привести в свое подданство все население, проживавшее в Туве. Не последнюю роль в этом деле сыграли и необоснованные попытки русских властей – центральных и местных сибирских – «склонить Алтын-ханов» к признанию ими подданства «Московского государя».

4. Возвышение маньчжурских племен, становление и развитие их государственности.

На исходе XVI века обстановка в Восточной Азии начинает заметно изменяться. Это, в известной степени, было связано с появлением на ее арене нового действующего лица – маньчжурского военно-феодального государства, которое сыграет в дальнейшем весьма негативную роль в истории многих азиатских народов, в частности, китайцев, монголов, корейцев и др.

Маньчжуры (или «маньчжу») представляли собой одно из многих южно-тунгусских племен, обитавших в древности на территории Маньчжурии (историческое наименование современной северо-восточной части Китая, но в географическом плане более узкое, чем современное понятие «Дунбэй» - «Северо-Восток КНР – Авт.), история которых восходит ко второй половине VII века. В основе их хозяйственной деятельности лежали скотоводство, охота и земледелие. Во главе маньчжурского общества стояли их «природные вожди», безраздельно распоряжавшиеся принадлежавшими роду пастбищными и охотничьими угодьями. Как и у большинства народов Центральной Азии, у маньчжуров начинают зарождаться в конце XV столетия феодальные отношения. В ходе этих преобразований ихние племенные предводители постепенно превращаются в «наследственных князей» («бэйлэ» - титул высшей маньчжурской знати 3-ей степени), которые активно включаются в борьбу за пастбища и охотничьи угодья, а также за наиболее выгодные условия торговли. Согласно данным китайских источников, во второй половине XVI века в пределах Маньчжурии имелось свыше 60 мелких тунгусских феодальных владений, главы и население которых были весьма заинтересованы в торговле с Китаем, которому маньчжуры сбывали – в обмен на продукты китайского земледелия и ремесла – лошадей, пушнину и женьшень.⁸²

В 1575 году правителем маньчжуров становится князь Нурхаци (его резиденция находилась в местности Хэтуала, расположенной в 195 км к востоку от Мукдена – Н.М.). Воспользовавшись выгодным географическим положением своих земель, через которые проходили основные торговые пути в Китай, он начал постепенно подчинять себе одно княжеское владение за

⁸² Мэнгу цзу цзинь ши (Краткая история монгольских народностей). – Хух-Хото. (1978). Используются материалы В.А.Моисеева.

другим. К 1616 году в руках Нурхацы оказалась большая часть маньчжурских феодальных владений. Это дало ему возможность принудить подчинившихся ему князей провозгласить себя ханом⁸³ Маньчжурского государства. Однако этот «дипломатический акт монгольских феодалов», справедливо подметил в свое время Давид М. Фаркхар, совсем не означал их политическое подчинение новоявленному маньчжурскому правителю.⁸⁴ Так завершилась многолетняя и ожесточенная борьба правителей тунгусских княжеств за верховную власть, в которой приняли участие и монгольские феодалы, владения коих находились по соседству с маньчжурскими княжествами.

Наиболее раннее упоминание источников об установлении дипломатических контактов между маньчжурами и монголами относится к началу 90-х гг. XVI века. Согласно их свидетельствам, южно-монгольские феодалы Минган из княжества Хорчин и Лууса впервые посылают в 1594 году своих послов ко двору Нурхацы и устанавливают таким образом с ним «дружественные отношения».⁸⁵ В дальнейшем, по свидетельству данного же источника, контакты между Нурхацы и монгольскими князьями происходили постоянно. Однако не все монгольские князья пошли на «поклон» к Нурхацы. В частности, по свидетельству источника, хорчинский князь Онгудай, выступил в 1598 году с оружием в руках (в союзе с правителями тунгусских княжеств Улла, Дэда, Хойфа и др. – Авт.) против Нурхацы, но потерпел поражение. Уступив сопернику на поле брани, хорчинец, немедля, вступил в союз с победителем. И, чтобы еще сильнее упрочить его, Онгудай первым из монгольских феодалов породнился с «домом Нурхацы».⁸⁶

Но наиболее значимое для маньчжура посольство прибыло в его ставку весной 1605 года. Тогда его навестил монгольский тайджа Энгэдэр, из княжества Байют, «преподнесший хану 20 лошадей».⁸⁷ Очередной визит монгола в ставку Нурхацы (уже от имени «пяти халхаских племен» - Авт.) состоялся в начале 1607 года. Наряду с поношениями, ему было передано письмо, в котором Нурхацы был назван «мудрым и могущественным императором».⁸⁸ В последующие годы отношения между маньчжурами и южными монголами развиваются в русле установившейся тардиции, которая была закреплена брачными союзами: маньчжурский правитель и члены его рода брали себе в жены дочерей высших монгольских феодалов.

Укрепляя свое могущество, правитель маньчжуров двинул свои войска на Корею. Этим походом на нее Нурхацы открыл в 1618 году эпоху

⁸³ Следуя традиции, установившейся в отечественном и зарубежном китаеведении, мы называем маньчжуро-цинских правителей по девизам их правления, а не по личным или храмовым именам, присваивавшимся каждому императору после его смерти. По личным именам названы лишь Нурхацы (1616-1626) и его сын Абахай (1627-1643), а последующие – по девизам их правлений. Так, сменивший Абахая его сын Фулинь имел девиз правления «Шуньчжи» (т.е. «Благоприятное правление». 1644-1661), а потому и именуется он «император Шуньчжи», его наследник, правивший под девизом «Прцветающее и лучезарное правление» называется «императором Канси» и т.д.

⁸⁴ Внешняя политика государства Цин в XVII...с.338.

⁸⁵ Да Цин Тайцзу Гоухуанди шилу (Хроника правления императора Тайцзу великой династии Цин). – Токио, 1937. цз.(глава) 2, с.19а.

⁸⁶ История Монгольской Народной Республики. – М., 1983. с.192.

⁸⁷ Да Цин Тайцзу Гоухуанди шилу..., гл.3, с.9а.

⁸⁸ Там же. С.9а-9б.

маньчжурских завоевательных войн. Тогда же он вступил в борьбу и с империей Мин. Этот конфликт заметно изменил характер маньчжуро-монгольских отношений. Монгольские феодалы, как известно, с давних пор обогащались как за счет подарков, подносившихся им китайским правительством, желавшим иметь с монголами мир на своей границе, так и за счет военных набегов на пограничные территории Китая. Поэтому наступление Нурхацы на империю Мин они восприняли как его попытку лишить их «законной статьи дохода». Поэтому, когда в августе 1619 года маньчжуры овладели китайским городом Телинчэном, на победителей напало 10-тысячное монгольское войско. Однако монголы не добились успеха. Более того, в плен попало немало крупных монгольских феодалов, в том числе «бэйлэ» Дзасай с двумя сыновьями, тайджи Сэбэн из княжества Джаруд, сын хорчинского тайджи Минганя и др.⁸⁹

Поражения монголов под Тэличэном вызвало неоднозначную реакцию у правителя Чахарского княжества Лигдэн-хана, не принимавшего участия в этом походе. В декабре 1619 года в ставку Нурхацы прибыли одновременно его послы и послы князей «пяти халхаских племен». Лигдэн-хан поьребовал в резкой форме от Нурхацы не совершать более военных походов на территорию Мин, угрожая в противном случае войною.⁹⁰ Послание Чахарского правителя вызвало бурю негодования у маньчжуров. Задержав послов Лигдэн-хана, Нурхацы, тем не менее, послал к нему своего дипломата с письмом, в котором предлагал ему (правда, в ультимативном духе – Авт.) заключить военный договор двух родственных (по обычаям и общественному устройству – Авт.) народов против Минов.⁹¹ Однако Лигдэн-хан отверг маньчжурский ультиматум и тоже задержал посла. Вскоре до маньчжурского двора дошел слух и о его казни. Не проверив его, Нурхацы тут же казнил посла Лигдэн-хана.⁹²

Совершенно с иными целями прибыли в ставку маньчжурского правителя послы «пяти халхаских племен». В переданном ими от их правителей письме содержались извинения за действия Дзасайя, а также предложение заключить военно-политический союз против минского Китая. «Мины, - говорилось в монгольском письме, - враждебное нам государство. Если идти против него войной, то необходимо совместно составить ...планы похода...В случае заключения мира с Минами, следует также совместно принять об этом решение... Если Мины пришлют много подарков для Вашего государства и меньше для нашего, то Ваше государство не должно их принимать». Со своей стороны монголы обязывались поступать также.⁹³ Словом, действия владетельных князей «пяти халхаских племен» в полной мере соответствовали внешнеполитическим амбициям маньчжуров и развязывали им, таким образом, руки.

⁸⁹ Там же. гл.6. с.22б.

⁹⁰ Там же. с.32а.

⁹¹ Там же. гл.7. с.3б.

⁹² Там же. с.4б-5а.

⁹³ Там же. гл.6. с.33а.

Агрессивные устремления соседей, естественно, беспокоили монголов. Не были спокойны, начиная войну, и сами маньчжуры. Но их беспокойство было совсем другого порядка: они отчетливо понимали, что их военные успехи всецело будут зависеть от прочности и надежности их правого фланга, где соседями маньчжуров являлись независимые монгольские княжества. Вот почему ликвидация их независимости и стала одной из первостепенных внешнеполитических задач Нурхацы и возглавляемого им государства.

Но устремления последнего, никак не совпадало с интересами монгольских феодалов, стремившихся любыми путями сохранить свою политическую независимость. Не чуждо было это их стремление и народным массам Монголии, ибо установление над страной маньчжурского господства не сулило им ничего хорошего, кроме дополнительного гнета. Именно это противостояние интересов двух сторон – монгольской и маньчжурской – и предопределило ожесточенную борьбу, продолжавшуюся более полутора веков. Забегая несколько вперед, скажем, что только с помощью огромного напряжения сил, маньчжурским феодалам удастся сломить сопротивление монголов и подчинить себе их страну, но подробнее об этом чуть ниже.

Не обойдется в этой борьбе и без «удачных моментов», которые в полной мере будут использованы маньчжурами. Главный из «них» заключался в феодальной раздробленности Монголии. Она в то время была разделена, как известно, на три части: Южную Монголию, Северную Монголию или Халху и Ойратию. В свою очередь, каждая из этих частей делилась на множество мелких феодальных владений, правителей которых и надо было сокрушить маньчжурам. И, надо сказать, они справились со стоявшей перед ними задачей, умело используя для этого, где подкуп, где обман и провокации, а где и силу оружия. Благодаря этим «средствам», маньчжурским завоевателям удалось уже в первые десятилетия XVII века установить господство почти над всей территорией Монголии. Вне их контроля оставалось лишь владение последнего монгольского «хагана (кагана) Лигдэна» (правнука старшего сына Даян-хана – Авт.). Стремясь централизовать власть в своих руках, он направил в 1625 году карательную экспедицию против «князей-изменников»: Хорчина, Дурбэца и Горлоса, добровольно перешедших на сторону «врагов родины», т.е. на сторону маньчжурских завоевателей. Однако эта военная акция не принесла ему желаемого результата, поскольку инициатива в этом противостоянии находилась в это время полностью в руках его противников. Потерпев ряд поражений, Лигдэн-хан, с горечью для себя, осознал в 1629 году всю тщетность своих усилий по «спасению родины». Очередная его неудача в борьбе с маньчжурами стала своеобразным сигналом для ухода ряда южно-монгольских князей (в т.ч. правителей хошунов Аохан, Найман, Барин, Джаруд, Хорчин, Онгнют, Горлос, Кэшиктэн и др.) в маньчжурское подданство. Но и после этого в распоряжении Лигдэн-хана оставались еще значительные силы, которые представляли немалую угрозу для маньчжурских завоевателей. Поэтому их правитель Абахай (сын Нурхацы. Последний умер в 1626 г. – Авт.) неоднократно предлагал Лигдэну перейти

на службу к нему. Но «упрямый варвар» не принимал позорные для себя предложения» и продолжал борьбу с маньчжурами.⁹⁴ Продолжая ее, он попытался даже заключить антиманьчжурский союз с Минской династией, но безуспешно. Решающее сражение между войсками Лигдэн-хана и Абахая произошло летом 1634 года. Его исход был, как говорится, предрешен: маньчжурский правитель имел многократное превосходство над своим соперником. Наголову разгромив его, Абахай сурово расправился с «непокорным смутьяном». Захватив Чахарское ханство, победитель «раздробил» его на мелкие владения, которые «милостиво пожаловал послушным вассалам».⁹⁵ Деморализованный же поражением Лигдэн-хан, отступил с остатками своих войск к Кукунору (Цинхаю – бессточному, соленому озеру, находящегося в горах Наньшаня – Авт.), где он и умер вскорости. После смерти отца борьбу с маньчжурами продолжил его сын – хан Эчже. Но вскоре и он был окружен маньчжурами, схвачен и казнен ими.⁹⁶

Победа Абахая над владетельными князьями Южной Монголии «принесла» ему в 1636 году титул «хана Монголии». Этим «провозглашением и закончился, как принято считать, первый этап завоевания Монголии маньчжурскими завоевателями. Следующей его ступенью была Северная Монголия. Она же на рубеже XVI-XVII вв. состояла из семи самостоятельных княжеств, а потому и имела она еще одно официальное название – «Халхаин долон хошун» («Семь халхаских хошунов»). В это время в ней особенно выделялись и имели силу три могущественных феодала: Тушэту-хан, Дзасакту-хан и Цэцэн-хан.⁹⁷ Подчинив «своей воле» всех остальных владетельных князей Халхи, они вышли на первые роли в последующей истории Северной Монголии.

Но став «вершителями» народных судеб и своей родины в целом, они совсем не «по-хозяйски» распорядились предоставленным им историей шансом. Когда их соплеменники, проживавшие в южно-монгольских княжествах, истекали кровью в борьбе с маньчжурскими захватчиками, «три северных бога», блюдя свои личные интересы, способствовали своим «бездействием» превращению Южной Монголии в провинцию Маньчжурского государства. В защиту «южан» выступил лишь известный в Халхе поэт и сторонник объединения страны Цокто-тайджи, вступивший в союз с Лигдэн-ханом, за что и был изгнан «северными богами» из Халхи. После смерти своего союзника, он продолжил борьбу с захватчиками и их пособниками – тибетскими и кукунорскими феодалами – и геройски погиб в одном из сражений в районе озера Кукунора.⁹⁸

Столкнувшись с печальной судьбой южан, правители Халхи сразу же предприняли попытку «завоевать доверие» у победителей Чахарского ханства. С этой целью и прибыло в январе 1636 года ко двору маньчжурского

⁹⁴ История Монгольской Народной Республики... с.193.

⁹⁵ Там же. с.194.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Цэцэн-хан, Тушэту-хан и Дзасаку-хан – это наследственные титулы феодальных властителей Монголии (Халхи).

⁹⁸ История Монгольской Народной Республики... с.194.

правителя посольство от Цэцэн-хана. Свои словесные заверения о «дружбе и союзе» его послы «подкрепили» богатыми дарами: верблюдами, лошадьми и собольими шкурками.⁹⁹ Спустя полтора года (в октябре 1637 г. – Авт.), такая же посольская миссия к Абахаяю прибыла от Тушэту-хана, который свои «добрые чувства и дружеское расположение к лучезарному хану» засвидетельствовал «двумя золотыми луками и тремя лошадьми».¹⁰⁰

За «северными богами» Халхи потянулись в ставку маньчжурского правителя и другие халхаские феодалы, добровольно предложившие ему «свою дружбу». До поры до времени Абахай добросклонно принимал халхаских «доброхотов». Но очень скоро эта «игра» ему надоела и он решительно потребовал от них (за «свою дружбу с ними» - Авт.) прекращения поставки ими своих лошадей в армию «своих противников» (т.е. в армию Минской династии – Авт.), пригрозив в противном случае, поступить с халхаскими «доброхотами» также, как и с «непокорным Лигдэн-ханом». Окрик «благодетеля», естественно, подействовал: халхаские владельцы, не посмели ослушаться «лучезарного хана» и тут же прекратили все торговые связи с Минским Китаем. После этого, маньчжурские завоеватели стали смело и все чаще вмешиваться во внутренние дела Северной Монголии.

В этой ситуации ее феодальные владельцы – большие и мелкие – начинают задумываться о своем «бытии», в связи с надвигающейся опасностью маньчжурской агрессии на Халху. Чтобы предотвратить ее, они собираются в 1640 году на всемонгольский съезд, на котором принимают два основополагающих решения: а) урегулировать свои внутримонгольские отношения и б) объединить усилия всех монгольских правителей в борьбе с надвигающейся маньчжурской угрозой. Однако их претворение было отложено ими до наступления благоприятного момента.¹⁰¹ И таковой, надо сказать, наступил: в 1643 году умирает маньчжурский хан Абахай. К этому времени «северные боги» - Тушэту-хан, и Цэцэн-хан – в полной мере осознали всю глубину опасности маньчжурской агрессии, нависшей над Халхой. Поэтому, чтобы отвести ее, они принимают решение: поддержать антиманьчжурское выступление князя суннитов Тэнгиса. С этой целью, они направляют ему на помощь свои войска. Но она слишком запоздала. К ее «приходу» Тэнгис уже был разбит маньчжурскими войсками. Потерпели поражение и отряды халхаских ханов, высланные князю на подмогу.

Эта победа над восставшими придала уверенность маньчжурам. Воспользовавшись предательством китайских феодалов, они овладели в 1644 году столицей Минов – городом Пекином – и положили, тем самым, начало маньчжурской династии Цин,¹⁰² ознаменовав одновременно этим и начало своего господства в Китае. Происшедшие в стране события существенно

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. с.195.

¹⁰² В 1636 году маньчжуры назвали свое государство «Цин» (или «Дай Цин» - «Великое Цин»). После захвата Пекина в 1644 году, название «Дай Цин» стало применяться как для обозначения маньчжурской династии, управляющей Китаем, так и для обозначения всей китайской империи.

осложнили не только положение населения, но и положение княжеств Северной Монголии. Если в прежние годы халхаские ханы отказывались присылать маньчжурам своих заложников, которых те требовали от них, то теперь северо-монгольские князья были вынуждены капитулировать перед натиском маньчжурского правительства и отправлять в Пекин своих – монгольских – заложников.

Но жестко ставя вопрос о них, маньчжурские завоеватели тоже действовали с оглядкой, ибо они осознавали, что прямым военным вторжением (при непрочности своих позиций в самом Китае, где не прекращались антицинские выступления народных масс – Авт.) захватить Северную Монголию не представляется возможным. Поэтому Пекин, не распыляя свои силы, сосредоточил основной удар на подавлении сопротивления китайского народа, а что касается Северной Монголии, то ее владетелям он уготовил «кнут» и «пряник». И, надо сказать, этот его расчет вполне оправдал себя. Провоцируя и подкупая халхаских феодалов, он добился нарушения договоренностей, достигнутых монгольскими владетелями на своем съезде в 1640 году, что тут же привело к вспышке между ними старых споров и конфликтов, которые привели монголов в 1688 году к междоусобной войне, которая так была нужна маньчжурскому правительству. Ее же исход оказался весьма печальным для северо-монгольских феодалов. Потерпев поражение, они вынуждены были (в большинстве своем) бежать на юг, к Великой Китайской стене, где, собравшись, благодаря «содействию главы ламаистской церкви Ундургэгэна» (он являлся членом семьи Тушэту-хана – Авт.) на специальный съезд, выразили не нем «желание» стать подданными Цинской империи. Эти «пожелания» были закреплены решениями съезда «всех князей Южной и Северной Монголии», который состоялся в сентябре 1688 года в присутствии маньчжурского императора Канси – «Сына Неба». Так наступившая осень стала для большинства халхаских феодалов последним месяцем их независимости.¹⁰³

«Добровольное» включение северо-монгольских владетельных князей в состав Цинской империи знаменовало собой окончание второго этапа завоевания Монголии маньчжурскими феодалами. Теперь им оставалось сделать последний рывок – уничтожить независимое Джунгарское ханство.

¹⁰³ Ганболд О.М., Модоров Н.С. Из истории завоевания маньчжурами Северной Монголии (первая половина XVII в.)//Мир Евразии. №2. – Горно-Алтайск, 2009. с.36.

Глава II. Взаимоотношения Цинской империи с соседями в конце XVII - первой половине XVIII века.

1. Джунгаро-китайская война 1690-1697 гг. и ее последствия.

Монголо-ойратская война существенно влияла на ситуацию и обстановку в прилегающих к Северной Монголии районах, в частности, в Приамурье, Забайкалье и на Дальнем Востоке. Недальновидная политика Орирой-Саин-хана, все время грезившего захватом и порабощением сибирских народов, привели Халху к национальной катастрофе. Обрушившийся на нее джунгарский правитель, громя предателей – монгольских ханов, - причинял стране и ее народам немалый ущерб, обескровливал те ее силы, которые были еще в состоянии противостоять натиску маньчжурских завоевателей.¹⁰⁴ Успехи Галдана в Северной Монголии нарушали все планы действий Пекина. Более того, они грозили «явить миру единое общемонгольское государство» под властью «Галдана-Бошокту-хана» и высших иерархов ламаистской церкви. Этого Цинская империя допустить никак не могла. А поэтому сокрушение «Галдана превратилось для нее в одну из главных задач».¹⁰⁵ В «угоду ей» Сын Неба даже отказался от нового наступления в Приамурье и Забайкалье и занялся «судьбой» Северной Монголии.¹⁰⁶ Видя беспомощность северо-монгольских феодалов и спасая их, цинское правительство стало склонять Галдана к миру. Но тот сразу же отклонил предложения «миротворцев». В то же время его противник – Очирой-Саин-хан, - воодушевившись поддержкой Сына Неба, тут же решил дать Галдану генеральное сражение. Однако в критический для него момент, правитель Поднебесной увязал свою помощь халхасцам с их отказом от своей политической самостоятельности и принятием подданства Цинской империи.¹⁰⁷ Желая «показать себя» и перед Галданом, и перед Пекином, Очирой-Саин-хан отошел к озеру Ологой и «закрепился в его крепких местах», лишив тем самым джунгарскую конницу своего преимущества, которым она владела на открытом пространстве. Но этот маневр халхасца не остановил Галдана. Оставив кавалерию в резерве, он начал штурм «земляных укреплений халхасцев» силами пехоты, вооруженной огнестрельным оружием. Через четыре дня штурма монголам стало «невмоготу» и они стали разбегаться. Галдан преследовал беглецов в течение месяца. И прекратил его только тогда, когда монголы укрылись в пределах Китая под защитой маньчжурских войск.¹⁰⁸

На первых порах Пекин пытался уговорить джунгарского правителя уйти из Северной Монголии. Но тот понимал, что после его ухода из Халхи,

¹⁰⁴ Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. – Улан-Удэ, 19.. с.79.

¹⁰⁵ Златкин И.Я. Указ.соч. с.271.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф.214. Стлб.1016. л.299-306.

¹⁰⁷ Златкин И.Я. Указ.соч. с. 273.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф.214. Стлб. 544. л.188-217.

ее «освоением» тут же займется Поднебесная и превратит Халху в плацдарм для подготовки к завоеванию Китая Джунгарии.¹⁰⁹ Говоря о противостоянии этих двух государств, следует подчеркнуть, что в этой ситуации, - требуя ухода Галдана из Халхи, - Пекин в то же время не отказывался от борьбы за Приамурье (а в случае благоприятных условий – и за Забайкалье). Но делал он это с «оглядкой», поскольку опасался возникновения (на этой почве) союза между Русским государством и Джунгарией. И, надо сказать, основания для такого опасения у него были. В частности, наступление Галдана в Северной Монголии рассматривалось в Москве как «благоприятный факт».¹¹⁰ Об этом она известила и тольбольского воеводу Ф.А.Головина. Послана 13 сентября 1688 года в Тобольск грамота предписывала ему сообщить Галдану о «благожелательной позиции» русского правительства относительно ойратского наступления в Халхе.¹¹¹ Почти тогда же пришло из Джунгарии в Иркутск ойратское посольство. Галданов посланец передал воеводе предложение своего владельца о совместном ведении войны против Очирой-Саин-хана. При положительном решении русским правительством этого вопроса автоматически открывало русским купцам бесполошинную торговлю в ханской ставке, а также снимало все претензии Галдана относительно населения Саян.¹¹²

Однако русские власти не торопились с ответом. Джунгарское наступление на Халху создавало для Москвы благоприятную дипломатическую и военную ситуацию. Но она могла измениться в любой момент. Поэтому, взвесив все «за» и «против», русское правительство отправило 3 июля 1689 года Галдану свою «милостивую грамоту» с предложением не «учинять» никакого согласия на мир с Очирой-Саин-ханом и Канси, не «допускать» их войска в Северную Монголию и не вступать с ними ни в какие переговоры до тех пор, пока не начнутся мирные русско-маньчжурские переговоры.¹¹³

Благодаря такому взвешенному подходу к решению вышеуказанных внешнеполитических проблем, обстановка в Приамурье, Забайкалье и на Дальнем Востоке складывалась к осени 1688 года для Русского государства вполне благоприятно: был сорван план наступления Очирой-Саин-хана на Забайкалье, разработанный в Пекине, а маньчжурских войск – на Албазин, разгромлена Галданом враждебная Москве группировка халхаских феодалов. Все это давало ей благоприятные шансы в противоборстве с правителями Поднебесной империи. Подобное положение, естественно, не устраивало Сына Неба. Но он был вынужден смириться с ним, но только на время, т.е. на период разрешения «спорных вопросов» с Галданом. Именно с этой целью Канси и заключает 27 августа 1689 года Нерчинский договор с Русским

¹⁰⁹ Златкин И.Я. Указ.соч. с.275.

¹¹⁰ Александров В.А. Указ.соч. с.168.

¹¹¹ РГАДА. Ф.214. Стлб.1059. л.81.

¹¹² Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения... с.162.

¹¹³ РГАДА. Ф.214. Стлб. 1059. л.81.

государством и перебрасывает с северо-востока часть своих войск на границу с Халхой. Эта передислокация была вызвана известием об обострении в Джунгарии междоусобной борьбы за ханский трон и ослаблением позиций Галдана в стране.

Иначе говоря, с середины 1690 года война за Халху вступила в новую фазу: в борьбу против Галдана открыто включились (по просьбе противника Галдана – претендента на ойратский трон, Цэван-Рабдана – Авт.) маньчжурские войска. Однако, прежде чем начать военные действия, Сын Неба, – проявляя, по традиции, «свою учтивость», а проще говоря, прибег к дипломатическим «уерткам» - направил Галдану свое послание, в котором пояснил мотивы, понудившие его начать войну против него. «Ты, - гласило его письмо, - осмелился поднять войска... и пошел войною против Халхи. Поэтому я послал шаншу (высшая чиновничья должность, министр – Авт.) Арани оборонять нашу территорию от беспорядков...».¹¹⁴

Однако, прежде чем начать разговор о ходе военных действий между Джунгарией и цинским Китаем, следует сказать несколько слов относительно заявления Сына Неба о Халхе как «нашей территории». Это его заявление базировалось, как отмечали исследователи, на признании ханов и князей Халхи подданными Цинской империи, на их просьбах о предоставлении им территории для кочевания и об оказании им вооруженной защиты от «недругов». Удовлетворение Пекином такого рода просьб «владельцев» Халхи свидетельствовало о превращении ее в сентябре 1688 года (формально и фактически) в часть Цинской империи. Включение же северо-монгольских владетельных князей в состав Поднебесной империи означало для правителя Джунгарии одно – отныне ему в борьбе за единство монгольских земель будут противостоять не разрозненные правители наследных владений, а мощная империя маньчжуров. Однако в деле объединения всех монгольских земель в единое целое Галдан-Бошекту-хан был непреклонен. В силу этого, война между Цинской империей и Джунгарским ханством становилась неизбежной. Это понимала и та, и другая сторона. А посему противники и начали подготовку к этому противостоянию. Но, идя на столь решительный шаг, обе стороны исподволь пытались «прощупать» друг друга. Устранив своих потенциальных соперников, Галдан направляет в Пекин свое посольство, дабы заключить с ним мир. Правда, условия его заключения были несколько «ужесточены» джунгарским ханом. А они были следующими: 1. Установить между Джунгарией и Китаем нормальные торговые отношения; 2. Выдать Джунгарии Тушэту-хана и Ундур-гэгэна – главных, по мнению Галдана, зачинщиков только что закончившейся ойрато-халхаской войны. Однако Сын Неба никак не отреагировал на предложенные Галданом условия мира. Да и как он мог реагировать на них, когда ситуация, складывавшаяся после вышеназванной войны всецело благоприятствовала китайскому императору. Потому-то он «вежливо отклонил трубку мира», протянутую ойратским правителем. Но, чтобы не показаться «неучтивым»,

¹¹⁴ Внешняя политика государства Цинн в XVII веке...с.194.

Канси отправил все же осенью того же года к Галдану свое посольство. Его сановники Байри и Ацитуй передали адресату личное письмо Сына Неба и «высокие его дары». По возвращении в Пекин они доложили там, что ойратский правитель принял их «с великой честью...и просил..., чтоб...ему в купечестве свободное отправление [было].., когда его величество...свыше 200 человек принимать не повелел, то его...братья и тайши, на него, Галдана [мол] гневаются в том, якобы это он...то купечество не допускает».¹¹⁵

Столкнувшись с твердой позицией ойратского правителя, Пекин отправил вновь (для отвода глаз – Авт.) в конце 1688 года свое посольство к Галдану. Его глава высказал, по сути дела, те же условия, на основе которых последний должен «смириться» и получить за «это», право на «свободу» торговли в Китае.¹¹⁶ Но «варвар» стоял на своем. Тогда Канси, по совету сановников, подключил к «умиротворению» Галдана Далай-ламу. С этой целью в январе 1689 года к последнему и к ойратскому правителю Пекин направил письма одинакового содержания. «Мы, - писал Канси, - никакой вины [не приписываем]...Ныне...онные калкаские владельцы (Тушэту-хан и Джебздун-Дамба-кутухта – Авт.) тобою разоренные...в наше подданство...отдались...мы.., приняв их...жесточайшими словами наказали...». Иначе говоря, Сын Неба пытается убедить джунгарского правителя, что его «жесточайших слов» достаточно для наказания Галдановых «виновников», что надо их «простить» и прийти к «общему миру и согласию».¹¹⁷

Пекин понимал, что такие условия «мира» ойратского правителя не устроят, но он продолжал повторять их снова и снова. В очередной раз к ойратскому правителю с ними прибыли к посланники Сына Неба 7 августа 1689 года. Отвечая им, Галдан даже заявил, что он готов отдаться под защиту «китайского владельца», только ему весьма неприятно будет соседствовать (в Пекине – Авт.) с зачинателями всего зла».¹¹⁸ Перед отъездом цинские послы, сообщив представителям ойратского хана, что – вскорости – к нему приедут послы от Далай-ламы и Сына Неба, они тут же поинтересовались: какой ответ их правитель даст ответ им. На это ойратские переговорщики, ответили, что от «инога ответа, коей дан вам, не будет».¹¹⁹

Получив такое «известие», китайский император тут же снесся с Далай-ламой, «ссора» с которым пока не входила в планы первого, поскольку союз с ламаистской церковью Сыну Неба был пока еще жизненно необходим. Сейчас ему было необходимо убедить Далай-ламу в том, что поддержка одним из влиятельных лиц Лхасы позиции Галдана является «ошибкой», тем более, что «ноне» он от «владельца Цэван-

¹¹⁵ История завоевания китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти частях. Пер. И.Россохин. – СПб., 1750. л.249-250.

¹¹⁶ Там же. л.259-262.

¹¹⁷ Там же. л.282-291.

¹¹⁸ Там же. л.309.

¹¹⁹ Там же. л.310.

Рабдана¹²⁰ так разбит, что подданные его почти все разбежались». ¹²¹ Имея такого рода информацию Пекин еще более активизировал подготовку войны с Галданом. Одновременно с этим, он начал оказывать всяческую поддержку халхаским противникам Галдана. К примеру, в феврале 1690 года к Цэцэн-хану прибыл из столицы Поднебесной посол, известивший халхасца о ведущихся с Галданом переговорах, а также призвавший его и других владетелей Халхи быть готовыми к войне с их недругом. В ответ на это, Цэцэн-хан заверил посла, что он и его «друзья» не подведут своего «покровителя». ¹²²

Надвигавшуюся войну чувствовал и Галдан, а потому, вернувшись, после успешно законченной кампании 1688 года, в долину р.Кобдо, где расположилась его главная ставка, он стал готовиться к борьбе с Китаем. Осознавая недостаточность своих сил для борьбы с ним, джунгарский правитель попытался заручиться поддержкой Русского государства в своем противостоянии с Цэван-Рабданом и Цинской империей. С этой целью он направляет в январе 1690 года в Иркутск своего посла. Последний сообщил русскими властям, что его владетель стоит «в верховьях Селенги, в урочище Ховдо», и «ноне просит» направить русские войска к реке Керулен «на соединение с его армией». ¹²³ Русский посол (Ф.А.Головин – Авт.), памятуя о недавних стычках с Тушэту-ханом под Селенгинском и с цинскими войсками под Албазиным, не стал отклонять предложений Галдана и пообещал в своем ответном письме ойратскому правителю (оно будет направлено к Галдану с казаком Г.Киберевым – Авт.) поддержать его наступательные действия против Тушэту-хана должным образом. ¹²⁴

И этот «момент истины» для Галдана настал. Первое его сражение с монголо-маньчжурскими войсками произошло 26 июля 1690 года на р. Урхуй и завершилось полной победой ойратов, что, естественно, «опечалило» Сына Неба, приказавшего «разобраться с виновными». Ими же комиссия определила Арани и Циэртабу. По указанию Канси, они были выведены из состава Государственного совета и понижены в звании на четыре ранга. ¹²⁵

Противодействуя ойратам, цинский правитель не прерывал дипломатической переписки с Галданом. Вот и теперь после поражения своих войск, он отправил ему очередное послание, в котором Сын Неба, как всегда, постарался «разобраться» в происшедших «делах», выяснить, кто виноват в происшедшем и т.д. В своем послании Канси в очередной раз постарался обелить себя, свалив всю вину за все случившееся на

¹²⁰ Посольство пекинского посланника Арани имело место в августе 1689 г. Следует полагать, что нападение Цэвана-Рабдана (старшего сына хана Сэнгэ, племянника Галдана – Авт.) на Галдана произошло весной или в начале лета 1689 г.

¹²¹ История завоевания... Канхием... л.315-316.

¹²² Там же. л.329.

¹²³ Златкин И.Я. Указ.соч. с.187.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Внешняя политика государства Цинн в XVII веке...с.194.

Арани, правда, не преминув при этом вскользь заметить, что его командующий «защищал все же свои границы» от его, Галданова, «вторжения».¹²⁶ Однако реальные действия правителя Цинской империи никак не вязались с его словами, поскольку в конце июля он отдал – тайный – приказ о направлении Арани дополнительных войск для выполнения поставленной перед ним задачи.¹²⁷ Одновременно с этим, он направляет Галдану письмо, приглашая его подойти к местечку Улан-Бутун и разрешить за столом переговоров все проблемы. И ойратский правитель поверил Сыну Неба и пошел в «ловушку», устроенную ему последним. Прибыв в указанное место, Галдан вынужден был с ходу вступить здесь 1 августа в «генеральное сражение», во многом предопределившее исход военной кампании 1690 года. И лишь благодаря находчивости Галдана, стойкости, проявленной ойратами в условиях явно неблагоприятного соотношения артиллерии, огнестрельного оружия и живой силы, их организованному сопротивлению, им удалось избежать разгрома. Получив донесение об «организованном отходе противника, Канси тут же приказал командующему цинской армией разгромить «элетов и гнаться за ними до полного истребления воровского корня».¹²⁸ Столкнувшись с подобным вероломством Сына Неба, джунгарский правитель, продолжил «дипломатическую игру» с правителем Поднебесной. Направив на следующий день, после Улан-Бутунского сражения, к нему своего посла, он тут же тайком ушел со своей армией на север.¹²⁹ Уходя из Улун-Бутуна, Галдан уже знал об отправке против него большой китайской армии и все делал для того, чтобы избежать разгрома. Но, несмотря на все его ухищрения, уйти от преследователей не удавалось. И ночью 20 августа 1690 года маньчжуры напали на ойратов. Галдан, понеся в результате ночного нападения ощутимые потери, в том числе и личные – в ходе схватки погибли дети его племянника, – вопрошал в послании, адресованном Канси: «Разве это не война?», разоблачая тем самым, уверения последнего в его приверженности к миролюбию и установлению мира с ойратами.¹³⁰

Видимо, осознавая правоту соперника, правитель Поднебесной не дал ответа на этот вопрос. Но своими действиями, он показал, что Пекин намерен уничтожить Галдана. Это доказал и сам Канси. Даже будучи больным, он решился на участие в походе по разгрому джунгарского хана. «[Если же]...я лично не схвачу и не уничтожу этого бандита, то [я] буду очень сожалеть».¹³¹

До поры до времени ойратскому правителю удавалось уходить от столкновения с маньчжурами. Но 3 сентября 1690 года произошло новое их столкновение с ойратами, произошедшее в 350 км от Пекина. Однако

¹²⁶ Там же. с.195.

¹²⁷ Хроника правления императора Тайцзу великой династии Цин...гл.147, с.2а-2б.

¹²⁸ История завоевания...Канхием...л.469.

¹²⁹ Хроника правления императора Тайцзу великой династии Цин...гл.147, с.16б.

¹³⁰ Там же. с.19б.

¹³¹ Там же. с.23б.

китайцам в очередной раз не удалось разгромить Галдана. Последний, чувствуя, что удача, не «на его стороне», нуждаясь в «передышке» пошел на переговоры с командующим китайской армии. Прибывший 6 сентября его посланник говорил последнему, что его правитель «смирненно» заявляет, что он («старейшина малого племени») не «смеет бесчинствовать» против «правителя всей Вселенной» (т.е. Канси - Авт.).¹³² Покорность «варвара» достигла цели и циньван (князь высшей категории, принц императорской крови, брат или сын императора – Авт.) Фуцзоань пошел на приостановление наступления. Эта передышка позволила Галдану уже к 17 сентября переправиться через Шара-Мурэн и, перевалив через горы Дацзишань, уйти к озеру Ганганур.¹³³

К этому же времени вернулись в Пекин и посланники Сына Неба, с которыми прибыл к нему и Галданов посол. В переданном им письме ойратский правитель давал обещание никогда больше не вторгаться в Халху.¹³⁴ Но клятва «варвара» не убедила Сына Неба, как и Государственный совет, потому-то на нем и было принято решение «немедленно приступить к истреблению Галдана и его сил».¹³⁵ Лишь получив от джунгарского правителя новое подтверждение в его «раскаянии» и «готовности» не нарушать «клятвы», данной Канси, последний отдал приказ о возвращении своих войск на прежние места их базирования, но готовых в любую минуту выступить и дать отпор ойратскому «варвару».¹³⁶

Словом, поход ойратского правителя во Внутреннюю Монголию завершился для него крайне неблагоприятно, что очень сильно осложнило его положение. На чью-либо помощь он рассчитывать не мог: ойратские владетельные князья Кукунора и в пору его успехов его не поддерживали, а сейчас после поражений – говорить нечего; Халха – опустошена; не оправдалась его надежда и на русских. Его возвращению домой препятствовал «внутренний противник» - сын бывшего хана Джунгарии Сэнгэ, законный наследник «отцова места». Так, что единственным Галдановым пристанищем оставался лишь район Кобдо, на который распространялась его власть.

Непрекращающаяся междоусобная война ойратов очень беспокоила ламаистскую церковь Тибета, глава которой не только симпатизировал Галдану, но и поддерживал его. В силу этого, он все делал для того, чтобы примирить дядю с племянником. Однако реализовать ему свои намерения не удалось. Иначе говоря, противостояние между Галданом и Цэван-Рабданом продолжалось. Не за горами было и новое столкновение Галдана с Пекином, который был хорошо осведомлен о тяжелом положении ойратского правителя. Чтобы избежать достичь «мира», Сын

¹³² Там же. гл.148,с.4а.

¹³³ Внешняя политика государства Цин в XVII веке...с.198.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Хроника правления императора Тайцзу великой династии Цин...гл.148, с.8а.

¹³⁶ Внешняя политика государства Цин в XVII веке...с.199.

Неба предложи последнему прибыть лично на переговоры и дать наиболее близких и преданных ему людей в заложники. Выполнение Галданом этих условий, обеспечивало ему, по словам правителя Поднебесной, «мир и награду в 60 тыс. лян серебра», а также рассмотрение вопроса о торговле ойратов в Пекине.¹³⁷

Лавируя между двумя «огнями», Галдан, находясь в верховья Керулена и Толы, «собирал, по докладам маньчжурских разведчиков в Пекин, силы, не готовясь при этом идти за границу Халхи. И, тем не менее, правитель Поднебесной, не веря в искренность джунгарского хана, принял решение выступить против него и лично возглавить свою армию. В феврале 1696 года она двинулась в поход на Халху, через пустыню Гоби. Войска Сына Неба были хорошо вооружены и обеспечены всем необходимым для зимней кампании. Они двигались по трем направлениям: с востока, из центра и с запада, тщательно скрывая свои маршруты, особенно от халхасцев, которые, как справедливо полагали в Пекине, могли предупредить Галдана и если не сорвать, то сильно осложнить проведение военной операции.¹³⁸

Предпринятые меры безопасности – оправдали себя. Джунгарский правитель, по докладам маньчжурских разведчиков, ничего не знал о надвигающейся на него «грозной силе», даже тогда, когда его отделяло от нее всего «5 дней пути».¹³⁹ Однако над «гениально» задуманным Сыном Неба планом по уничтожению «варвара» как раз в это время «сгустились» тучи: командующий западной группировкой доложил Канси, что в силу «обстоятельств» его войска «прибудут к р. Толе не 24 апреля», как это предусматривалось планом, а только «4-5 мая». Запаздывание группы генерала Бе Фяньгу давало «варвару» возможность опять ускользнуть из западни. Чтобы не допустить этого, Сын Неба направляет к Галдану, уже узнавшему о приближении маньчжурских войск, своих послов, дабы заявить тому, что он прибыл к нему не для войны, а для того, чтобы «замириться» с ханом. Однако последний не стал ждать «гостей» и спешно покинул свою ставку. Но уйти от опасности ему не удалось: 13 мая 1696 года в местности Цзун-Мод, на р. Терельджи, Галдана встретила армия Бе Фяньгу. Значительное численное и техническое превосходство противника предопределили исход происшедшего здесь сражения: ойраты потерпели сокрушительное. Из предводитель с небольшой группой приближенных бежал на запад.¹⁴⁰

Цзун-Модское поражение окончательно подорвало боевой дух ойратской армии. В дальнейшем она почти нигде не могла достойно противостоять китайским войскам. Значительно ослабили ее перебежчики, выдававшие врагам военные планы Галдана. Осознавая, что с Галданом покончено и его окончательное уничтожение – это вопрос

¹³⁷ Златкин И.Я. Указ.соч. с.202.

¹³⁸ История завоевания...Канхием...л.1185.

¹³⁹ Там же. л.1243-1244.

¹⁴⁰ Златкин И.Я. Указ.соч. с.204.

времени, Сын Неба начал 19 мая отводить свои войска на места их прежних дислокаций, ибо он знал, что положение ойратского правителя плачевно: у него не было сил, чтобы сопротивляться правителю Поднебесной. Поэтому в сентябре 1696 года Канси предлагает «варвару» покориться и «перейти в подданство Цинской династии». Однако Галдан не ответил на это письмо. Желая ускорить его гибель, Сын Неба формирует два отряда и направляет их на лагерь ойрата. Последний еще не теряет надежды на помощь Лхасы и владетельных князей и направляет им свои письма. Но они были перехвачены маньчжурами, тесным кольцом окружившими лагерь Галдана. В январе 1697 года ими был схвачен сын Галдан – Цэбдэн-Бальджир, отправившийся на охоту. В этой ситуации Канси направляет очередное письмо Галдану с предложением сдаться. Однако оно не застало адресата в живых: не желая сдаваться врагу: он покончил с собой. Это случилось утром 13 марта 1697 года, в урочище Ача-Амататай.¹⁴¹

2. Джунгаро-китайские отношения в первой четверти XVIII века.

Смерть джунгарского владельца существенно изменила сложившуюся между противоборствующими сторонами ситуацию. Для маньчжуров она открыла реальную перспективу овладения Джунгарией. Правда, претворить ее в действительность мешала отдаленность джунгарских владений от Китая. Но не это препятствовало осуществлению планов Пекина. Главная причина этого заключалась в «неустойчивом положении» Цинов в завоеванной ими Халхе». Без ее окончательного «умиротворения», справедливо полагали в столице Поднебесной империи, нечего было и думать об общей победе над ойратами. Решая эту «глобальную» для себя задачу, и повели маньчжуры усиленную подготовку к решительной войне с Джунгарией.

После гибели Галдана-Бошекту-хана Ойратская земля перешла во владение его племяннику (сыну старшего брата Галдана – Сэнгэ – Авт.) Цэван-Рабдану, который совсем еще недавно «изъявлял свою преданность и послушность маньчжурам, искал у них помощи и поддержки в борьбе за отцовский трон».¹⁴² Теперь, когда он стал правителем Джунгарии и в полной мере осознал степень цинской угрозы своей родине, молодой правитель стал лихорадочно, но основательно, укреплять обороноспособность страны, «приобретать себе надежных союзников», на которых он мог опереться в предстоящей, в скором времени, войне с маньчжурами. С этой целью он налаживает (широко не афишируя) контакты с владетельными князьями Кукунора, а также пытается склонить на свою сторону правителя Тибета (племянника хошоутского Гуши-хана – Лувсана (Лубсана Даньдзина) – Авт.), поддерживавшего связи с Цинами.

¹⁴¹ Там же. с.208.

¹⁴² Веселовский Н.И. Посольство к зюнгорскому хун-тайджи Цэван-Рабдану капитана от артиллерии И.Унковского и его путевой журнал за 1722-1724 годы. – СПб., 1887. с.275.

Однако последний, «вежливо», отклонил предложение Цэван-Раблана «о дружбе». Забегая вперед, скажем, что ойратский правитель все же добьется своего в 1717-1718 гг. Правда, для этого ему потребуется применить военную силу.

Пока же став ханом Джунгарии, Цэван-Рабдан пытается ничем себя не проявлять, дабы не «обеспокоить» - раньше времени – своих покровителей. И это был правильный тактический ход Цэван-Рабдана, поскольку его позиции в самой Джунгарии и на международной арене были пока еще слабы, что давало возможность соседям – России и Казахстану - оказывать давление (с севера и запада – Авт.) на ханство. В результате этого ойратское государство оказалось стиснутым на ограниченной территории. Так, на его восточных рубежах, где раньше были владения халхасских князей, ныне господствовала Поднебесная империя, откровенно стремившаяся распространить свою экспансию на запад. С севера и северо-запада Джунгарию «утесняла» Российская империя. Учитывая все это, Цэван-Рабдан просто обязан был проявлять огромную осмотрительность. Именно поэтому он и начал укреплять и центральную власть, и «собрать» калмыцкие улусы, рассеянные по разным местам. Реализуя свой план, он «уводит» осенью 1702 года (в принудительном порядке, используя для этого почти трех тысячный отряд – Авт.) подвластные ему киргизские улусы из долины Енисея вглубь своих владений. Этот его шаг должен был, по его мнению, предотвратить осложнение русско-джунгарских отношений.¹⁴³

Первым его внешнеполитическим актом стала война с казахским ханом Тауке. Но, начав ее, Цэван-Рабдан тут же «доложил» об этом Сыну Неба. Свидетельство тому – его письмо, полученное последним весной 1698 года. «Не от доброй воли, - сообщал джунгарский правитель в своем послании, - а по великому принуждению [была] начата та война, причиною...стало вероломство Тауке». Последний, как писал Цэван-Рабдан, попросил его «помочь ему... в освобождении сына», плененного в свое время Галданом и отправленного им «в Лхасу, в подарок ламе». За «помощь» Тауке обещал Цэвану-Рабдану, быть его союзником. И джунгарский правитель помог освободить сына Тауке, но последний «за все мои благодеяния, вместо благодарности, всех моих людей (500 чел. – Авт.), посланных для обережения сына...всех, до последнего человека наголову побил. Потом моего же подданного – Уредей-Батур-тайдзия – убил и всех его людей, разграбивши, в полон к себе отвел. Да после сего [этого], в недолгом времени, давних моих ясашных урянхайцев, более 100 кибиток, вместе с женами и детьми, со всем скотом и пожитками к себе забрал».¹⁴⁴ Кроме того, докладывал Цэван-Рабдан, «люди Тауке совершили нападение на караван», с которым ехала «с берегов Волги

¹⁴³ Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн.1.-СПб., 1882. с.232.

¹⁴⁴ История завоевания...Канхием...л.2657-2660.

наша невеста» (дочь Аюки-хана – Авт.). Вот, в силу всего этого, заключал ойратский правитель, и вынужден был он «пойти на обидчика войною».¹⁴⁵

Столь длительное цитирование нами данного вышеназванного документа, отнюдь не преследовало цели опорочить одного и оправдать другого участника войны. Совсем нет. Это было сделано лишь для того, чтобы показать, что вспыхнувший в 1698 году военный конфликт положил начало новой полосе вооруженных столкновений между джунгарскими и казахскими феодалами, которые, в конечном счете, переросли в реальную угрозу потери феодальным Казахстаном своей независимости. Другой немаловажный момент, связанный с цитированным выше письмом, всецело связан с причинами его появления. Главная из них, безусловно, была связана с тактической линией, избранной ойратским владельцем. В первые годы своего правления, он (так поступали в аналогичной ситуации и другие кочевые правители) старался избегать всего того, что могло бы осложнить его отношения с Китаем. Надо полагать, что именно этим и было обусловлено написание Цэван-Рабданом вышеназванного «почтительно-извинительного (по тону) письма» китайскому императору. Иначе говоря, ойратский правитель всем своим видом демонстрировал, что он остается «послушным и исполнительным учеником лучезарного Сына Неба», который «почтительно» извещает своего «наставника» о каждом своем шаге. И, надо сказать, что избранная молодым правителем Джунгарии тактика принесла ему желаемые результаты: в течение первых лет XVIII столетия Джунгарское ханство ни с кем не воевало, оно поддерживало мир на всех своих рубежах.

Но миролюбие ойрата, его «почтительность и послушание» и вызвали подозрительность у Сына Неба. Чтобы знать об истинных намерениях и планах своего «подопечного», он начинает посылать своих послов к Цэван-Рабдану, дабы убедить его последовать примеру Далай-ламы и многих владетельных князей Халхи, Внутренней Монголии и Кукунора принять подданство «Великой Цинской империи». «Все они, - убеждал Цэван-Рабдана один из них (Боочжу – Авт.) в 1703 году, - управляя своим народом, мирно проживают в своих кочевьях, сохраняя свои достоинства правителей. Неужели они хуже тебя? Но за всем тем, благоговей перед отличными добродетелями нашего святейшего государя (естественного китайского императора Канси – Авт.), они признали над собою его верховную власть, стали наравне со всеми монголами, приняли высокие титулы и разные достоинства, получают жалование [от великого государя] и под благотворным покровительством его величества просто благоденствуют».¹⁴⁶

Однако посланцу Сына Неба не удалось «улестить» джунгарского контайшу, чтобы он отказался от своей независимости и стал подданным

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Позднеев А.М. Монгольская летопись «Эрденийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, включающими в себя материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. – СПб., 1883. с.258.

Цинской империи. Но вежливо отказавшись от «высокой чести», он, по-прежнему, продолжать выказывать Сыну Неба «свое глубочайшее почтение», дабы избежать осложнений во взаимоотношениях с ним. Во имя этого, он нередко шел на «противные ему деяния», но только бы способствовать решению своей главной задачи» укрепить ханство и свою власть в нем.

Эта двойственность политики Цэван-Рабдана, естественно, не осталась незамеченной Пекином. По этому поводу Канси не упустил случая, чтобы не сказать об этом своим советникам. «Прежде Цэван-Рабдан, - со свойственной ему вкрадчивостью в голосе, заметил он им, - всегда обнаруживал в своих докладах преданность и благоговение. Но после того, как был уничтожен Галдан, а он одержал победу над хасаками (казахами – Авт.) и получил некоторое число военнопленных, он начал мало-помалу переменяться. Теперь, присоединив к себе торгоутов Санджиба (возвратившегося с Волги – Авт.), он становится час от часу все надменнее».¹⁴⁷

Черты характера джунгарского правителя, не ускользнувшие от внимания китайского императора очень скоро проявились в полной мере: спустя полгода, Цэван-Рабдан потребовал от Пекина возвращения ему территорий, принадлежавших ранее Джунгарскому ханству. Согласно свидетельству А.М.Позднеева, он претендовал на земли до низовий р.Хобдо и далее к востоку; в Улан-коме – на урочища по рр. Кэму (ойратское название р. Енисей – Авт.) и Кэмчику, а также на земли, простершиеся за Алтаем, вплоть до р.Иртыш. Предъявив цинскому правительству эти территориальные претензии, Цэван-Рабдан заявил, что эти «места к востоку от Или до Кэма и Кэмчика искони принадлежали чжунгарам и должны [быть] теперь возвращены им».¹⁴⁸

Предвидя, что мирным путем территориальный вопрос вряд ли удастся разрешить, Пекин тут же рассмотрел возможность его решения силовым методом. Однако взвесив все «за» и «против», он пришел к неутешительному для себя выводу: в сложившейся ситуации (отдаленность будущего театра военных действий, отсутствие там каких-либо баз для снабжения войск всем необходимым и т.д.) без «помощи извне, смирить возомнившего о себе строптивца», увы, не представляется возможным. Столкнувшись в такой печальной для себя действительностью, цинское правительство, впервые в своей истории, решается направить в 1712 году своих послов к калмыцкому Аюке-хану. Выбор им его в союзники для войны с Джунгарией был неслучаен. Такого рода идея возникла в Пекине еще в 1709 году, когда в столицу Поднебесной империи прибыли представители калмыцкого хана для выяснения судьбы его родственника (Арабаджура – Авт.), отправившегося с берегов Волги еще в 1698 году на богомолье в Тибет, путь которого туда

¹⁴⁷ Там же. с.257.

¹⁴⁸ Там же. с.276.

пролегал в то время через Сибирь и Китай. При возвращении обратно, родственник Аюки-хана был почему-то задержан в Пекине. И вот теперь это обстоятельство (помощь в отыскании ханского родственника) и решило использовать цинское правительство, чтобы склонить калмыцкого правителя к совместному вооруженному выступлению против Цэван-Рабдана.¹⁴⁹

Однако этот «дипломатический шантаж» Пекина, успеха не имел. Аюка-хан решительно отклонил предложение Цинов выступить их союзником в войне против Джунгарии. В столь жестком ответе калмыцкого правителя маньчжурскому правительству сказались, надо полагать, не только соображения личного характера, совсем не располагавшие его к войне с «единокровниками», но и «советы» русского правительства. О наличии же «таковых», в полной мере свидетельствует указ Сената от 26 июня 1712 года. В нем, наряду с разрешением китайским послам проследовать на Волгу, к Аюке-хану, есть и «пожелания», как следует вести себя калмыцкому правителю, если китайские послы «будут подзывать его, Аюку-хана... воевать калмыцкого владельца (т.е.Цэван-Рабдана – Авт.)». В этом случае, ему, Аюке-хану, «рекомендовалось» говорить, что он на контайшу войной не пойдет, ибо он, контайша, «царскому величеству (т.е.ПетруI – Авт.) примирителен».¹⁵⁰ Словом, посольство Сына Неба к калмыцкому Аюке-хану закончилось для Цинов полным провалом.

Такой исход дипломатической миссии Пекина, естественно, взорвал правителя Поднебесной. Он тут же, объявляет войну Джунгарскому ханству, которая продолжалась вплоть до кончины Сына Неба (это случится в 1722 году – Авт.). Ее ход никак не благоприятствовал Цинской империи. Ее армии (не полностью отмобилизованные – Авт.) терпели одно поражение за другим. Тяжело сказывалась война и на экономике государства: она с каждым годом ухудшала его финансовое состояние. Чтобы пополнить казну, правительство вынуждено было наращивать число и тяжесть поборов и повинностей, тяжким бременем ложившихся на плечи трудящихся, особенно Северной Монголии, повсеместно вызывая ропот и недовольство, то и дело выливавшихся в антиправительственные выступления. Но и в этой, опасной для себя ситуации, цинское правительство продолжало вести невыгодную для страны войну, всецело руководствуясь, как и в былые годы, - своим важнейшим принципом: ликвидировать, во что бы то ни стало, вековечную опасность, угрожавшую китайской земледельческой цивилизации со стороны кочевой периферии. Эту опасность маньчжуры, сами в недавнем прошлом кочевники, осознавали вполне отчетливо.¹⁵¹

¹⁴⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. II. Кн. II. – СПб., 1883. с.352-353.

¹⁵⁰ Там же. с.353.

¹⁵¹ История Китая. – М., 1998. с.271.

В отличие от Цинской империи, для Джунгарского ханства данная война развивалась более удачно. Победы, одерживаемые его войсками, способствовали не только укреплению положения ханства, но и укрепляли позиции самого Цэван-Рабдана. Возможно, на этой волне – под ее воздействием – и родилось у него желание «овладеть не только западной частью Халхи, ранее принадлежавшей ойратам, но и всей «северомонгольской землей». На гребне этих успехов попытался джунгарский правитель осуществить и другой свой «захватнический» план – овладеть Тибетом. Воспользовавшись не прекращавшимися в нем и в Кукуноре «смутами и усобицами», он направляет в конце 1716 года в район Лхасы группу войск, которую возглавил его дядя – Цэрэн – Дондоб – Старший. Благодаря активным действиям руководимых им войск, в сентябре 1717 года столица Тибета была взята ойратами. В результате этого, хозяином Тибета стал отныне правитель Джунгарского ханства.¹⁵²

Однако такой поворот дел явно не устраивал цинское правительство. Оно и мысли допустить не могло, чтобы «центр ламаизма и руководство ламаистской церковью» сосредоточились в руках джунгарского правителя и «его камарильи». Чтобы изменить сложившуюся в Тибете ситуацию, Сын Неба, сосредоточив в своих руках достаточно крупные силы, двинул их 1719 году в Тибет. Внезапное появление маньчжурских войск и их численное превосходство над ойратскими, естественно, преопределили исход сражения между ними. В битве, происшедшей весной 1720 года, джунгары потерпели сокрушительное поражение. Одержав победу, маньчжуры уничтожили в Тибете (в соответствии с приказом из Пекина – Авт.) всех, кто оказывал «хоть какую-то помощь» Галдану или Цэван-Рабдану. «Очищенный и освобожденный Тибет» снова стал «составной частью Цинской империи».

Но, одержав победу на данном участке ойрато-маньчжурского фронта, Пекин все же не смог закрепить или добиться успеха в других местах: его войска, по-прежнему, терпели поражения везде. Однако это, как ни странно, не приносило Джунгарскому ханству решающей победы над врагом. А это все затягивало и затягивало китае-джунгарскую войну, которая затухала с наступлением зимы и вновь разгоралась с приходом весны. Говоря об этом ойрато-маньчжурском военном противостоянии, уместно отметить одну немаловажную деталь: данная война велась в основном на территории Джунгарии или в непосредственной близости от ее границ. С одной стороны, это было наруку ойратам, поскольку они не испытывали почти никаких затруднений со снабжением войск всем необходимым. Но, с другой стороны, имело место и «нечто», что было особенно важным в данной ситуации, поскольку это «нечто» носило негативный характер, но этого не замечали или не хотели замечать ни джунгары, ни их правитель – война все более и более разрушала и без того некрепкую экономику страны, что совсем скоро печально отразится не

¹⁵² Златкин И.Я. Указ. соч. с.225.

только на судьбе населения, но и на судьбе Джунгарского государства в целом.

3. Русско - джунгарские отношения в 1717 – 1745 гг.

Пока же ойратский правитель прикладывал немало усилий для того, чтобы как можно быстрее и «основательнее» урегулировать положение в пограничной с Россией зоне. Главной проблемой в отношениях с ней был вопрос о ясаке. Цэван-Рабдан реанимировал старую практику его взимания с коренного населения районов, которые русские считали своими. Чтобы доказать обратное, джунгарский правитель предпринимает ряд «устрашительных акций». В их числе было нападение и уничтожение в 1710 году возведенного русскими в 1709 году, в месте слияния Бии и Катунь, Бикатунской крепости, а в 1713 году – демонстративный сбор ясака с населения Барабинской волости.¹⁵³ Кульминацией в этом противостоянии стало направление русским правительством в 1715 году (в район Япкенда – Авт.) экспедиции во главе с подполковником Бухгольцем, закончившая полной неудачей. Ее провал заметно активизировал дипломатическую деятельность русского правительства. Учитывая мощь Джунгарского государства и его влияние в пограничных районах Южной Сибири, оно приняло срочные меры по укреплению своих «владений». С этой целью, в 1717 г. возводится Железинская крепость, потом – восстанавливается Ямышевская, а год спустя, - закладывается Семипалатинская крепость, а в 1720 г. – Усть-Каменогорская, возникшая при впадении р.Ульбы в Иртыш.¹⁵⁴ Это позволило России закрепить за собой к 1720 гг. – правобережье Иртыша, от устья р.Оми до устья Ульбы. Вставшие по Иртышу крепости (а между ними – форпосты, редуты и защиты) позволили правительству создать оборонительную линию, оградившую – в известной мере – русские владения в Барабинской степи, Верхнем Приобье и присоединенной части Алтая от ойратских и «иных воинственных набегников».¹⁵⁵

Появление российской военной линии, конечно же, противоречило интересам джунгарского правителя, однако обострение его отношений с цинским Китаем вынудило его смириться с возникшей «реальностью» и даже пойти на улучшение русско-ойратских отношений, что в полной мере продемонстрировали посольские миссии капитана И. Унковского в Джунгарию в 1722-1724 г. и Борокургана (в 1721 г.) и Доржа (в 1724 г.) – в Петербург.¹⁵⁶ Однако удачно начавшийся русско-ойратский дипломатический диалог, был прерван смертью Цэван-Рабдана в 1727 году. Этим сразу же попытались воспользоваться цинские власти, стремясь завершить – с выгодой для себя – свои многолетние переговоры с ойратами

¹⁵³ Златкин И.Я. Указ.соч. с.226.

¹⁵⁴ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия /Ш.Б.Чимитдоржиев. – М., 1987. с.76.

¹⁵⁵ О торгах за Каспийском морем (выписано из журнала Ф.И.Соймонова и внесенных в оной дополнений Г.Ф.Миллера). – СПб., 1765. с.24.

¹⁵⁶ Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. с 76.

относительно линии ойрато-халхаской границы по Алтаю, торговли, а также взаимоотношений с Россией, в частности, о границе с ней. Идя на переговоры с новым ханом Джунгарии, цинский император Инчжэнь (императорское имя Юнчжэн – Авт.) посетовал в своем послании на «некую несговорчивость» его отца и, чтобы устранить все «неясности», имевшие место между их «державами», он даже предложил Галдан-Цэрэну свою кандидатуру в качестве наставника. Однако последний вежливо отказался от услуг «Сына Неба» и начал решительно проводить самостоятельную политику, энергично создавая для этого армию, способную не только отражать нападения любого противника, но и вести активные наступательные действия. В ее создании, как явствует из источников, значительную роль сыграл пленный шведский офицер И.Г.Ренат. Благодаря его знаниям, опыту и «умениям», ойраты наладили у себя производство пушек и мортир, снарядов для них, а также «делание» ружей, пороха, пуль, добычу селитры, меди и железа.¹⁵⁷ Создавая боеспособную армию, Галдан-Цэрэн обращался за помощью и к России. Свидетельство тому – статейный список русского посла Л.Д.Угримова. В марте 1733 года он просил его взять с собой двух «моих послов, кои будут просить царицу Анну, прислать для обучения ко мне, на время, артиллерийских...мастеров, которые умели б пушки и мортиры делать и научили б наших людей из оных стрелять,.. а также фабричных мастеров, которые могли бы делать всякие материи...Да... посылаю я двух человек для обучения железному делу,.. которые могли бы во всем железном мастерстве силу познать».¹⁵⁸ Забегая несколько вперед, скажем, что русское правительство оказало ойратам просимую их правителем помощь. Об этом свидетельствуют архивные документы. Такого рода информация содержится, к примеру, в докладной сержанта М.Котовщикова, бывшего весной 1748 года по делам службы в Тарбагатае (в улусах племянника Галдан-Цэрэна, владетельного князя Даваца – Авт.) и видевшего там «завод серебряной и медной руды», на котором работали русские: мастер и два подмастерья и русский толмач,¹⁵⁹ а также в сообщении купца А.Бахмуратова, доносившего в том же 1748 году, что видел он «медные и серебряные заводы», которые «при Галдан-Чирине» работали, а «ныне... брошены они», а «российские мастера Иван Билдега с товарищи» живут в «урге праздну», т.е. не работают.¹⁶⁰ Наряду с вышеуказанной просьбой, была у ойратского правителя еще одна: он достаточно настойчиво уговаривал русское правительство заключить с ним союз для совместной борьбы с Цинской империей. Однако российская сторона не пошла на это, мотивировав свой отказ тем, что она не хочет нарушать добрососедские отношения с Китаем и терять торговлю с ним.

¹⁵⁷ Златкин И.Я. Указ. соч. с. 238.

¹⁵⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВПР). Ф.113. Оп.1.Д.3. л. 140-141.

¹⁵⁹ Там же. Д.1. л. 37.

¹⁶⁰ Там же. л. 14-15.

Ответ россиян, конечно, не понравился джунгарскому правителю, но реагировать ему на него у контайши не было времени, поскольку цинский Китай вновь развязал военные действия против Джунгарии. Но не добившись каких-либо ощутимых побед, Пекин предложил Галдану сесть за стол переговоров, с чем последний и согласился, ибо решить с Цинами надо было очень многое. К примеру, многолетние ойрато-маньчжурские войны существенно подорвали материальное положение монголов, а посему необходимо было решить вопрос о свободной торговле и регулярном товарообмене между двумя государствами. Однако цинское правительство соглашалось только на регламентированное – раз в четыре года – посещение двумя сотнями ойратских торговцев Пекина и раз в три года – г.Сучжоу. Это делалось им для того, чтобы приезд ойратских купцов не совпадал с прибытием в Китай русских караванов. Несмотря на «неудовольствие» джунгарской стороны, «торговый кодекс» был подписан в 1738 г. в том «виде», как его предлагала цинская сторона.¹⁶¹ Был решен, правда, после продолжительных дискуссий, и вопрос о границе между двумя государствами. Согласно договору, она была установлена по линии предгорья Монгольского Алтая, по местностям Байтач и Хавхан¹⁶² Но, несмотря на эти и другие договоренности, противоречия, имевшиеся между Джунгарией и цинским Китаем, разрешить так и не удалось. Это осознавали обе стороны, и достигнутое между ними соглашение рассматривалось ими как «основа временного перемирия». Ни та, ни другая сторона не была намерена поступаться своими «завоеваниями» и, не выходя еще из-за стола переговоров, ойраты и маньчжуры уже вынашивали планы решения тех вопросов, с которыми они шли на переговоры: ойраты – как освободить монгольские территории, попавшие под «пятау» маньчжуров, а последние – как покорить Джунгарию.

Но была у них и одна общая «забота»: как сдержат «агрессивные» устремления западных и северных соседей – казахов и русских. В первой трети XVIII века ойратские войска, как известно, неоднократно проникали в район обитания казахов (не имевших в то время своего централизованного государства и бывших разобщенными как экономически, так и политически – Авт.) и других народов Средней Азии. В частности, в 1739 году предводитель Джунгарии, придвинув свои войска к Иртышу, намеревался наступать в трех направлениях: 1. от Зайсан-нора в район р.Ишим (т.е. в глубь Средней Азии); 2. в район Ташкента, вниз по р.Сырдарье (создавая тем самым угрозу Младшему жузу) и 3. в Барабинские степи.¹⁶³ Русские власти, столкнувшись с данной ситуацией, получили – свыше – строжайшее предписание не давать повода ойратам для возникновения вооруженного конфликта, требуя, одновременно от джунгаров, - не подходить «в близь» к

¹⁶¹ Зунгарын бодлогын бичиг (Повествование о внешних сношениях Джунгарии). Государственная библиотека МНР.(1), 45 дэвэтер].

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Шоинбаев Ш.Б. К вопросу о присоединении Среднего жуза к России/ Ш.Б.Шоинбаев//Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1962. Т.15. с.47-48.

русским крепостям. Видя боевую готовность на русской военной линии, ойраты оставили весной 1741 года занимаемые ими позиции. Свою роль в этом, похоже, сыграло жесткое требование русских властей прекратить нападения на казахов, принявших российское подданство. Но уступать сразу – было не в правилах ойратов, а потому, уже весной 1742 года они идут «на Сырьдарью» и «чинят поиск» там над «киргиз-кайсаками» и гонят их «до самой реки Ори».¹⁶⁴ В результате этой военной кампании, джунгарам удалось установить контроль над значительной частью Среднего жуза, что стало предметом обсуждения на русско-джунгарской встрече в августе 1742 года в Орской крепости, на которой российская сторона вновь напомнила ойратам о неправомерности их действий по отношению к казахам, находящимся в подданстве Российской империи.¹⁶⁵

Защищая своих «новоподданных», Россия – в то же время – избегала военного столкновения с Джунгарией. Не хотела его иметь и последняя, поскольку ее армия была в это время сильно обессилена многолетним противостоянием с цинским Китаем. Поэтому на переговорах в Орской крепости звучали лишь «крепкие речи» и не более того.

Чтобы устранить «отдельные претензии» ойратов, Оренбургские власти повели (по указанию правительства) разведку по уточнению границ казахских и джунгарских территорий и «уяснению» взаимоотношений Среднего жуза с Джунгарией, а также по освобождению из джунгарского плена казахского султана Аблая. С этой целью, а главное, чтобы заявить, что «казахи Младшей и Средней орд состоят в российском подданстве», к Галдан-Цэрэну отправилось 2 сентября 1742 года русское посольство во главе с Карлом Миллером.¹⁶⁶ Однако у ойратского правителя, были свои планы относительно казахских земель и территорий по Иртышу и Оми, Барабинской степи и району Колыванского завода, где имелись прекрасные промысловые угодья и «разные рудные месторождения». Но такие «аппетиты» джунгарского контайши, естественно, шли в разрез с интересами России, что и привело в середине XVIII века к значительному обострению русско-джунгарских отношений. Учитывая возможный ход их дальнейшего развития, Сенат предписал 11 августа 1743 года военному ведомству увеличить число крепостей, форпостов и редутов на Иртышской военной линии, а также разъяснять ойратам – по дипломатическим каналам, - что территории барабинских татар, расположенных по р.Оми и в Барабинской степи,.. исстари [находятся] в российском владении, [и через них] тракт сухопутный из Тобольска во всю Сибирь лежит. А зенгорский владелец с оных волостей алман или дань, берет насильством».¹⁶⁷

Не добившись своей цели мирным путем, ойраты предпринимают военный поход «на верхиртышские крепости» и на казахов, кочевавших «близь Иртышской линии». Однако, своевременно приняв необходимые

¹⁶⁴ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сб. док-тов. – Алма-Ата, 1961.с.231.

¹⁶⁵ Там же. с.231.

¹⁶⁶ Казахстан в XVI-XVIII вв. – Алма-Ата, 1969. с.113.

¹⁶⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.517. Оп.1. Ч.1. Д.213.10. л.57-58.

меры, сибирские власти помешали осуществлению и этого «намерения» джунгаров. Но это обстоятельство не умерило пыл «набежников», а, наоборот, лишь разозлило их. Перегруппировав свои силы, и еще «более вооружившись», они осуществили налеты на русские поселения в районе Тары, на Колывано-Воскресенский завод и Чакырский рудник. Предметом особого их внимания при нападении на последние стали «лопаты, кирки, молотки и молоты» и «прочий горнорудный инвентарь», а также люди, знавшие «горное дело». Об использовании «пограбленного инвентаря и людей в производстве в последующем, стало известно из докладов поручиков Левашева и Аблязова. Так, первый, побывав летом 1745 года в Джунгарии, доложил потом по инстанции, что он видел там беглого солдата Малкова, которому было приказано «с товарищами» плавить медь и лить из нее «мортиры и пушки».¹⁶⁸ С аналогичной ситуацией столкнулся в «Тюрмулюке» и другой офицер, сообщивший потом, что там «работают 3000 человек и такое же число быков возит руду», а «еще там есть, - говорил Аблязов, - три русских мастера медеплавильного дела».¹⁶⁹ Получая такого рода известия, сибирские власти то и дело ставили перед джунгарским владельцем вопрос о возвращении «пленных ойратами русских мастеров». Однако решение этой проблемы Галдан-Цэрэн неизменно увязывал с возвратом ему пленных русскими его ясачных людей. В случае невыполнения этого его условия, он, как правило, грозил новыми нападениями на Кузнецкий, Томский, Ишимский и Тарский уезды. В создавшейся ситуации, русское правительство использовало любую возможность для мирного урегулирования спорных вопросов, в т.ч. и внешнеполитических, не сбрасывая, при этом, со счетов и взаимоотношения Галдан-Цэрэна с Цинской династией, стремившейся – с первых дней своего существования – уничтожить Джунгарское ханство, являвшееся для нее серьезным «очагом беспокойства» на западных и северо-западных рубежах империи. Ликвидация же его позволила бы Цинам беспрепятственно развить экспансию в западном и северном направлениях.

В этой, не простой для себя ситуации (неприсоединение к себе Халхи и невозможность – в силу этого – создать объединенное монгольское государство, а также потеря кыштымов и пастбищных территорий в Южной Сибири – Авт.), «обиженный» Галдан-Цэрэн с «особым рвением» обрушился на казахских феодалов, неизменно стремившихся расширить свои владения за счет ойратского государства. Последние, будучи разобщенными, естественно, не могли противостоять натиску сильного Джунгарского ханства, которое стало в первой половине XVIII века главной опасностью, угрожавшей существованию независимого феодального Казахстана. Уступая массивному давлению ойратов, казахские владетели вынуждены были оставить свои земли в Семиречье, которые тут же попали «под власть» джунгарского контайши.¹⁷⁰ Ища защиты от натиска ойратов, некоторые

¹⁶⁸ Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. с.55.

¹⁶⁹ Там же. с.56.

¹⁷⁰ Златкин И.Я. Указ. Соч. с.277.

казахские феодалы обратились с просьбами о «протекции» к России. Отвечая на них, императрица Анна Иоанновна подписала в 1731 году грамоту о принятии некоторых «просителей» в российское подданство. Осенью того же года присягнули России султан Младшего жуза Абулхайр и его старшины. Их примеру последовали казахи Среднего жуза, добровольно присоединившиеся к России в 1740 году.¹⁷¹ Но определяя свой внешнеполитический курс по отношению к Джунгарии, русское правительство все делало для того, чтобы не развязать с нею военного конфликта. Именно на это ориентировало оно сибирские власти, непосредственно соприкасавшиеся с ойратами. «Пристойнее [с ойратами], - наставляла, к примеру, Коллегия иностранных дел сибирского губернатора А.М.Сухарева, - в договор вступить, нежели мир нарушать».¹⁷² В этом же ключе действовал в 1742 году и И.И.Неплюев. Вы, говорил он, обращаясь к казахским султанам, должны, как «главные люди, свой народ от своевольтва [и] воровства удерживать», дабы нас (русских) «с зюнгорцами в ссору [не] приводить».¹⁷³ Но удерживая «новоподданных от ссоры» с ойратами, русские власти изыскивали пути и средства не только, чтобы предотвратить конфликт с ними, но и дать – в крайнем случае – должный отпор агрессорам. Для этого, они старались сблизиться с теми казахскими владетелями (типа султана Барака, батыра Нияза и др.), которые постоянно воевали с джунгарами и достаточно часто «просили» российскую сторону об установлении «опеки» над ними. К таковым воеводы постоянно направляли своих людей, дабы склонить их к заключению военного союза против «зюнгорцев». Именно с таким «заданием» ездил к уже упоминавшемуся выше султану Бараку толмач Р.Уразлин, чтобы тот побудил к заключению военного союза против Галдана-Цэрэна «хождентца Абдулкарим-бека». И, надо сказать, последний, терпевший немало «обид» от джунгарского контайши, ответил согласиём. В 1745 году он предпринял достаточно широкое наступление в районе Сырдарьи, в ходе которого правителю Ходжента удалось «отнять у обидчика» два города – Ташкент и Туркестан. Этот «выпад» Абдулкарим-бека понудил Галдан-Цэрэна перебросить на юго-запад довольно значительные силы, что существенно ослабило его позиции в верховьях Иртыша и в районе Колывано-Воскресенского завода.¹⁷⁴

Завершая разговор об использовании русскими властями «разных средств» для «обессиливания» Галдан-Цэрэна, нельзя не сказать пару слов и о «воре Карасакале», возглавлявшем в 30-х гг. XVII века восстание против присоединения Башкирии к России. Потерпев поражение, он бежал в начале 1740 года в казахские степи, где выдал себя за «единоутробного брата Галдана-Цэрэна», возвращающегося ныне с войском на родину, чтобы занять законно принадлежащий ему джунгарский трон, захваченный в свое время

¹⁷¹ Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи/В.А.Моисеев. – Алта-Ата, 1991. с.116-117.

¹⁷² Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф.1. Оп.4. Д.38. л.53.

¹⁷³ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв... с.233.

¹⁷⁴ Златкин И.Я. Указ соч. с.81.

самозванцем. Осознавая очевидность самозванства, Галдан-Цэрэн, тем не менее, опасался авторитета «загадочного, по выражению Ч.Ч.Валиханова, степного авантюриста».¹⁷⁵ Дело в том, что Лоузан-Шоно (сводный брат Галдана-Цэрэна бежал в 1726 году, вместе с матерью Сетерджаб на Волгу к своему деду – Аюке-хану, где и умер в 1732 году¹⁷⁶ – Авт.) был любим ойратами. Не утратили они свою любовь к нему и поныне, а потому и готовы были восстать против нынешнего контайши во имя своего любимца.¹⁷⁷ Симпатизировали Шоно-Лоузану не только джунгары, но и многие «иные иноземцы», в т.ч. и алтайцы «Кан-Карагая». Они, например, говорили бывшему в 1741 году в их кочевьях русскому купцу Ф.Медведеву, что коль «на Галдана-Чирине будет войною Шона-батырь,.. то они, калмыки-карагайцы, все без боя ему, Шоне, поддадутца».¹⁷⁸ В силу такого отношения подвластных ему людей и «иных инородцев» к самозванцу, Галдан-Цэрэн вынужден был отнестись к «деяниям» Карасакала более, чем серьезно. Таким же образом отнеслись к самозванцу и русскими власти, видевшие в нем бунтовщика, «коей ссорит людей друг с другом», что «воле ея императорского величества противно». Потому-то и предписывали они своим «новоподданным» - казахам – «не давать пристанища такому злему человеку в своих улусах».¹⁷⁹ Исходя из сказанного, попытки схватить и даже устранить Карасакала предпринимали как джунгары, так и русские, но безуспешно. «Загадочный степной авантюрист» умер, как свидетельствовал Ч.Ч.Валиханов, в 1749 году в казахской степи, так и не попав в руки своих врагов.¹⁸⁰ Заканчивая этот разговор, следует подчеркнуть, что «вопрос о Карасакале» был единственным, где интересы России и джунгарского владельца совпадали. В других же сферах их взаимоотношений, они находились по разные стороны баррикад, а потому и русские, и ойраты готовились к длительной и бескомпромиссной борьбе. В силу этого, русское правительство даже приступило к обсуждению вопроса о подготовке и отправлении в Джунгарию очередной дипломатической миссии. Был даже подобран и ее глава – опытный дипломат, подполковник Л.Д.Угримов, имевший за плечами немалый опыт ведения переговоров с Галданом-Цэрэном. Однако его посольство к грозному хунтайджи не состоялось. Причиной всему этому стала смерть джунгарского правителя в сентябре 1745 года. Его кончина, как выяснится позже, положит начало новому этапу в истории Центральной Азии, ставшим весьма трагическим для Джунгарского ханства.

4. Взаимоотношения ойратов с соседями в 1745 -1751 гг.

А тучи военного противостояния не рассеивались, тем временем, над странами Центральной Азией. В борьбе за гегемонию в этом регионе активно

¹⁷⁵ Валиханов Ч.Ч. Шуна – Батыр (Авантюрист XVIII столетия). - Соч.Т.1. – Алма-Ата, 1961. с.431.

¹⁷⁶ Златкин И.Я. Указ соч. с.235.

¹⁷⁷ Моисеев В.А. Указ. соч. с.66.

¹⁷⁸ АВПР. Ф.113. Оп.1.Д.1. л.75 об.

¹⁷⁹ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв... с.233.

¹⁸⁰ Валиханов Ч.Ч. Шуна – Батыр... с.431-432.

проявляли себя два действующих лица: Цинская империя и Джунгарское ханство. Последнее, к примеру, вело к началу 40-х гг. XVIII века военные действия не только против казахов, но также и против народов Семиречья и Туркестана. Эта борьба, на несколько фронтов, существенно подрывала силы Ойратского государства. Это особенно зримо стало просматриваться к середине 40-х гг. XVIII века. И без того тяжелое экономическое положение степной империи, еще более усугубились трагическими событиями, последовавшими после смерти ее правителя – Галдана – Цэрэна (он умер 13 сентября 1745 г. – Авт.). Предчувствуя свою близкую кончину, он завещал ханский престол своему среднему сыну – Цэван-Доржи, - которому исполнялось в тот год четырнадцать лет. Однако выбор джунгарского правителя с наследником, пришелся не всем по душе. Значительная часть ойратов – знати и простого народа – хотела видеть своим правителем старшего сына Галдана – Цэрэна, девятнадцатилетнего Ламу-Доржи, уже закаленного в битвах и походах, а главное – имевшего «смысл в делах правления». Но все эти его «достоинства», как претендента на «ханово место», разбивались об одно, достаточно весомое по степным законам обстоятельство: Лама – Доржи был рожден не законною женою Галдана – Цэрэна, а его «наложницею», что ставило под сомнение право такого ребенка на право наследования трона.¹⁸¹

О возникшей «сумятице» в Джунгарии стало известно и в ближних, и в дальних «землях», в том числе и в России. В частности, первыми о «несогласии, идущем в Галдановой земле» известили русских прибывшие в январе 1746 года в Ямышевскую крепость ойратские и уйгурские торговцы. Встречаясь с ее командованием, они говорили, что «одни люди желают [видеть] наследником и владельцем большого сына [Галдана-Цэрэна] Ламу-Доржу, коей смысл и остроту к управлению...владением имеет», но он рожден наложницею, а другие желают настоящего сына Бичаган-Цаган (жены Галдана-Цэрэна – Авт.), коей назван ныне – Цебек-Доржи-Намжил».¹⁸²

Но, несмотря на «несогласия», выступить открыто против завещания, оставленного Галданом-Цэрэном, естественно, никто не посмел. И состоявшийся летом 1746 года (в родовых кочевьях ойратских ханов – на р.Текес, левом притоке р.Или – Авт.) Курултай провозгласил Цэван-Доржи ханом Джунгарии, ставшего отныне именоваться «Аджа-ханом».¹⁸³

Став после смерти отца правителем Джунгарии, Цэван-Доржи известил (как и положено в таких случаях) своих ближних и дальних соседей о кончине прежнего хана и своем восхождении на ойратский престол. С таким известием прибыл, в частности, 28 ноября 1745 года в Ямышевскую крепость его представитель Курен-Кучук, направленный ханом в Тобольск. Сообщив положенную информацию ее командованию, посол также добавил,

¹⁸¹ Моисеев В.А. Русские архивные материалы о положении Джунгарского ханства в 1745-1749 гг.//XV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч.2. – М., 1984. с.145-152.

¹⁸² РГАДА. Ф.248. Оп.1. Д.16. л.175.

¹⁸³ Златкин И.Я. Указ. соч. с.281.

что «новый владелец Джунгарии намерен пребывать» по отношению «к России... в склонности и тишине, как это и при предках ево было».¹⁸⁴

Выслушав официального представителя нового хана Джунгарии, командование крепости, не мешкая, отправило его в Тобольск, к главе сибирской администрации А.М.Сухареву. Хотя посольству и было приказано двигаться «с поспешанием», однако «зимнее время» – с его метелями и морозами – сильно задержало послов в дороге: в силу этого путь от Ямышевской крепости до Тобольска они преодолели «с немалою нуждою» за 35 дней.¹⁸⁵

Отправляя джунгарского посла домой, сибирский губернатор направил с ним и свое послание Цэван-Доржи, в котором он, выразив соболезнование по поводу кончины Галдан-Цэрэна, одновременно и поздравил Цэван-Доржи со вступлением его на «родительский престол» и заверил нового хана в том, что с российской стороны к Джунгарии «ко всему ...зюнгорскому народу дружба и доброе согласие содержится быть имеет».¹⁸⁶ Больше, кроме вышеназванной посольской миссии Курен-Кучука, официальных обменов послами между Россией и Джунгарией в период правления Цэван-Доржи не было. Сибирские власти (военные и гражданские), решая задачи местного значения, то и дело прибегали к «услугам» направляемых ими в Джунгарию разведчиков и своих представителей. Именно таким образом им стало известно, что перед своей кончиной Галдан-Цэрэн собрал своих «знатных ноенов и зайсанов и всем [им]...приказал, чтоб с Россиею и китайцами войны...не держать и жить в тишине и с прочими ордами... И хотя...русские люди серебряные и прочие руды...найдут близ наших границ, за то б не ссорится...только смотреть,.. чтоб далее Усть-Каменогорской крепости [они] не строили и нас не...утесняли...».¹⁸⁷

А поиск новых рудных месторождений русскими и их разработка ими в Южной Сибири, действительно, имела тогда место, особенно на Алтае. Это, а также строительство новых крепостей, увеличение численности русских войск на границе с Джунгарией вызывали у ойратов естественное беспокойство. Об этом сообщил, к примеру, местным властям, работник сибирского купца П.Твердышева – И.Конураев, - возвратившийся в декабре 1745 г. из Джунгарии в Омск. «Оные зенгорцы, - говорил он, - имеют к российской стороне великое опасение... особливо стали [опасаться]... с нынешнего лета, ибо возвратившиеся весною из России зенгорские бухарцы, бывшие с торгом, говорили, что по Иртышу... ныне русских военных людей весьма довольно прибыло и крепостей... много... и надо де беречься». О подобном беспокойстве и тревоге «зенгорцев» сообщал в конце 1745 г. – по инстанции – и поручик Ф.Аблязов. Проезжая по джунгарским кочевьям, ему довелось подслушать в одном месте разговор двух ойратских воинов, сетовавших на то, что им не стало житья на своей земле, ибо их владелец

¹⁸⁴ ГАОО). Ф.1. Оп.1. Д.7. л.123.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ РГАДА. Ф.248. Д.1607. Л.17176.

¹⁸⁷ ГАГАО. Ф.1. Оп.1. Д.1. Л.39-40.

умер, а «ныне российское войско нас теснит. И куда нам...[от] ... него деватца»?¹⁸⁸

Нежелательный ход развития событий в приграничной зоне понудил ойратов принять необходимые для защиты меры. Об этом доложил своему командованию прапорщик С.Соболев, направленный им в начале сентября 1746 г. в Джунгарию под видом купца. Возвратившись в Омск, он сообщил начальству о мерах предосторожности, принятых ойратами на границах своих владений с Россией.¹⁸⁹ Но, выражая опасения, они, в то же время, не упустили случая, чтобы «взять алман» со своих бывших данников и не только с них, в частности, с барабинских татар и алтайцев. Эти «незаконные алманские акции ойратов» предлагал в свое время (весной 1746 г. – Авт.) «оружно» пресечь командующий Сибирскими военными линиями, генерал-майор Г.Х.Киндерман. Однако его предложения (разумные по духу – Авт.) не были приняты Сенатом и Коллегией иностранных дел. Данным шагом, заявили они, можно «озлобить ойратов» и привести их тем самым «к давним их претензиям на ... крайние сибирские земли...».¹⁹⁰

Однако «осторожность», проявленная российским правительством к алманским акциям джунгаров, была воспринята последними как его «слабость», что подвигло их не только на увеличение своей армии сборщиков алмана, но расширить «перечень сибирских инородцев, с коих контайша обязан брать оный». Чтобы пресечь наезды алманщиков к аборигенам Южной Сибири, осенью 1748 г. из Ямышевской крепости был отправлен в Джунгарию прапорщик Подзоров. При вручении Цэван-Доржи письма сибирского губернатора, ему следовало «предъявить контайше два главных требования российской стороны: 1. Прекратить нападения на российские пограничные селения и 2. Выдать России мастеровых и приписных крестьян, бежавших к джунгарам с Колывано-Воскресенских заводов и рудников.¹⁹¹ Однако ойратская сторона, как показали дальнейшие события, не была расположена вести переговоры с русскими. Это офицер почувствовал сразу же по прибытию его в ханскую ставку: там прапорщика встретили откровенно не только враждебно, но и сразу дали категорические отказы на все требования, предъявленные Подзоровым. Особенно раздосадовало придворную знать то, что посол прибыл к ней без традиционных подарков. Разозленные этим обстоятельством зайсаны даже вознамерились оставить русского посла в заложниках. «Нам, - раздраженно заявил один из членов ойратского правительства, зайсан Олдзо русскому прапорщику, - вольно держать [тебя] год и... более [и мы этого] не боимся, а отпустить захотим – отпустим [хоть] завтра, то в воле нашей..., а листы [что ты привез] из Тобольска [они] от генерала, а не от... государыни».¹⁹² Столь «холодный» прием русского посланника в Джунгарии был обусловлен, как

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. Д.7. Л.113-114.

¹⁹⁰ Моисеев В.А. Россия и Джунгария в XVIII веке. – Барнаул, 1998. с.124.

¹⁹¹ Гуляев С. Заметки об Иртыше и странах им орошаемых//Вестник ИРГО за 1851 г. – СПб., 1851. Ч.3. Отд.4.

Приложение. С.62-65.

¹⁹² Там же.

подчеркивал в свое время известный отечественный востоковед В.А.Моисеев, активной деятельностью российского правительства на Алтае, связанной с переходом в 1747 году всех меде – и сереброплавильных заводов, принадлежавших ранее А.Н.Демидову, в собственность «Кабинета Ея Императорского Величества».¹⁹³

А вторая половина 40-х гг. XVIII в., действительно, ознаменовалась активным строительством военно-оборонительных линий в Южной Сибири, в частности, на Алтае. Это, в первую очередь, было связано со «взятием Колывано-Воскресенских заводов» в собственность Коронного ведомства. В соответствии с этим актом, последовал специальный указ императрицы (1-2 мая 1747 г.). В соответствии с ним, «командующему на Сибирских военных линиях генерал-майору Г.Х.Киндерману, а также командиру Колывано-Воскресенских заводов бригадиру (офицерский чин в русской армии XVIII в., промежуточный между чинами полковника и генерал-майора – Авт.) А.Беэру», предписывалось увеличить численность войск, охраняющих новую собственность царской фамилии, с 2,8 до 6, 2 тыс. человек.¹⁹⁴ Несмотря «на многие трудности» - нехватка финансовых средств и недостаток людских ресурсов в Южной Сибири – высочайший приказ был выполнен: к 1749 году численность «нерегулярных и регулярных войск, обретающихся на Иртышской и Колывано-Кузнецкой военных линиях, была доведена до 8,2 тыс. человек.¹⁹⁵

Возросшая безопасность в пограничном районе, позволила русским активизировать поиски новых месторождений природных ископаемых в Рудном и Горном Алтае, а также производить топографическое изучение приграничных с Джунгарией районов. Однако этот «пристальный обзор» данных территорий «северным соседом» пришелся не по душе ойратскому правительству, которое раз за разом стало выражать свое «неудовольствие» деятельностью русских в верховьях Оби и Енисея.¹⁹⁶ Так, в послании джунгарского владельца сибирскому губернатору, которое доставил А.М.Сухареву уже упоминавшийся выше прапорщик Подзоров, особо подчеркивалось, чтобы «господин губернатор» довел до сведения «ее величества наш протест» относительно продвижения России на юг, а также он «настаивал» на ликвидации вновь построенных на Алтае рудников и заводов, в особенности Шульбинского, якобы построенных на «его землях».¹⁹⁷

Подобного рода претензии приходилось уже не раз выслушивать российскому правительству, а потому оно могло бы в очередной раз «не заметить неудовольствия» Цэван-Доржи. Но в ситуации, в какой поступило его послание не обратить на него внимания было нельзя. Дело в том, что Петербургу стало известно о намерении джунгарского правителя породниться с ханом Младшего жуза Абулхаиром, а после гибели

¹⁹³ Моисеев В.А. Указ. соч. с.125.

¹⁹⁴ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д.3. Л. 247-248.

¹⁹⁵ АВПР. Ф.113. Оп.1. Д.2. Л.58.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. Д.1. Л.31.

последнего в 1748 г.- с его преемником – Нуралы.¹⁹⁸ Реализация этого «плана» - женитьба Цэван-Доржи на «Абулхайровой дочери» - создавала серьезную угрозу безопасности Сибирской и Оренбургской губерниям. На это Коллегия иностранных дел со всей определенностью указала И.И.Неплюеву. В силу возникновения такой опасности, она рекомендовала Оренбургскому губернатору принять самые «энергичные меры» для – сначала – к нарушению «дружеской переписки» между желающими «породниться», а потом и к «развалу сватовства».¹⁹⁹ Для осуществления данного «проекта», И.И.Неплюеву предписывалось, «не мешкая», направить в ставку Нуралы «своего человека», который бы убедил его в «пагубности» заключения «родственного союза с заклятыми врагами» казахов, а также содействовать всем желаним» их хана, не жалея для этого денег на подкуп «нужных людей».²⁰⁰

А тем временем внутривосточная ситуация в Джунгарии обострилась до предела. Разгул насилия, порожденного в стране Цэван-Доржи и его людьми, дворцовые интриги переполнили чашу терпения ойратских владетельных князей и знати. И они «взбунтовались». Во главе заговорщиков встали родная сестра Ажда-хана – Лам-Бояр, отправленная братом в ссылку со своим мужем – Саин-Белеком, - а также зайсаны Олдзо, Олдзаришко и Боголдай, которых поддержали уйгурские беки.²⁰¹ В начале они низложили (в мае 1750 г. – Авт.) Цэван-Доржи и, ослепив его, отправили «узника» в «Малую Бухарию», подвластную ойратам в «ссылку», где он впоследствии и был убит.²⁰²

Избавившись от «насильника, негодяя и узурпатора», организаторы переворота, опираясь на активную поддержку ламаистского духовенства возвели на «ханово место» старшего сына Галдана-Цэрэна – Ламу-Доржи, принявшего, в связи с этим, - по традиции – новое имя: «Лама-Эрдэни - Батур – хунтайджи».²⁰³

Но, утвердив на волне борьбы со «злом» на троне человека, уже проявившего себя в боях с врагами родины и к управлению страной «смысл и остроту имевшего», именитая знать вскоре «опомнилась» и стала проявлять недовольство тем, что ею командует не «природный владелец, а сын (пусть и Галдана-Цэрэна) от наложницы», даже, несмотря на то, что новый хан «ко всему... зенгорскому народу весьма милостив».²⁰⁴

Как известно, правителем страны, согласно монгольской традиции, мог стать только тот «нойон (князь – Авт.)», родители которого (и отец, и мать – Авт.) принадлежали к правящему роду или племени, в нашем случае – к «чоросам». Мать же Ламы-Доржи, как уже упоминалось выше, была «наложницей» (по некоторым данным ханской служанкой – Авт.). Осознавая

¹⁹⁸ Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи в XVII-XVIII вв... с.195-197.

¹⁹⁹ Моисеев В.А. Россия и Джунгария... с.126.

²⁰⁰ Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край. Т.3. – Казань, 1897. с.786.

²⁰¹ Моисеев В.А. Взаимоотношения ойратов Джунгарии и уйгуров Восточного Туркестана. XV-XVIII вв.//Востоковедные исследования на Алтае. – Барнаул, 1994. с. 26-29.

²⁰² АВПР. Ф.113. Оп.1. Д.5. л.39.

²⁰³ Там же. Д.16. л.16-20.

²⁰⁴ Там же. Д.1. л.8.

это, новый хан, потакая – на первых порах – родовой знати, пошел на удовлетворение ее «запросов», в частности, он отменил смертную казнь за воровство и заметно «остудил» межплеменные распри. Но, видя, что его «доброжелательство» не берется во внимание «знатными родовичами» и ойратской элитой, «Лама-Эрдэни - Батур – хунтайджи» стал постепенно «закручивать гайки».²⁰⁵ Это обстоятельство, естественно, «возбудило недовольных» и подняло их на вооруженную борьбу со своим новым ханом.

Лидером этого противостояния стал чороский нойон Даваца – прямой потомок Батура – хунтайджи. Он был внуком известного ойратского военачальника Цэрэн-Дондоба (Старшего), который приходился двоюродным братом джунгарскому хану Цэван-Рабдану. Родовые кочевья нового претендента на ханский трон находились в Тарбагатае. В его подчинении находилось восемь тысяч ойратских семей, души не чаявших в своем молодом (в 1750 г. ему исполнилось 28 лет – Авт.) «владельце», власть и влияние которого превосходили, по признанию многих знатных ойратов, «нонешнего хана».²⁰⁶

Возвышение «сына наложницы» сразу же ударило по самолюбию именитого чоросца и он тут же занял – по отношению к новому хану – враждебную позицию. Особую «нелюбовь» Даваца вызвало «погубление» Ламой-Доржой законных наследников ханского трона – «бывшего владельца Цебен – Намжи,.. и брата его семилетнего».²⁰⁷ Притязания Даваца на ханский трон и его «справедливый гнев на деяния сына наложницы» сразу же поддержал и его сосед по Тарбагатаю – хойтский нойон Амурсана.²⁰⁸ Последний, так же как и его именитый сосед, очень «не одобрял переведение Ламой-Доржи старых зайсангов» и окружение себя «молодыми зайсангами, коим воздал много чести», а также «изведение» детей известного ойратского военачальника Септеня. Но особенно «ожесточило сердца» тарбагатайских соседей убийство новым ханом своего младшего брата Миокуша, которого Даваца просил (он написал об этом письмо Ламе-Доржи – Авт.) отпустить к нему в Тарбагатай. Однако Лама-Доржи не пошел навстречу просителю. Получив его письмо, он приказал 5 октября 1751 года своим приближенным «взять Миокуша» и, выколотив ему глаза, сослать его в Аксу, где он был тайно убит.²⁰⁹ Узнав об этом, «подлом убийстве», а также вняв слухам о готовящейся расправе над князьями, имеющими «родовое право на занятие ханова места», Даваца и Амурсана (к последнему примкнул и его двоюродный брат Банчжур – Авт.) срочно «откочевали в пределы Цинский империи».²¹⁰

«Известившись о бегстве предателей», Лама-Доржи тут же бросил в погоню за ними 6- ти тысячное войско, которое повели Саин-Белек и родной

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Струве К., Потанин Г. Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 года Карла Струве и Григория Потанина//ЗИРГО. 1867. Кн.1. с. 506.

²⁰⁷ АВПР. Ф.113. Оп.1. Д.1. Л.8.

²⁰⁸ Подробнее о нем. См.: Кузнецов В.С. Амурсана. – Новосибирск, 1980. – 176с.

²⁰⁹ АВПР. Ф.113. Оп.1. Д.1. Л.43.

²¹⁰ Там же.

брат Амурсаны – Чавдар. Нагнав их, ойраты наголову разбили «беглецов». Однако Даваца и Амурсане удалось с небольшой группой приближенных бежать и скрыться в кочевьях казахов Среднего жуза, в частности, у старшины Каип-батыра, которого они «настойчиво просили» помочь им уйти к волжским калмыкам.²¹¹

Упустив беглецов, «победители» приступили к дележу скота, имущества и «улусликов» Даваца и Амурсаны. Большая часть их «кошта» досталась, естественно, победителям: Чавдару (брату Амурсаны) и Еманкулы (брату Даваца). «Облагодетельствованные» джунгарским правителем, они незамедлительно исполнили и его «высокое поручение»: подвергли мученической казни участников мятежа. Одни из них были закопаны палачами по шею в землю, другим были «наложены на руки и шею высокие колоды», третьим – защиты кожами голова, глаза и рот. А те, кто избежал смерти, был сослан «в Аксу-город и... прочие места».²¹²

А что же Даваца и Амурсана? Как повели они себя в создавшейся ситуации? Воспользовавшись благожелательным (на первых порах) отношением к себе казахов, а также учитывая бегство многих своих соплеменников из Джунгарии в «киргизы» - к Даваца и Амурсане, – они побудили последних отказаться от ухода к братьям на Волгу и начать вооруженную борьбу за ханский трон, делая в ней немалый акцент на поддержку казахов. Но, как покажет в скором времени жизнь, расчет двух «знатных ойратов» на султана Аблая и других казахских предводителей не оправдывается, да и ойратский «тандем» тоже (буквально через год) не только распадется, но и более того, бывшие «союзники» начнут воевать друг против друга. Пока же эти печальные – для того и другого ойрата – последствия не были ведомы ни тому, ни другому и они деятельно готовились к борьбе с Ламой-Доржи за джунгарский трон.

Готовились к ней и казахи, но совершенно с другими, чем у Даваца и Амурсаны целями. Прикрывшись «помощью зенгорским зайсангам» в их борьбе с «узурпатором ханского трона», они, «соединившись с оными зайсангами», воевали с «оним», не упуская любую возможности, чтобы пограбить ойратов и «обессилить тем самым своих древних врагов».²¹³ Поддержка казахами «беглецов» озлобила джунгарского хана и он направил против них свои войска. В отражении их наступления активное участие приняли как казахские ополчения, так и боевые дружины Даваца, Амурсаны и Банчжура. Так из внутриойратской междоусобицы разгорался глобальный центрально-азиатский конфликт, втянувший в свою пучину многие народы этого региона и опалившего их свои огнем. Для многих из них он завершится весьма печально. В частности, для ойратов этот конфликт закончится великой трагедией: в ходе его они утратят свою государственность и будут в дальнейшем практически стерты с лица земли своими соперниками.

²¹¹ Моисеев В.А. Россия и Джунгария в XVIII веке... с.134.

²¹² АВПР. Ф.113. Оп.1. Д.1. л.49.

²¹³ Там же. Д.5. л.2.

Глава III. Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с цинской агрессией. 1753-1756 гг.

1. Борьба народов Монгольского Алтая против цинского вторжения. 1753-1754 гг.

Наметившимся, к началу 50-х гг. XVIII века, ослаблением Джунгарского ханства, где вновь разразилась острая борьба за верховную власть, тут же не замедлила воспользоваться Цинская империя, чтобы сокрушить, в конце концов, своего заклятого врага. Для этого она, справедливо, вознамерилась овладеть всеми «ключевыми» подходами к ойратским землям. В этих планах Пекина, важное место занимал Монгольский Алтай. Установление над ним контроля, позволяло ему если не уничтожить, то имущественно подорвать силы непокорного населения, проживавшего в междуречье Кобдо и Черного Иртыша. С другой стороны, захват этого района «отдавал» в руки маньчжуров важные (в стратегическом отношении) горные перевалы, что способствовало созданию (в целом) удобного плацдарма для нападения на ойратское государство. Эта задача, решаемая цинским командованием, не была спонтанной: она явилась итогом прошлых войн, в ходе которых маньчжуры не раз отступали перед горами Монгольского Алтая. Именно так случилось в капании 1729-1733 гг., когда китайская армия не смогла пройти «камень и гористые проходы в зюнгорскую землю».²¹⁴ Покорив же население Монгольского Алтая, маньчжуры могли бы решить и другую задачу: обеспечить снабжение своих войск, продовольствием, одеждой, лошадьми, а также обезопасить свои тылы и фланги и (что не маловажно) приобрести новых данников. Словом, захват Монгольского Алтая сулил победителям немало выгод. С другой стороны, нужно было и опередить в этом деле своих конкурентов. Главными из них были, безусловно, русские, построившие к 40-ым гг. XVIII века на Алтае свыше 100 рудников и заводов по добыче и обработке руд цветных и драгоценных металлов. Для их охраны они возвели сплошную цепь укреплений от Усть-Каменогорска до Бийска, общей протяженностью свыше 617 верст и получившей название «Колывано-Кузнецой военной линии».²¹⁵ Она-то и прикрыла многих подданных России от «набежников». Однако вне ее остались северные алтайцы, проживавшие в верхнем течении Бии и Катуни, а также двоedanцы, в частности, телесы, проживавшие вокруг Телецкого озера. Именно эти земли и проживавшие на них «инородцы» и стали «вождеденным яблоком», которым желали завладеть многие кочевые правители и, в первую очередь, джунгарский хан и правитель Поднебесной империи.

Особого накала их противостояние достигло в конце 1752 года, когда, как уже упоминалось выше, после очередного переворота в Джунгарии ее престолом (с помощью хойтского нойона Амурсаны – Авт.) овладел один из

²¹⁴ АВПР. Ф.62. Оп.1. д.8. л.12 об.

²¹⁵ Подробнее: См.: Сергеев А.С. Тайны алтайских крепостей. – Барнаул, 1975.

наследников по боковой линии ханской ветви – чоросский князь Даваци. Однако союз двух Тарбагатайских соседей оказался недолговечным. В «благодарность» за свою поддержку последнего в его борьбе за ханский трон, первый потребовал у него половину ханства, включив туда и Алтай. Согласно свидетельствам архивных документов, Амурсана «просил у...Табачи-ноена» в свой надел земли, где обитали «канские, каракольские, телецкие и таутелеутские люди».²¹⁶ Однако новоиспеченный правитель Ойратского государства отказал своему бывшему союзнику в его просьбе, мотивировав свой отказ тем, что «нигде того – нет, чтобы в одной земле водилось два владельца».²¹⁷

Разлад, возникший между двумя Тарбагатайскими соседями и бывшими союзниками, привел к очередной междоусобице, но теперь уже между сторонниками Амурсаны и Даваци. Коренными народами Алтая, которыми до своего «восхождения на ханский трон» ведал Даваци. Теперь они были «пожалованы» одному из его родственников. Именно, что это случилось так, опять-таки, свидетельствует документ. Согласно ему, алтаец Калтарак рассказывал в феврале 1753 года русскому переводчику, находившемуся по долгу службы в кочевьях телесов. «Почтенные люди, - рассказывал он, - собраны сего году все в Ургу на покло новому владельцу...прежде их владельцем был ноен Дебача, а ныне... на его место...в волости выбран другой».²¹⁸

Наряду с тем, что Алтай был отдан другому владельцу, был у Даваци и еще один аргумент, в силу которого он намерен был сохранить Алтай в своих руках. Этот край он воспринимал как возможное для себя убежище в том случае, если он терпел поражение в борьбе за верховную власть. Об этом расчете нового джунгарского владельца свидетельствовал другой документ. «Если он, Амурсана, с войском своим, - читаем в нем, - усилится, то...зенгорский владелец со всеми калмыками намерен, для сохранения себя и войска своего, прикочевать в пограничные канские и каракольские волости и к Бийской крепости...И для этого (т.е. на всякий случай – Авт.) приказано от того зенгорского владельца сделать на реке Катуни, на каждом перевозе, по шести лодок».²¹⁹

Если исходить из такого рода предположений, то можно с полной уверенностью сказать, что такие виды на Алтай могла иметь и другая, противоборствующая сторона. Но как бы там ни было, междоусобная война тем временем набирала обороты, и в которую были втянуты и алтайская, и тувинская родовая знать, возглавлявшая свои племена и роды. В большинстве своем эти кочевые владетели выступили на стороне законного ойратского правителя, т.е. Даваци. Это обстоятельство стало определяющим в противостоянии последнего с Амурсаной. Об этом прямо говорил брат алтайского зайсана Кутука вахмистру Беседнову, прибывшему летом 1754

²¹⁶ РГАДА. Ф.126. Оп.1. Д.1. л.44.

²¹⁷ Златкин И.Я. Указ. соч. с.439.

²¹⁸ РГАДА. Ф.248. Оп.1. д.1007. л.605.

²¹⁹ АВПР. Ф.113. Оп.1. д.1. л.69.

года в Канские улусы Омбы. «Наши большие (т.е. племенные и родовые предводители – Авт.)...зачали воеваться прошедшей зимой...и ныне их выгоняют...на вспоможение... Дабачи-хану».²²⁰

Однако, несмотря на значительную поддержку алтайцев и тувинцев, Даваци не мог добиться решительной победы над Амурсаной. Поэтому он решил сам возглавить поход против него. Собрав отборное 30-ти тысячное войско, Даваци двинулся к Иртышу, а также отправил на Амурсану (с другой стороны – Авт.) 8-ми тысячное урянхайское войско во главе с «храбрым полководцем Мамутом. Атакованный с двух сторон, Амурсана потерпел поражение и вместе с «двумя тайджиями – Намоку и Банчжуром - во главе двухтысячного отряда бежал на восток».²²¹ Алтайцы, вернувшиеся из того похода, рассказывали потом выше уже упоминавшемуся А.Беседнову, что ходили они на «выручку Дебачи-хана... и его выручили, а Амупсаная-нойена и его землю всю разорили...жен его и детей, скот и живот...все побрали...привезли в свою землю и разделили по себе».²²²

Следя за внутри ойратской междоусобицей, анализируя ее ход, Пекин заметно активизировал подготовку к войне с Джунгарией. Уверенности в ее благополучном для маньчжуров исходе придал ему переход в 1750 году на сторону Цинов ряда видных ойратских князей – Салара, Цэрэна, Цэрэна Мэнкэ, Цэрэна Убаши, а вскоре и оппонента Даваци – Амурсаны. Перебежчиков тут же заставили выступить с обращением к своим соотечественникам – «урянхам и захчинам» (т.е. к западным монголам – Авт.) с призывом переходить на сторону Китая. И те послушались своих «природных владельцев» и пошли на «поклон к Сыну Неба». Как писал в свое время востоковед В.А.Моисеев, так было начато покорение алтайских урянхов маньчжурами.²²³

Начало этого «мирно завоевательного процесса» подтверждают и документальные материалы. Так, летом 1753 года вернувшийся из Пекина прапорщик И.Якобий докладывал по инстанции о том, что в марте месяце сего года на Хангай и Алтай отправлены два министра, с ними 100 маньчжур и 3000 китайцев для взятия тамошних «варваров».²²⁴ Выполнив «задание» данная экспедиция возвратилась в Пекин и доложила, что Даваци, борясь со своими противниками активно использовал племена Алтая. Это известие тут же решило судьбу этих «варваров»: Сын Неба незамедлительно принимает решение очистить от них территорию Монгольского Алтая.²²⁵

Выполняя высочайшее повеление, сюда прибыл в начале 1754 года большой сводный монголо-китайский отряд. Маскируя свои истинные захватнические цели, его участники во главе с командиром шаньшу Шухэдэ уверяли «туземцев» появление цинских войск вызвано нападениями алтайцев

²²⁰ Там же. л.44.

²²¹ Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая...с.55.

²²² АВПР. Ф.113. Оп.1. Д.2.л44-440б.

²²³ Моисеев В.А. Указ.соч. с.55.

²²⁴ АВПР. Ф.62. Оп.1.Д.6.л.42.

²²⁵ Моисеев В.А. Указ.соч. с.57.

и тувинцев на китайские караулы.²²⁶ Заявив об этом, отряд разделился на две группы и приступил к выполнению в перед ним задачи. Одна его часть направилась в район верхнего течения р.Кобдо, а другая – уничтожить тувинские кочевья, расположенные по среднему и нижнему течению той же реки и ее притоков. Такие же задачи получили отряды, которые привели сюда Цэбдэнджаб, Ченгунджаб, Улдэн, Ансу и другие халхасские князья, действовавшие по «наводке» заранее высланных лазутчиков.

Первыми подверглись нападению и разграблению кочевья тувинских зайсанов Болота и Кутука. Подвластные им люди были частью уничтожены набегниками, частью уведены ими в плен, в Монголию. После рейдов вышеназванных отрядов началось «склонение» местных племен к «добровольному» принятию подданства маньчжурского императора. Осуществляя этот акт, пришельцы демонстрировали указ Сына Неба от 10 марта 1754 года, гласивший: «Если вы [племена Алтая] все еще не приняли нашего подданства, [то мы] немедленно двинем [на вас войска] и прогоним [вас] за пределы Алтая». В этом случае, грозил правитель Поднебесной, «у вас не будет места для пастбищ. [Поэтому] повелеваю [вам] искренне прийти в мое подданство».²²⁷

Однако насельники Алтая, не оценили «заботу» Сына Неба и по мере продвижения его войск в глубь края, повсеместно чинивших грабеж и насилие над «тамошними инородцами», либо уходило от «набегников» дальше в горы, либо искало спасения в Джунгарии. Об этом доносил правителю Поднебесной командующий Шухэдэ.²²⁸ Действия последнего, естественно, не устраивали китайского императора. Поэтому он настаивал, на том, чтобы солдаты Шухэдэ, если не в силах заставить «варваров» сдаться и привести, таким образом, в подчинение Сыну Неба, то необходимо силой прогнать их «от наших границ и установить должный порядок».²²⁹ Чтобы оперативнее, а главное, результативнее реализовать этот план, Пекин перенес ставку командования и военный лагерь ближе к театру военных действий: из Тамира в Улясутай.²³⁰

Пока маньчжуры решали эти вопросы, основная масса саяно-алтайцев успела за это время покинуть свои кочевья и обосноваться по Чуе, Аргуту, Абао, Хабуциао. Получив такие сведения, Пекин отвел свои войска на отдых. Так закончился первый этап вторжения цинских войск на территорию алтайских тувинцев, продолжавшийся с весны 1753 по апрель 1754 год. Его итогом стала установка цинских караулов в бассейнах р. Кобдо, т.е. захваченных маньчжурами тюркских кочевьях. Прежние их обитатели могли, как извещал их императорский указ (от 20 апреля 1754 года – Авт.) вернуться

²²⁶ Циньдин пиндин чжунтгаргээр фанлюе (Высочайше утвержденное описание усмирения джунгар).[Б.м.], 1772. гл.2. л.15б.

²²⁷ Циньдин пиндин чжунтгаргээр фанлюе (Высочайше утвержденное описание усмирения джунгар) ...гл.1.л.39а.

²²⁸ Там же. л. 40б- 42а).

²²⁹ Там же. л.42а.

²³⁰ Там же. гл.2, л.5б.

на свои земли лишь в том случае, если они «вступят в наше (китайское – Авт.) подданство».²³¹

Расчищая, таким образом, подступы к Джунгарии, Пекин стянул в мае-июне 1754 года в район Улясутая, Баркуля, Тамира и других крепостей значительный контингент своих войск. Решая эту задачу, Пекин приказывает своим генералам усиленно следить за обстановкой в кочевьях саяно-алтайцев, готовя таким образом поход на Алтай. Однако состоявшийся вскоре военный совет был не единодушен в отношении данной военной кампании. Одни военные настаивали на оперативном ее осуществлении. Другие же выступили против нее, мотивируя это тем, что она раскроет правителю Джунгарии китайские планы его «умиротворения». Но Сын Неба не согласился с этими доводами и приказал как можно быстрее выполнить его приказ. И этот поход против тувинцев и алтайцев состоялся. В нем принял участие Амурсана, принятый и обласканный Сыном Неба после его раздора с Давази. Это высокое покровительство перебежчик всецело решил использовать (до поры до времени) как ширму для прикрытия своих планов по уничтожению своего ойратского противника. Наряду с этим, Амурсана жаждал посчитаться в данном походе с алтайскими зайсанами за все «зло», которое они причинили ему, будучи в походе по защите Табачи-хана». Вступив в ноябре месяце на территорию края, маньчжурские отряды в полной мере проявили себя: они громили улусы тувинцев и алтайцев, увозя в плен их «природных начальников», увозя награбленное имущество, угоняя с собою скот и пленников.²³² Свидетелями этих печальных для аборигенов тех мест событий стали русские люди, находившиеся в то время в кочевьях телесов в районе Телецкого озера. Их сообщениям маньчжуры брали в плен и уводили «к себе молодых, а старых – всех изрубили».²³³ В этом походе «набежники» особенно горели желанием выполнить приказ Сына Неба и взять в плен двух саяно-алтайских князей – «Боланя и Мамута» - и тут же их уничтожить. Такое выполнение задания богдыхана было продиктовано, опять-таки, его рассуждениями о том, что «уничтожение сих зайсангов» обеспечит благополучный исход похода, который состоится в следующем году. И маньчжуры пленили двух этих князей. Наряду с ними были взяты в плен и другие саяно-алтайские родоначальники, которых маньчжуры увели к себе в лагерь, а их соплеменников, кто не сопротивлялся отрядам «Сына Неба», тот приказал оставить на месте, а всех сопротивлявшихся – уничтожить, а их жен и детей раздать отличившимся в походе воинам в качестве рабов.²³⁴

Словом, к концу 1754 – началу 1755 года отряды цинского Китая разгромили и подчинили себе значительную часть тюркских племен и народов Монгольского Алтая, проживавших в междуречье Кобдо и Черного

²³¹ Там же. л.15а-15б.

²³² Потанин Г.Н. Материалы по истории Сибири. «Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн.2. 1866. с.61

²³³ Тадыев П.Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая//Великая дружба. – Горно-Алтайск, 1956. с.221.

²³⁴ Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая...с.61.

Иртыша. Войскам, решившим эту задачу, был предоставлен отдых, а отличившиеся военачальники и главы союзных им племен были вызваны в столицу и поощрены правителем Поднебесной.

Осуществив этот пробный поход по «приручению варваров» Монгольского Алтая, маньчжуры еще раз убедились в действенности излюбленного китайскими правителями принципа: «усмирять варваров руками самих варваров». Теперь его предстояло использовать для подчинения власти Сына Неба против «варваров Горного Алтая и Джунгарского ханства». С этой целью в феврале – марте 1755 года в «заданный район – верхнего течения рек Катуня и Бухтармы – вступил сводный отряд маньчжуров во главе с зайсаном Чилуном. Чуть позднее – 27 марта того же года – в Горный Алтай ушел другой (шеститысячный отряд – Авт.), который повел Амурсана. В его посылке, как подчеркивали сами маньчжуры, необходимости – вообще-то – не было. Это надо было сделать только лишь в рамках решения главной задачи: ослабить своего главного противника – Джунгарского ханства.

Однако не успели маньчжуры вступить в пределы Горного Алтая, как им стало известно, что ту да уже прибыл объединенный семитысячный ойрато-казахский отряд, к которому пристали со своими отрядами некоторые алтайские князья, в частности, князь Бучжук. Правда, маньчжуры не поверили данному известию, полагая, что ойраты пытаются ввести их в заблуждение. Более того, Пекин полагал, что эта информация имеет целью «возбудить его недоверие» к тувинским зайсанам, перешедшим в подданство правителю Поднебесной. Исходя из такого понимания вышеуказанного известия, маньчжуры продолжали свой поход на Алтай и в начале мая 1755 года их командующий – Чулун – доложил в Пекин, что племена верхнего течения Катуня приведено в подданство богдыхана. Иначе говоря, маньчжурское командование выполнило к началу мая 1755 года поставленную перед ним задачу. Ослабив джунгаров, Пекин обезопасил таким образом свой фланг и тыл. Чтобы еще более закрепить этот успех, он принимает решение проникнуть в кочевья тюрков Горного Алтая.

2. Цинская экспансия в Горный Алтай в 1755-1756 гг.

Весна 1755 года принесла маньчжурам, как было сказано выше, неплохие результаты. Обобщая их, правитель Поднебесной признавал, что «наша династия на протяжении нескольких десятилетий собирала сведения, изучала охрану границ и готовилась к войне по уничтожению джунгаров, но не имела для этого возможностей. Теперь обстоятельства складываются подходящим образом и [наступивший] удобный момент упускать нельзя».²³⁵ Но используя его, Сын Неба все же понимал, что мировое сообщество воспримет «умиротворение» Пекином Джунгарии не иначе, как ее завоевание. Поэтому, чтобы хоть как-то оправдать свои действия, он вынужден был уверять его, в

²³⁵ Там же. с.64.

частности, «северного соседа» в том, что войска в Джунгарию им посланы только «для установления там тишины и спокойствия».²³⁶ «Очистив» таким образом свою совесть, правитель Поднебесной послал свои войска (двумя колоннами – Авт.) в поход. Северная группа пошла из Улясутая через Монгольский Алтай, а южная – выступила из Баркуля. В соответствии с планом, они должны были соединиться на р. Или.

Выступление маньчжуров в поход ойраты, по замечанию ряда исследователей, встретили «обреченно». Их государство, обессиленное многолетними междоусобицами, было не в состоянии отразить цинскую угрозу. Рядовых ойратов не беспокоило то обстоятельство, что во главе передовых китайских отрядов шли их сородичи – джунгарские князья Цэрэн, Салар и другие. А потому они и воспринимали новое наступление маньчжуров не иначе, как продолжение былых междоусобиц. Амурсана же воспринимался ойратами, как человек способный наказать «злодея Даваци» и покончить в кровопролитием внутри страны и установить в ней «мир и спокойствие». Потому вступавшие в пределы Джунгарии цинские войска почти повсюду встречались ойратами с аракой и молоком.²³⁷ А что же ее правитель? Терпя одно поражение за другим, Даваци сложил, по сути дела, оружие и пытался найти спасение в Уч-Турфане. Его правитель сначала приютил беглеца, а потом – выдал Сыну Неба. Последний весьма милостиво обошелся со знатным пленником: ему было пожаловано княжеское звание, предоставлено жилище и даже было разрешено каждый день лицезреть Сына Неба.²³⁸

Иначе говоря, уже летом 1755 года Джунгария прекратила свое существование. Цель, которую ставил перед собой Пекин была достигнута. Сокрушив своего противника, Цинская империя решила стереть из памяти людей даже ее название. Для этого ойратское государство было решено разделить на четыре части. Во главе каждой из них должен бы стать свой независимый хан.²³⁹ Но этим планам не суждено было сбыться. Едва цинские войска встали (после войны – Авт.) на отдых, в Джунгарии вспыхнуло восстание, которое подняв Амурсана, потерявший всякую надежду стать всеойратским ханом. Разгромив оставшийся в ойратской земле небольшой цинский отряд и обосновавшись на р. Боротал, Амурсана развивает активную деятельность по созданию широкой коалиции всех антиманьчжурских сил, включая казахов, киргизов и тюркские народы Алтая.²⁴⁰

Восстание «обласканного варвара», понудило цинский Пекин принять все меры, к подавлению мятежа. Однако он, несмотря на предпринимаемые меры, охватывал все новые и новые районы. А события, развивавшиеся в связи с ним, свидетельствовали о том, что обе стороны готовятся к решающим сражениям. В марте 1756 года цинская армия вступила на

²³⁶ АВПР. Ф.133. Оп.1. д.1. л.53.

²³⁷ Та же. л.56.

²³⁸ Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая... с.65.

²³⁹ Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. – СПб. 1834. с.113-114.

²⁴⁰ Златкин И.Я. Указ.соч. с.449.

территорию Джунгарии. Отразить ее приход вновь помешали распри, возникшие между ойратскими князьями. Потерпев ряд поражений, Амурсана бежит с группой приближенных к султану Среждного жуза Аблаю. В руководителя, маньчжуры с огнем и мечом проходят по стране, почти поголовно уничтожая ойратов. Итогом этого «кровавого рейда» стало исчезновение с лица земли Ойратского государства.

Одержав победу над своим извечным врагом, Поднебесная империя взялась за «приватизацию» джунгарского наследства. Кстати, задолго до этого (еще в мае 1755 года – Авт.) Сын Неба приказал хотогойтскому князю Цэнгунджабу «привести в покорность» племена южных районов Горного Алтая. Но выполнению данного императорского приказа помешала тогда вспыхнувшая с Джунгарией война. Теперь, когда она закончилась, Цэнгунджаб и другие халхасские князья и цинские войска получают приказ готовиться к походу на Алтай, с целью приведения «тамошних варваров» в подданство маньчжурскому императору. 12 июня 1755 года цинские войска вышли в район Сайлюгемского хребта, разделяющего, как известно, Монгольский и Горный Алтай. Преодолев его, часть маньчжурских войск направилась в район верхнего течения р.Катуни для подчинения живущих там алтайцев и тувинцев, другая же – вниз по течению р.Аргут, а третья – в район Чахан-Усу. Иначе говоря, значительная часть Южного Алтая оказалась под контролем маньчжурских войск. О приходе китайцев в край и о их «склонении» местных жителей к принятию маньчжурского подданства донесли русским в августе 1755 года таутелеуты Ерельдей Маачаков и Дарды Баачаков.²⁴¹

Появление значительного цинского войска на Алтае, естественно, напугало алтайских зайсанов и старшин, особенно тех, кто проживал со своими подопечными в верховьях Катуни, а также по Чуе, Аргуту, Башкаусу и другим рекам Горного Алтая. Не имея достаточных сил, чтобы противиться «мунгалам» целый ряд алтайских правителей, в частности, Буктуш, Бурут, Гендышка, Намкы, Омбо и другие, боясь быть физически уничтоженными, вынуждены были формально подчиниться требованиям маньчжуров. Об этом не преминул доложить Сыну Неба командующий войсками Цэнгунджаб. «Ваш верноподданный, - писал он в своем рапорте, - разыскал и покорил урянхов Ханхатуни (так им названа Катунь – Авт.) и других мест. Все [они] уже усмирены, только один Бучжукэ все еще не пойман. Сейчас во всех местах ведем [его] поиск, в скором времени [и] он будет схвачен».²⁴² Доложив в Пекин о своих действиях на Алтае, Цэнгунджаб, тем временем, удовлетворился согласием алтайских родоначальников признать над собою власть Сына Неба, и, собрав свои войска, ушел с ними в Монголию, не оставив в районах Горного Алтая, где были маньчжуры ни караулов, ни постов, а тем более китайских чиновников для управления местными «варварами», ставших, согласно докладу Цэнгунджаба, подданными Сына Неба.

²⁴¹ АВПР. Ф.113. Оп.1 Д.4. л.108.

²⁴² Циньдин пиндин чжунтгаргээр фанлюе (Высочайше утвержденное описание усмирения джунгар) ...гл.17. л.86-11а.

Узнав об уходе «мунгалов», в алтайские и тувинские кочевья прибыл посланец Амурсаны (зайсан Нима – Авт.) с просьбой последнего: помочь восставшим ойратам в борьбе против маньчжурского засилья. Однако эта просьба не нашла отклика в сердцах местных кочевников: слишком уж свежи были в их памяти злодеяния Амурсаны и приведенных им в 1754 году на Алтай маньчжурских войск. В силу этого, алтайские и тувинские князья и родоначальники не только не откликнулись на призыв Амурсаны, но, более того, они даже сообщили о об этом его шаге командующему маньчжурскими войсками. В декабре 1755 года, как явствует из источника, последний доложил в Пекин о прибытии гонца алтайских зайсанов (Боохол, Омбы и других – Авт.), коей сообщил ему - Цэнгунджабу, - что Амурсана приказывает им выступить ему на помощь.²⁴³ «Верная служба новоподданных», естественно, тут же была вознаграждена: от имени Сына Неба Боохол и Омба были награждены деньгами и шелком.²⁴⁴

Но, наградив «новоподданных», богдыхан обязал их «сослужить ему должную службу». В частности, зайсану Гулчугаю, кочевья которого находились в непосредственной близости к Ойратской земле, было предписано охранять с подвластными ему людьми всю юго-западную границу алтайский кочевий. Такой же приказ Сына Неба получил и дэрбэтский князь Цэрэн: ему следовало охранять мингатские кочевья, расположенные в Монгольском Алтае. Кроме того, тот и другой получили приказ: истреблять всех, кто будет поддерживать Амурсану.²⁴⁵

Но, отдав «новоподданным», такого рода приказы Пекин понимал, какие могут у него возникнуть трудности, если последние ослушаются его распоряжения, ибо сами маньчжуры практически не в состоянии что-либо противопоставить «восставшему варвару» в данном регионе, если ему удастся увлечь алтайцев и тувинцев за собой. Дело в том, что цинские войска были к этому времени распущены по домам, а для срочной переброски войск, военного снаряжения и продовольствия сюда - не имелось необходимого количества транспорта. Поэтому цинское правительство идет на риск: оно разрешает открыть в кочевьях саяно-алтайских народов пункты по закупке продовольствия. Один из таких торговых-обменных пунктов был открыт в верховьях р. Чуи. Участие в его деятельности (причем, активное – Авт.) приняли подопечные князей, проживавших в Монгольском Алтае (Тубшина, Чадака и других – Авт.). Его деятельность помогла, в известной степени, решить маньчжурам проблему «добычи» продуктов питания в этом регионе.

А тем временем восстание ойратов «тлело» и не давало покоя маньчжурам. Стремясь не допустить присоединения к нему алтайских и тувинских князей и их соплеменников, Пекин все делал для того, чтобы привлечь их верхушку на свою сторону. Чтобы сделать это, Сын Неба приказал в декабре 1755 года доставить к нему делегацию алтайских

²⁴³ Там же. гл.21. л.2а.

²⁴⁴ Моисеев В.А. Указ. соч. с.70.

²⁴⁵ Циньдин пиндин чжунтгаргээр фанлюе (Высочайше утвержденное описание усмирения джунгар) ...гл.23. л.1а-2а.

зайсанов. И в конце декабря 1755 года делегация алтайских зайсанов (южных районов Горного Алтая – Авт.) была доставлена в Пекин. Алтайские зайсаны (Гулчухай, Камык, Кутук, Номкы и др. – Авт.) были торжественно приняты Сыном Неба в своем дворце, где он им пожаловал чиновничьи титулы и соответствующие им знаки отличия. Перед отъездом на родину, зайсаны были приглашены в Палату внешних сношений (Палата по делам зависимых земель – Лифаньюань – Авт.), где их ознакомили с приказом Сына Неба, который обязывал каждого из них быть готовым поддержать своим войском китайскую армию, которая пойдет «по весне на Амурсаная». Обо всем этом алтайские зайсаны известили, по возвращению из Пекина, своим письмом в январе 1756 года командующего Колывано-Кузнецкой военной линией.²⁴⁶

Однако слова и обещания, данные цинскими властями алтайским зайсанам в Пекин, разошлись с их реальными делами: маньчжурские войска, прибывшие оградить алтайских «новоподданных» от возможных действий «восставших ойратов», повели себя совсем не как защитники. Ограждая алтайцев от увода их ойратами в Джунгарию, они начали «массово угонять жителей Горного Алтая из своих мест к себе, в мунгалы». Эти стремления последних сопровождались грабежом мирного населения, всевозможными поборами и часто – убийствами ни в чем не повинных людей. Данные действия маньчжуров, естественно, оказали самое негативное влияние на алтайских князей: они не только стали пересматривать свое отношение к ним, но и понудили их взяться за оружие и выступить против китайцев. Иначе говоря, алтайское население, выступив против цинских отрядов, поддержало таким образом восстание джунгаров. Уже в феврале 1756 года зайсан Омба не пропустил через свои кочевья маньчжурское посольство, шедшее в «Киргизскую орду», к султану Аблаю. Об этом противодействии алтайцев глава посольства тут же доложил Пекину. Он же доложил и о том, что алтайцы там и тут распространяют известия о появлении на Алтае казахских и ойратских отрядов, которые якобы приведены сюда самим Амырсаной. Не отреагировать на них Сын Неба, естественно, не мог. В своем указа по этому поводу он писал 29 марта 1756 года, что «эти слухи вносят смятение и сомнения в настроение толп». Поэтому он повелел строго карать мятежников», особенно их «главных зачинщиков» - князей Тубшина, Бэньголака, Омбу, Гулчухая, Бобоя и других, осмелившихся оказать сопротивление цинским войскам». Правда, первых двух, кои ранее активно сотрудничали с маньчжурами, Сын Неба предписывал «простить», к остальным же, подчеркивал хуанди, «нельзя проявлять снисходительности».²⁴⁷ Так, писал в свое время В.А.Моисеев, провалился у Пекина план использования против ойратов племен и народов Горного Алтая. В силу этого, «оскорбленный поведением алтайских варваров» Сын Неба отдает приказ возвратить маньчжурские отряды, возглавляемые Хадахой и Цэнгунджабом, в Горный Алтай для «усмирения изменников».

²⁴⁶ АВПР. Ф.113. Оп.1. д.4. л.176.

²⁴⁷ Циньдин пиндин чжунтгаргээр фанлюе (Высочайше утвержденное описание усмирения джунгар) ...гл.25. л.286-29а.

Выполняя его, маньчжуры обрушили на алтайских «варваров» все свою силу. Первыми попали под этот массивный удар насельники кочевий и улусов зайсанов Буктуша, Бурута и Намкы. Тувинцев, согласно докладу Цэнгунджаба, «вразумляли», отряды Бинтуна, халхасца Чанэду и др.²⁴⁸

Алтайцы и тувинцы, подвергшиеся нападению китайских отрядов, защищались, как могли. Но силы были, явно, не равны. Поэтому те и другие стали уходить от наседавших на них маньчжуров под защиту русских крепостей и форпостов. Об этом русским властям стало известно из рассказа алтайца Басурмана Коймышева, благополучно добравшегося и укрывшегося в одном из них. Наши зайсаны, поведал он военным, «ретируются к российским крепостям», поскольку «им в своих волостях жить уже нельзя, понеже мунгальское войско близ их наступило».²⁴⁹ Столкнувшись с «бегством изменников», маньчжурские отряды всячески препятствуют их уходу к русским, задерживают беглецов и отправляют в различные районы Монголии. Подобные акции китайцев по отношению алтайцев становятся к весне 1756 года весьма распространенным явлением. Чтобы избежать угона на чужбину, алтайцы начинают обращаться за «помощью» к русским. Так, в мае 1756 года в Бийскую крепость прибыл посланец зайсана Номкы, сообщивший полковнику Дегарриге, что «...к ним из китайского войска почасту присылаются послы и требуют со всех двенадцати зайсанов алман, а коль они не будут его платить, то их всех вместе с женами, скотом и прочим грозят взять в другие места..., а коль они алману не дадут, то их всех ...перевешают на березах».²⁵⁰

Складывавшаяся в это время в Горном Алтае обстановка «обеспокоивала» Сына Неба. Поэтому он требовал от своих подчиненных постоянно ее контролировать. Особенно строгого «отношения» требовал правитель Поднебесной к беглецам и к тем, кто следовал или намерен был следовать за «изменниками». Таковых, предписывал он своим указом от 14 мая 1756 года, необходимо было «немедленно уничтожать на месте».²⁵¹ В число «изменников» Сын Неба, в первую очередь, внес алтайских зайсанов Омба и Гулчухая, которые не только отбились от наседавших на них маньчжуров и ушли к русским крепостям, но и нанесли китайцам немалый урон. Эти действия «изменников» могли, по заявлению цинского императора, оказать «плохое воздействие на других тамошних и иных варваров», поэтому, подчеркивал он, «лучше их истребить заранее».²⁵²

Чем же заслужили такую «нелюбовь» Сына Неба алтайские зайсаны Омбо и Гулчухай, что превратил он их не только в своих «личных врагов», но и во врагов Цинской империи в целом? Особенно был зол ее правитель на зайсана Омбу. Не меньше оснований быть недовольным своим

²⁴⁸ Моисеев В.А. Указ. соч. с.72.

²⁴⁹ АВПР. Ф.113. Оп.1. Д.4. л.280.

²⁵⁰ Там же. л.326.

²⁵¹ Да Цин Гаоцзун Чуаньхуанди шилу (Хроника правления Гаоцзуна Чуаньхуанди великой династии Цин).-Токио, 1937. гл.511, л.4а-4б.

²⁵² Там же. гл.512. л.13-а-14а.

«покровителем» было и у последнего. Так, еще весной 1755 года, когда цинские отряды громили тувинцев Монгольского Алтая, маньчжуры не упускали случая, чтобы не пограбить их соседей – насельников южных районов Горного Алтая. Особенно досталось тогда алтайцам, подвластным зайсану Омбе. Об этом доложил впоследствии по инстанции вахмистр А.Беседнов, бывший по долгу службы в его кочевьях. Уже целый год, жаловался тогда ему зайсан Омба, «находятся мои люди в опасности, лето и зиму они...на караулах и на войне и дома сейчас [т.е. весной 1755 г. – Авт.]) их почти никого нет».²⁵³

Когда цинские отряды «приводили в покорность» население Монгольского Алтая, многие алтайские родоначальники еще не разобрались в сложившейся в регионе обстановке, осознали необходимость объединения и сплочения для борьбы с цинскими завоевателями. Это был непосредственный результат маньчжурской пропаганды о том, что войска Сына Неба пришли сюда (в Монгольский Алтай – Авт.) только для того, чтобы «восстановить мир и спокойствие». Однако Омбо не поверил «маньчжурской пропаганде», поскольку уже по опыту ойратов он знал, чем она обернулась для них: «сладкие речи» маньчжуров обернулись в конечном счете для ойратов почти поголовным их истреблением. Поэтому алтайский зайсан стал избегать людей Сына Неба. Не поверил он тогда и в «искренность слов и дел» тувинских и телеутских князей. В силу этого, Омба и не поехал на совет «лучших людей Алтая», сзывавшийся последними для обсуждения вопроса об организации совместной борьбы против цинских захватчиков. Потом он объяснил А.Беседнову причину своего отказа. «А на совет тот я не поехал и людей своих не дал потому, - объяснял он вахмистру, - что там дерутся между собой два владельца...и кто их них будет правее,.. к тому и я склонюсь...да и люди мои идти на баталию были не готовы».²⁵⁴ И, надо сказать, ход дальнейших событий на Алтае полностью подтвердил «опасения» Омбы: цинские войска показали вскоре истинную цель свое появления в крае, что заставило его и многих других алтайских зайсанов и старшин решительно изменить свое отношение к маньчжурам и объединиться всем (телесским, телеутским и тувинским племенам и народам – Авт.) в антицинскую коалицию и выступить навстречу врагу. Свидетелем сбора общего ополчения и стал вахмистр Беседнов. Во главе его, как следует из источника, встал Омба. Оно выступило навстречу «мунгалам», которые, по словам ополченцев, стояли «близ китайской границы и неподалеку от наших жилищ».²⁵⁵ Однако отразить нападение сильного и «многочисленного мунгальского войска» ополчение не смогло. Потерпев ряд поражений, ополченцы, алтайские кочевники в целом стали отступать к русским крепостям. Эти успехи придали «силы» захватчикам, которые развернули широкое наступление на Горный Алтай. Им противостоял, как явствует из документов, только алтайский зайсан Омба, «противившийся мунгалам в

²⁵³ АВПР. Ф.113. Оп.1. Д.4. л.280.

²⁵⁴ АВПР. Ф.113. Оп.1. Д.2. л.44.

²⁵⁵ Там же. Д.4. л.22.

Каннских волостях...за то его действо...онные (китайцы – Авт.) великий урон в оных волостях учинили».²⁵⁶

Подобная «решительность» Сына Неба по отношению к своим «изменникам», естественно, устрашала всех саяно-алтайских «варваров». Поэтому он старались уйти от китайского преследования в русские пределы, а те, кому это не удалось сделать, укрывались в глухих труднодоступных местах Горного Алтая. Об этом известил в мае 1756 года командование Бийской крепости алтаец Кайсан Бектешев.²⁵⁷ Но, несмотря на превосходство в силе, вооружении, маньчурам не удалось ликвидировать очаги сопротивления в Горном Алтае и двинуться, в соответствии с ранее намеченным планом, на разгром кочевий казахов и поимки Амурсаны. Озлобленные этими неудачами, маньчуры начали вымещать все свое «зло и обиды» на насельниках Горного Алтая, не щадя ни мужчин, ни женщин, ни старого, ни малого.

3. Принятие российского подданства коренными народами Южного Алтая в 1756 гг. (Вместо заключения)

Принятие российского подданства коренными народами Горного Алтая в 1756 году было, как явствует из выше изложенного материала, связано с джунгаро-китайской войной 1753-1756 гг., которая явилась бесспорным порождением традиционной внешней политики маньчжурской династии Цин в Центральной Азии. Она же брала свое начало, как уже неоднократно упоминалось, в политике «китаецентризма», зародившейся в глубокой древности и превратившейся со временем в политическую доктрину о «Сыне Неба», поставленному самим «Небом» управлять всей Вселенной, соседними и дальними народами. Опираясь на нее, китайские политики и ученые всячески приписывали Цинской империи более широкую сферу влияния, особенно к северо-западу от своих границ, нежели это было на самом деле. Пытались они также доказать и «извечную принадлежность» Китаю обширных территорий указанного региона.

Очередное военное противостояние двух извечных соперников, как и все предыдущие их конфликты, было порождено стремлением противников уничтожить друг друга. Очередное обострение военного противостояния между Цинской империей и Джунгарией весьма пагубно отразилось не только на политическом и социально-экономическом положении последней, но и на положении соседних с ними племен и народов, в частности, насельников Горного Алтая. Преследуя поверженных ойратов, маньчжуро-китайские отряды прибыли летом 1754 года в верховья Чуи и Катуня. Используя «свою силу», они принудили здешних «инородцев» подчиниться себе и привели незначительную часть южных алтайцев (445 чел. – Авт.) «в

²⁵⁶ Там же. л.367.

²⁵⁷ Там же. л.20-23.

покорность себе».²⁵⁸ Однако основная же их масса отказалась принимать китайское подданство. Их зайсаны и старшины тут же стали (тайно) направлять к сибирским властям (гражданским и военным) своих посланцев с просьбами о «заступничестве». Так, телесы в ответ на «силовые» домогательства китайцев, понуждавших их признать власть своего богдыхана и платить ему дань, заявили пришельцам, что они давно уже являются «ясачными людьми белого государя». И тут же, при «мунгалах», отправили в Кузнецк гонца, дабы тот передал их, телесцев, просьбу русским пограничным властям о присылке «в китайское войско послов, чтобы их, телесцев, от оных остеречь (т.е. защитить - Авт.)».²⁵⁹

Однако русское правительство, занимавшее весьма осторожную позицию в «сем непрестом, пограничном деле», ограничилось только лишь протестом и пожеланием возратить Русскому государству захваченных маньчжурами двоedanцев.²⁶⁰ Довести до сведения китайского командования этот правительственный вердикт было поручено переводчику и сборщику ясака И.Максекову. Но добраться тому до ставки маньчжуров тогда не удалось. Тау-телеуты, напишет потом кузнечанин в своем отчете, весьма обрадовались его появлению в своих кочевьях и просили его передать кузнецким воеводам, чтобы они построили при впадении речки Иши в Катунь крепость, дабы «ихние волости ясашные и их самих от мунгалов закрыть».²⁶¹

Подобного рода прошения поступили тогда русским властям и от родоначальников теленгитов, телеутов и других родо-племенных групп Горного Алтая. При этом они интересовались у представителей российских гражданских и военных властей, посещавших по долгу службы или ясачным делам их кочевья, о возможности «своего (тау-телеутов – Авт.) спасения от злого времени в российской стороне».²⁶² Не имея возможности и полномочий решать такого рода вопросы, командующий Колывано-Кузнецкой военной линией полковник Ф.Дегаррига раз за разом препровождал такого рода «инородческие» прошения вышестоящему начальству: Сибирскому губернатору В.А.Мятлеву и командующему Сибирским корпусом бригадиру Крофту. Однако и тот, и другой также не имели на этот счет каких-либо ясных указаний сверху, а потому и они вынуждены были просить разъяснения по этому поводу у Оренбургского губернатора И.И.Неплюева. К сожалению, и последний не мог решить поставленные алтайскими «инородцами» вопросы, а посему он смог лишь порекомендовать своим сибирским коллегам, с одной стороны, воздерживаться от приема алтайцев в российское подданство, а с другой, - «не отвергать сих просителей» от «благожелательства Ея императорского

²⁵⁸ Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай Политические, социально-экономические и культурные отношения (XVIII-XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996. с.67.

²⁵⁹ Архив внешней политики России (АВПР). Ф.113. Оп.1. Д.1. Л.21.

²⁶⁰ Там же. Л.25.

²⁶¹ Там же. Л.42.

²⁶² Там же. Д.4. Л.22.

величества» и разрешать «оним телесцам и иным тамошним инородцам», кочевать вблизи русских военных укреплений.²⁶³

Такая неопределенная позиция русских властей (гражданских и военных) и осложнявшаяся с каждым днем военно-политическая обстановка в регионе понуждала алтайских зайсанов и старшин самим искать выход из создавшегося положения. В силу этого, они принимают решение провести съезд алтайской знати и обсудить на нем складывавшуюся ситуацию в Южном Алтае, а исходя из нее, наметить пути выхода из создавшегося положения, а также скоординировать свои действия по противодействию захватчикам.²⁶⁴

А тем временем масштабы цинской агрессии в Горном Алтае разрастались. Китайские отряды вторглись в юго-восточные районы края и, продолжая углубляться в его просторы, вышли вскоре к Телецкому озеру, «чиня повсеместно грабеж и насилие», силой понуждая местное алтайское население принять китайское подданство. В этой обстановке тамошние зайсаны и старшины собираются в марте 1755 года в ставке Намыкая Малаева (в районе Ябогана – Авт.) на совет для обсуждения вопросов по отражению цинской агрессии. После жарких споров, было принято решение об организации общеалтайского ополчения. Местом его формирования был избран бассейн р.Ело, т.е. во владении зайсана Намыкая.²⁶⁵

Сформированный десятью зайсанами алтайский отряд, вооруженный «ружьями, саадаками и копьями», той же весной нанес не одно поражение маньчжурским захватчикам.²⁶⁶ Однако к лету 1754 года, сила и мощь отряда стали таять и алтайцы начинают сами терпеть одно поражение за другим. Причин этой неудачи было несколько. В первую очередь, сказывалась малочисленность алтайского отряда; во-вторых, дело усугубляла его неорганизованность. Но главной причиной его неудачных - со временем - действий стало отсутствие единого командования объединенным отрядом. Участившиеся его военные неудачи, а также «иные обстоятельства» понудили алтайскую родоплеменную верхушку обратить свои взоры в сторону России. В своих прошениях, ставших поступать, с начала 1755 года, в различные инстанции местных и центральных органов власти, они начинают настойчиво просить российские власти «взять их в российскую протекцию» и защитить их «от злого времени». К лету поток такого рода ходатайств начинает еще больше нарастать. Однако русские власти (ни гражданские, ни военные), по-прежнему, не могут определиться как поступить им в данной ситуации. На запросы командующего Колывано-Кузнецкой военной линией полковника Дегарриги и командующего Сибирскими войсками бригадира Крофта из Коллегии иностранных дел приходят им стереотипные, но весьма неопределенные ответы: «в близость к

²⁶³ Там же. Л.65.

²⁶⁴ Самаев Г.П. Горный Алтай в ХУП – в середине XIX в. Горно-Алтайск, 1991. с.106.

²⁶⁵ Модоров Н.С. Указ. соч. с.67.

²⁶⁶ Самаев Г.П. Указ. соч. с.108.

российским границам и к крепостям...алтайских зенгорцев не допускать», но и – в то же время - не отгонять оных от них».²⁶⁷

А тем временем военное противостояние между Джунгарским ханством и цинским Китаем закончилось не в пользу первого. Разгром Цинской империей своего давнего противника и начавшиеся вторжения маньчжурских завоевателей в «ойратские владения», в том числе и в кочевья южных алтайцев (номинально значившихся в их составе – Авт.), побуждают почти всех глав племен и родов Горного Алтая обратиться к командованию Колывано-Кузнецкой военной линии с настоятельными просьбами о принятии их со всеми подвластными им людьми в русское подданство. Так, летом 1755 года с таким прошением обратился зайсан Кайсан Бектешев к драгуну И.Шаболину, находившемуся в то время в кочевьях таутелеутов. «По согласованию зайсангов...Буктуша Кумекова, Намыкая Малаева и прочих, всего одиннадцати человек, - говорил проситель, - во убежание от подданства мугальского, все мы имеем ревностное желание с людьми своими в подданство Ея императорского величества быть и ясак, против прочих, ежегодно платить». Тот же К.Бектешев, по словам И.Шаболина, сообщил ему о том, что еще семь алтайских зайсангов хотят обратиться с такою же просьбой к русским властям.²⁶⁸

Летом того же, 1755 года в Бикатунской крепости появились и посланцы телесов. Они сообщили Ф.Дегарриге о том, что «зюнгорского владения пятнадцать зайсангов со своими волостями имеют прилежное желание быть в подданстве Ея императорского величества». Однако свершению их желания препятствуют «мунгалы».²⁶⁹ Вскоре о появлении последних на Южном Алтае, русские власти узнали воочию: в августе 1755 года им «доподлинно стало ведомо, что на реке...Чуя стоит мунгальское войско...в три тысячи человек да на реке Береле...две тысячи, а в канских зенгорских волостях...триста человек и все они...склоняют алтайцев к принятию маньчжурского подданства, угрожая в случае отказа развоевать все их улусы».²⁷⁰

Алтайские зайсаны и старшины, жившие в верхнем течении Катуня, а также по Чуе, Аргуту, Башкаусу и другим рекам, «убоясь разорения» и физического уничтожения, пошли со своими людьми (в силу указанных выше обстоятельств – Авт.) на формальное «подчинение» маньчжурам. В числе такого рода «добровольцев» значились зайсаны Омбо, Гендышка, Намкы, Буктуш, Бурут и др. О переходе «оных варваров» под власть богдыхана доложил последнему командующий маньчжурскими войсками на Алтае Цэнгунджаб.²⁷¹

Однако, дав «согласие мунгалам о признании ими богдыханского подданства», алтайские зайсаны и старшины, не мешкая, направили своих

²⁶⁷ АВПР. Ф. 113. Оп.1. Д.4. Л.10.

²⁶⁸ Там же. Л.62.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Модоров Н.С. Указ. соч. с.7.

²⁷¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.126. Оп.1. Стлб.1. Л.10.

посланцев к русским. Так, спустя три месяца, в Чагырской крепости (на Колывано - Воскресенской военной линии – Авт.) появился посланец зайсана Омбы – Мулла Абреимов. «С общего подчиненных его урянхайцев и бухарцов согласия, - говорил он, - просил Омба принять его с подчиненными ему людьми, которых... посемейно до пятисот и более, в подданство Ея императорского величества, в которое... он, вступя,.. подати всякие платить желает». При этом Абреимов просил русские власти ускорить решение этого вопроса, поскольку «когда реки станут, тогда их всех... в китайскую землю без остатку погонят».²⁷² И это, наверное, было бы осуществлено «мунгалами» неизбежно, если бы не одно обстоятельство: в сентябре 1755 года против Цинской династии восстал ойратский нойон Амурсана, потерявший всякую надежду на то, чтобы с помощью китайцев стать полновластным ханом единой Джунгарии. Однако это обстоятельство, отнюдь, не объединило его с алтайскими зайсанами. Последние, по-прежнему, продолжали борьбу как с «мунгалами», так и с ним. Он для них, по-прежнему, продолжал оставаться предателем «интересов» ойратов и коренных народов Саяно-Алтая. Поэтому военные действия алтайцев с ним и «мунгалами» продолжали иметь место в районе Телецкого озера, на Катунь и Семе.²⁷³

Встретив ожесточенное сопротивление алтайцев его отрядам, Амурсана прекращает в октябре 1755 года борьбу с ними и уводит свои отряды в Джунгарию, справедливо опасаясь действий против себя крупного китайского войска, дислоцировавшегося в Южном Алтае. Но это, отнюдь, не принесло мира на алтайскую землю, ибо Цинская династия почти тут же напомнила ее насельникам о себе. Ей очень не хотелось, чтобы Амурсана примирился с алтайскими кочевниками. Дабы не допустить этого, Сын Неба приказывает командиру «южного своего войска» срочно вызывать алтайских зайсанов и старшин в «свое войско и отправить потом их в Китай». Представители алтайской родоплеменной верхушки вынуждены были (уступая силе – Авт.) подчиниться ультиматуму. И они поехали в Пекин. В течение четырех месяцев там, согласно источнику, побывало около 20 алтайских зайсанов и старшин. Принявший их там «Сын Неба» (император Цяньлун – Авт.), пожаловал им чиновничьи титулы и соответствующие знаки отличия. А перед отъездом «алтайских делегатов» из столицы строго наказал им: быть готовыми поддержать своими войсками маньчжуров, которые весной 1756 года пойдут войною на Амурсану.²⁷⁴

А русские власти тем временем продолжали, по-прежнему, хранить глубокое «молчание» по поводу обращений алтайских зайсанов и старшин о приеме их в русское подданство. Совсем по-иному, в отличие от русских, повели себя в этой ситуации китайские отряды: они старались как можно дальше проникнуть вглубь Горного Алтая, а, проникнув, силой принуждали местных «инородцев» подчиниться «своему влиянию». Учитывая это, а

²⁷² АВПр. Ф.113. Оп.1. Д. Л.61.

²⁷³ Самаев Г.П. Указ. соч. с.113-114.

²⁷⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.517. Оп.1. Ч.1. Д.537. Л. 1-3.

также продолжавшиеся настойчивые притязания китайцев «увести к себе» алтайцев, как бывших некогда подданных Джунгарского ханства, которое «ныне повержено Сыном Неба» и, в силу этого, утверждали китайцы, «алтайские варвары принадлежат, по праву победителя, правителю Поднебесной империи». В силу негативно складывавшихся для коренного населения Южного Алтая ситуации, алтайские зайсаны и старшины собирают на р.Кайрлук «всеалтайский совет», который постановил: еще раз обратиться к русским властям о приеме их со своими подданными «в российскую протекцию»²⁷⁵ В январе 1756 года прошение с такой же формулировкой поступило от имени 13 алтайских зайсанов в Бийскую крепость и от зайсана Омбы и других представителей алтайской родоплеменной знати - в Чагырскую крепость.²⁷⁶

Аналогичного рода прошения о приеме алтайцев в русское подданство передавались ими также административным лицам или военным, в силу обстоятельств оказавшихся в алтайских кочевьях. Таковое, к примеру, было передано в феврале 1756 года капитану Таракановскому представителями Каракольской волости, ведомства зайсана Намыкая Малаева²⁷⁷ 15 февраля того же года прошение от имени 12 алтайских зайсанов (под властью которых «находилось 1500 юрт») уже им лично было передано командующему Колывано-Кузнецкой военной линией полковнику Дегарриге.²⁷⁸

В разгар этих дипломатических сношений русским властям становится известно о новом вторжении цинских войск в Горный Алтай. Об этом в начале марта сообщили в Бийскую крепость посланцы зайсанов Буктуша, Бурута, Намыкая, Намыка, а в Усть-Каменогорскую крепость такие вести доставил посланец зайсана Гулчугая (Кулчугая), в Чакырскую крепость - люди зайсана Омбы – Алтай Мабырашев и бухарец Абреимов.²⁷⁹ Несколько раньше (в феврале 1756 г.) люди Омбы известили о наступлении китайцев и капитана Тесницкого. В беседе с ним они сообщили, что «прибыли к ним» в Канскую волость «от китайского державца 30 человек и объявили, что позади них идут войска для взятия их в китайское владение».²⁸⁰

Разворачивавшиеся на Алтае события поставили русское правительство в крайне затруднительное положение. Во-первых, налицо была угроза распространения цинской экспансии за пределы Джунгарии. Но имевшимися в данном регионе российскими воинскими силами предотвратить агрессию Цинской династии не представлялось возможным. Во-вторых, весьма сложным и проблематичным делом являлось взятие алтайцев, бывших данников Джунгарии, под свою защиту. Надо полагать, что именно этими обстоятельствами была порождена 13 ноября 1755 года Коллегией иностранных дел директива, предписывавшая и гражданским, и военным

²⁷⁵ Самаев Г.П. Указ. соч. с.118.

²⁷⁶ АВПР. Ф.113. Оп.1. Д.4. Л.169-171.

²⁷⁷ Там же. Л.213.

²⁷⁸ Там же. Л.217.

²⁷⁹ Модоров Н.С. Указ. соч. с.69.

²⁸⁰ Там же.

властям не «вступаться в ойрато-маньчжурские междоусобные ссоры и ни одного против другого не оборонять».²⁸¹

Видя затруднения и нерешительность русских властей, цинские отряды начинают проявлять еще большую активность в достижении своих экспансионистских целей. Принуждение «алтайских инородцев» к принятию китайского подданства, грабежи, массовые угоны в плен мирного населения, насилия и убийства ни в чем неповинных жителей стали обычным явлением тех дней в Южном Алтае. Не дождавшись покровительства со стороны русских властей, алтайцы снова вынуждены были взяться за оружие и выступить на защиту своей свободы, независимости и своих владений. В этом противостоянии китайским войскам особенно преуспели отряды Омбо, Гулчугая, Бобоя и других алтайских предводителей, которых китайский император Цяньлун объявил своими личными врагами, осмелившимся оказать сопротивление цинским войскам, за это к ним, подчеркнул он, «нельзя проявлять снисходительность»²⁸² Но, выполняя это повеление Сына Неба, командующий китайскими войсками в Горном Алтае Хадаха проявил некоторую «медлительность», чем вызвал «справедливый гнев» Цяньлуна. «Почему, - грозно вопрошал он, в своем приказе, направленном Хадахе, - не пойманы главные разбойники Омба, Кутук и прочие»? И требовал выполнить его приказ немедленно.²⁸³

Выполняя его, то есть разыскивая «личных врагов Сына Неба», цинские отряды все глубже внедрялись в просторы Горного Алтая. Преследуемые противником, алтайцы уходят к границам Русского государства, а часть их скрывается в глухих, труднодоступных местах края. Посланник зайсана Буктуша – алтаец Кайсан Бектешев, - прибывший в мае 1756 года в Бийскую крепость, передал полковнику Дегарриге прошение своего владельца о приеме его в российское подданство, а также сообщил «высокому начальнику» о наступлении китайцев, от которых его соплеменники разбежались «по разным урочищам».²⁸⁴

Те же, кому не удалось уйти от преследователей, стараются вести двойную игру. Под предлогом, якобы обсуждения условий приема китайского подданства, они намереваются выиграть время, надеясь на положительное решение их просьб русскими властями. Однако китайское командование не проявляет доверия к такого рода заявлениям и настаивает на своем. Тайно прибывший весной 1756 года в Бийскую крепость алтаец Аксак Едженин поведал там о том, что к его зайсану Номкы «из китайского войска присылаются послы и просят со всех... двенадцати зайсангов алман». Кроме того, они намерены «взять тех зайсангов с их людьми с тех мест, где ныне они кочуют, в свою землю», а коль они откажутся переходить, то их всех «перевешают на березах».²⁸⁵

²⁸¹ АВПР. Ф.113. Оп.1. Д.4. Л.37-38.

²⁸² Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983. с.72.

²⁸³ Там же. с.74.

²⁸⁴ Модоров Н.С. Указ. соч. с.69.

²⁸⁵ АВПР. Ф.113. Оп.1. Д.4. Л.326.

Используя любую возможность, зайсаны и старшины вновь и вновь направляют русским властям свои прошения о приеме их в подданство России. Одно из таковых было направлено 9 марта 1756 года сибирскому губернатору В.А.Мятлеву. Не получив от него должного ответа, зайсаны обращаются 6 апреля 1756 года (через Сибирского губернатора В.А.Мятлева – Авт.) с прошением в Коллегию иностранных дел. Не зная, какой ответ она даст, алтайские кочевники, ища защиты от геноцида маньчжуро-китайских отрядов, стали самовольно прикочевывать к русским укрепленным пунктам и селиться около них. Такого рода сведения поступили весной 1756 года в Томск от командования Чагырской, Усть-Каменогорской и других русских крепостей.²⁸⁶ [10, л.199].

Взвесив все «за» и «против», российское правительство принимает решение о приеме алтайских кочевников в «русскую протекцию». Это решение было закреплено указом от 2 мая 1756 года, в котором были обстоятельно изложены условия и порядок приема алтайцев в российское подданство. В соответствии с правительственным указом, Сибирской администрации разрешалось принимать алтайских «инородцев» в российское подданство даже в том случае, если они, «придя в нашу протекцию» не захотят покидать свои кочевья и переселяться в другие места. В этих случаях, подчеркивалось в указе от 2 мая 1756 года «оним зенгорцам» полагалось не только не отказывать в приеме в «нашу протекцию», а приняв «в оную, разрешать им кочевать по своим, вышеозначенным рекам или в других местах внутри [нашей] границы». Особое внимание местная администрация обязана была обращать на принятие соответствующих мер, дабы «наши новоподданные зенгорцы были китайской стороной оставлены в покое».²⁸⁷

С 1 июня 1756 года в крепостях, форпостах и редутах Кольвано-Кузнецкой военной линии начался прием алтайских кочевников в русское подданство. Маньчжуры, видя, что алтайские кочевники уходят от них в «русскую протекцию», все делали для того, чтобы не дать им возможности приблизиться к российской границе. Для этого, маньчжуро-китайские отряды поставили заслоны в районе Черного Иртыша, в нижнем течении р. Буянту и по ее притокам, а также прочесывали местности «южного направления». Нередко отдельные части цинских войск приближались к русским крепостям и требовали от их командования выдачи им пропущенных за русские кордоны алтайцев. Но, несмотря на предпринимаемые меры, маньчжурским завоевателям не удалось сдержать натиск и стремление отчаявшихся «в несчастиях бывших алтайских зенгорцев» уйти в российские пределы. Несмотря на все препоны, выставляемые ими на пути алтайцев, последние ушли, - таки, под «высокую руку Ея императорского величества». Согласно официальным данным правительства, к концу сентября 1756 года российское подданство приняла основная масса алтайского кочевого населения. По донесениям российских властей (гражданских и военных)

²⁸⁶ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф.1. Оп.1. Д.43.

²⁸⁷ Тадыев П.Е. Поворотный пункт//Великая дружба. - Горно-Алтайск, 1956. с.27.

положение «новоподданных было крайне тяжелым»: у большинства из них не было ни скота, ни имущества, а порой и даже одежды. Все, как сообщали по инстанции официальные переписчики «зенгорцев», что у них можно было взять – маньчжуро-китайские отряды взяли, а то, что они не могли забрать с собой – «разорили и уничтожили безостатку».²⁸⁸

IV. Библиография

Источники

1. Алтан Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста истории Убаши-хунтайджи и его войны с ойратами. Пер. Галсан Гомбоев//Труды ВОРАО. Ч.VI. – СПб., 1858.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПР). ф.62 (Сношения России с Китаем); ф.113 (Зюнгарские дела); ф.122 (Киргис-кайсацкие дела); ф.126 (Калмыцкие дела).
3. Архив Российской Академии наук (РАН, СПб.). Ф.21 (Портфели Г.Ф.Миллера).
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). ф. 3 (Томское губернское управление); ф.196 (Томская казенная палата).
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.24 (Разряд госархива); ф.126 (Мунгальские дела); ф.130 (Сибирские дела); ф. 214 (Сибирский приказ); ф.248 (Правительствующий Сенат); ф.517 (Кузнецкая воеводская канцелярия); ф.199 (Портфели Г.Ф.Миллера); ф.1134 (Кузнецкая комендантская канцелярия).
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.1450 (Управление Сибирского военного округа).
7. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА). Ф.468 (Кабинет Ея императорского величества); ф.796 (Алтайская духовная миссия).
8. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). ф.1 (Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства); ф.2 (Кольвано-Воскресенское горное правление); ф.4 (Главное управление Алтайского округа); ф.164 (Алтайская духовная миссия); ф.169 (Горная экспедиция Кольванской губернии).
9. Абрамов Н.А. Перевод с двух китайских листов, писанных при доношениях в Комиссию Иностранных дел от сибирского губернатора советника Соймонова от 25 и 29 мая 1756 г.относительно бывшего джунгарского и потом китайского цин-вана (князя первой степени) Амурсаны /Н.А.Абрамов//»Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн. 4. – М., 1868.
10. Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год/Н.Н.Бантыш-Каменский. – Казань, 1882.
11. Валиханов Ч.Ч. Архивные материалы о русско-джунгарских и китайских отношениях/Ч.Ч.Валиханов. Собр.соч. Т.3. – Алма-Ата, 1964.
12. Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при хане Дондук-Даши. – СПб., 1880.
13. Да Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Хроника правления Гаоцзуна Чуньхуанди великой династии Цин). – Токио, 1937.

²⁸⁸ Там же. с.30.

14. Да Цин личао шилу (Хроника правления великой династии Цин). Т.1-94. – Токио, 1937.
15. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. тт. 3, 7,8. – СПб, 1848.
16. Иакинф. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени.- СПб., 1834.
17. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 г. //«Чтения в императорском //«Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн.2. – М., 1875.
18. История о завоевании китайским ханом Канхием калкского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состояща ф в двух частях. Пер. И.Россохин. – СПб., 1750.
19. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Т1. 1607-16136 гг. – М., 1959; Т.2. 1636-1654 гг. – М., 1974.
20. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства /П.С.Паллас. – СПб., 1788.
21. Памятники сибирской истории XVIII века. Кн.1. 1700-1713 гг. – СПб., 1832; Кн.2. 1713-1724 гг. – СПб., 1885.
22. Позднеев А.М. Монгольская летопись «Эрденийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 год. – СПб., 1883.
23. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т.1. 1608-1683 гг. – М., 1969; Т.2. 1686-1691 гг. – М., 1972.
24. Сибирские летописи. – СПб., 1907.
25. Собрание исторических известий о монгольских народах, сочиненное господином П.С.Палласом. – СПб., 1766.
26. Циньдин пиндин чжунгээр фанлюе (Высочайше утвержденное описание усмирения джунгар). [Б.м.], 1772.

Литература

1. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края/А.В.Адрианов. – Томск, 1904.
2. Алексеев В.М. Отражение борьбы с завоевателями в истории и литературе Китая/В.М.Алексеев//Китайская литература. – М., 1978.
3. Андреев А.И. Очерки по источниковедению /А.И.Андреев. – М., 1942.
4. Андриевич В.К. История Сибири/В.К.Андриевич. – СПб., 1889.
5. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI- первой половине XIX в./Н.Н.Аполлова. – М., 1976.
6. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей/Н.А.Аристов//Живая старина. 1896. №3-4.
7. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII вв./А.Р.Артемьев. – Владивосток, 1999.
8. Банзаров Д. Об ойратах и уйгурах/Д.Банзаров. Т.1. – Казань, 1849.
9. Баранов А. Харачины в хошуне Чжасаку-вана/А.Баранов. – Харбин, 1907.
10. Баранов А. Урянхайский вопрос/А.Баранов. – Харбин, 19013.
11. Бахрушин С.В. Очерки колонизации Сибири в XVI и XVII вв./С.В.Бахрушин. – М., 1927.
12. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений /Е.Л.Беспрозванных. – М., 1983.
13. Боронин О.В. Двоеданничество в Сибири (XVII – 60-е гг. XIX вв.)/О.В.Боронин. – Барнаул, 2002.
14. Булыгин Ю.Г. Первые коестьяне на Алтае/Ю.Г.Булыгин. – Барнаул, 1974.
15. Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии/Ч.Ч.Валиханов//Записки Императорского

- Русского Географического Общества. Кн.1-2. – СПб., 1861.
16. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. Этуд по истории Сибири/В.А.Ватин. – Минусинск, 1913.
 17. Веселовский Н.И. Посольство к зюнгорскому хун-тайджи Цевену-Рабтану капитана от артиллерии И.Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 гг./Н.И.Веселовский. – СПб., 1887.
 18. Владимирцов Б.Я. Монгольские сказания об Амурсане/Б.Я.Владимирцов//Восточные записки. Т.1.- Л., 1927.
 19. Владимирцов Б.Я. Алтайские инородцы/Б.Я.Владимирцов. – М., 1893.
 20. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов/Б.Я.Владимирцов. М-Л., 1934.
 21. Внешняя политика государства Цин вXVII в. – М., 1977.
 22. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений/А.Д.Воскресенский. – М., 1999.
 23. Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства/Г.С.Горохова. – М., 1980.
 24. Горский В.В. Начало и первые дела маньчжурского дома/В.В.Горский//Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т.1. – СПб.,1852.
 25. Границы Китая: история формирования/Ред.В.С.Мясников, Е.Д.Степанова. – М., 2001.
 26. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай/Г.Е.Грум-Гржимайло. Т.II. – СПб., 1896.
 27. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край/Г.Е.Грум-Гржимайло. Т.2. – СПб., 1926; Т.3. – СПб., 1930.
 28. Гуревич Б.П. Великоханьский швинизм и некоторые вопросы истории народов Центральной Азии в XVIII-XIX вв.//Вопросы истории. 1974. №9.
 29. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII- первой половине XVIII вв./Б.П.Гуревич. – М., 1979.
 30. Гуревич Б.П., Моисеев В.А. Взаимоотношения цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII- XVIII вв. и китайская историография/Б.П.Гуревич, Моисеев В.А. – Вопросы истории, 1979. №3.
 31. Дамдинсүрэн Ц. Сокровенное сказание/Ц.Дамдинсүрэн. – Улан-Батор, 1947.
 32. Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия.1900г./В.Г.Дацышен. – СПб., 1996.
 33. Дацишен В.Г. Новая история Китая/ В.Г.Дацишен. – Красноярск, 2003.
 34. Долгих Б.П. Родовой и племенной состав народов Сибири вXVII в./Б.П.Долгих. – М., 1960.
 35. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX-начало XX в./В.И.Дулов. – М., 1956.
 36. Думан Л.И. Завоевание Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана. /Л.И.Думан//Маньчжурское владычество в Китае. – М., 1966.
 37. Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в./И.С.Ермаченко. – М., 1974.
 38. Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV-XIX вв./В.А.Зарин. – М.,1991.
 39. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства/И.Я.Златкин. – М., 1983.
 40. Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая/В.П.Илюшечкин. – М., 1986.
 41. История Китая. – М., 1998.
 42. История Монгольской Народной Республики. – М., 1983.
 43. История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. – М., 1986.
 44. История Сибири. Т.2. – М., 1968.
 45. История Тувы. Т.1. – М., 1964.
 46. Итс Р.Ф., Смолин Г.Я. Очерки истории Китая/Р.Ф.Итс, Г.Я.Смолин. – Л., 1961

47. Кабо Р.М. Очерки по истории и экономики Тувы/Р.М.Кабо. – М., 1934.
48. Катанов Н.Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях/Н.Ф.Катанов//Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. Т.XXXIV. – СПб., 1909.
49. Колывано-Кузнецкая пограничная линия//Военная энциклопедия. Т.13. – СПб., 1913.
50. Копылов А.Н. Русские на Енисее/А.Н.Копылов. – Новосибирск, 1965.
51. Котвич В.Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII-XVIII вв. /В.Л.Котвич//Известия Российской Академии наук. – Пг., 1919. №12-15.
52. Кузнецов В.С. Джунгарское ханство в 1745-1755 гг.//Н.Я.Бичурин и его вклад в русское востоковедение. Материалы конференции. Ч.2. – М., 1977.
53. Кузнецов В.С. Из истории завоевания Джунгарии цинским Китаем/В.С.Кузнецов. //Народы Азии и Африки, 1973. №3.
54. Кузнецов В.С. Амурсана/В.С.Кузнецов. – Новосибирск, 1980.
55. Кузнецов В.С. Нурхаци/В.С.Кузнецов. – Новосибирск, 1985.
56. Кушнерик Р.А. Русско-джунгарские отношения (начало XVII-50-е гг. XVIII в./Р.А.Кушнерик. – Барнаул, 2008.
57. Кычанов Е.И. Абахай/Е.И.Кычанов. – Новосибирск, 1986.
58. Лапина З.Г. Об управлении государством в средневековом Китае/З.Г.Лапина. – М., 1985.
59. Ларин В.Л. Юго-Западный Китай во второй половине XVII- 70-х гг. XIXв./В.Л.Ларин. – М., 1994.
60. Леонов Н.И. Танну-Тува/Н.И.Леонов. – М., 1927.
61. Маньчжурское владычество в Китае. – М., 1966.
62. Марков Е. Россия в Средней Азии/А.Марков. - СПб., 1901.
63. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.1. С конца XVI – до 1917 г. – М., 1973.
64. Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII)/Г.В.Мелихов. – М., 1975.
65. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1-2. – М.-Л., 1937-1941.
66. Модоров Н.С. История и культура Горного Алтая/Н.С.Модоров. – Барнаул, 1991.
67. Модоров Н.С. Россией и Горный Алтай (политические, социально-экономические и культурные связи в XVII-XIX вв.)/Н.С.Модоров. – Горно-Алтайск, 1996.
68. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в./В.А.Моисеев. – М., 1983.
69. Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке/В.А.Моисеев. – Барнаул, 1998.
70. Моисеев В.А. Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность/В.А.Моисеев. – Барнаул, 2001.
71. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г./В.А.Моисеев. – Барнаул, 2003.
72. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVIIв./В.С.Мясников. – М., 1980.
73. Мясников В.С., Шепелева Н.В. Империя Цин и Россия в XVII- начале XX вв./В.С.Мясников, Н.В.Шепелева//Китай и соседи в новое и новейшее время. – М., 1982.
74. Народы Сибири. – М.-Л., 1956.
75. Новая история Китая. – М., 1972.
76. Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. – М., 1959.
77. Павленко Н.И. Савва Владиславович Рагузинский/Н.И.Павленко.//Сибирские огни, 1978. №3.
78. Патрушева М.А., Сухачева Г.А. Экономическое развитие Маньчжурии /М.А.Патрушева, Г.А.Сухачева. – М., 1985.
79. Позднеев А.М. К истории Зюнгарских калмыков/А.М.Позднеев// Веселовский Н.И. Посольство к зюнгорскому хун-тайджи Цевену-Рабтану капитана от артиллерии И.Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 гг./Н.И.Веселовский. – СПб., 1887.

80. Позднеев А.М. Монголия и монголы/А.М.Позднеев. – СПб., 1896.
81. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии/Г.Н.Потанин. – СПб., 1883.
82. Потанин Г.Н. Тагутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия/Г.Н.Потанин. – М., 1893.
83. Потапов Л.П. Народы Южной Сибири/Л.П.Потапов. – Новосибирск, 1953.
84. Потапов Очерки по истории алтайцев/Л.П.Потапов. М.-Л., 1953.
85. Потапов Л.П. Тува в составе монгольских государств Алтын-ханов и Джунгарии (XVI-первая половина XVIIвв.)/Л.П.Потапов//Ученые записки Тувинского НИИ истории, языка и литературы. Вып.8. 1960.
86. Потулов В.В. Колонизационное значение Илийского края/В.В.Потулов. – Пг., 1917.
87. Радлов В.В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарской степи/В.В.Радлов. Ч.1. – СПб., 1866.
88. Развитие азиатских обществ в XVII- начале XX вв. – М., 1990.
89. Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии/Ю.Н.Рерих. – М., 1994.
90. Риттер К. Землеведение Азии. Дополнения П.Семенова. Т.3. – СПб., 1860.
91. Родевич В.С. Урянхайский пограничный вопрос/В.С.Родевич. – СПб., 1912.
92. Роль традиций в истории и культуре Китая. – М., 1972.
93. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации/Н.А.Сердобов. – Кызыл, 1971.
94. Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая/В.Я.Сидихменов. – М., 1985.
95. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого/ В.Я.Сидихменов. – М., 1987.
96. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения/ П.Е.Скачков. – М., 1977.
97. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири/П.А.Словцов. Кн.1-2. – СПб., 1838-1844.
98. Тадыев П.Е. Поворотный пункт в истории Горного Алтая/П.Е.Тадыев//Великая дружба. – Горно-Алтайск, 1956.
99. Тадыев П.Е. Этнический состав алтайцев и особенности их административного устройства/П.Е.Тадыев//Записки Горно-Алтайского НИИ истории, языка и литературы. Вып.6. 1964.
100. Территориальные притязания Пекина: современность, история. – М., 1979.
101. Тихвинский С.Л. Правление в Китае маньчжурской династии Цин/С.Л.Тихвинский//Вопросы истории. 1966. №9.
102. Токарев С.А. Докапиалистические пережитки в Ойротии/С.А.Токарев. – Л., 1936.
103. Уманский Телеуты и русские в XVII-XVIII веках/А.П.Уманский. – Новосибирск, 1980.
104. Фишер И.Э. Сибирская история/И.Э.Фишер. – СПб., 1774.
105. Фомина Н.И. Борьба против Цинов на Юго-Востоке Китая (середина XVII в.)/Н.И.Фомина. – М., 1974.
106. Формирование границы между Россией и цинским Китаем. Кн.1-IV. – М., 1965.
107. Хафизова К.Ш. Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В.П.Васильева/К.Ш.Хафизова//История и культура Китая. М., 1974.
108. Хафизова К.Ш. Из истории казахско-китайских отношений в 60-х гг. XVIII в. («Урянхайское дело»)/К.Ш.Хафизова//Общество и государство в Китае. Ч.1. – М., 1977.
110. Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан/А.Ходжаев.- М., 1979.
111. Худяков А.А. История Алтайского края/А.А.Худяков. – Барнаул, 1975.
112. Центральная Азия и соседние территории в средние века. Сб. научных трудов. – Новосибирск, 1990.
113. Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в./А.И.Чернышев. – М., 1990.
114. Чимитдоржиев Ш.Б. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII-XVIII вв.)/Ш.Б.Чимитдоржиев. – Улан-Удэ, 1974.

115. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии с Россией в XVII-XVIII вв./Ш.Б.Чимитдоржиев. – М., 1978.
116. Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии/Н.П.Шастина//Советское востоковедение. 1949. Вып.6.
117. Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века/Н.П.Шастина. – М., 1958.
118. Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе/Е.Шмурло//Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического Общества. Т.25. 1889.
119. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири/И.В.Щеглов. – Иркутск, 1883.
120. Ядринцев Н.М. Об алтайских черневых татарах/Н.М.Ядринцев//Известия Императорского Русского Географического Общества. Т.17. 1881.
121. Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая/Н.М.Ядринцев//Сибирский сборник. Кн.1. – СПб., 1886.
122. Ядринцев Н.М. Алтайские инородцы/Н.М.Ядринцев. – м., 1893.
123. Янгутов Л.Е. Китайский буддизм/Л.Е.Янгутов. – Улад-Удэ, 1998.

V. Глоссарий

1. Аймак – родоплеменное объединение
2. Алман – дань
3. Аманат – заложник
4. Амбань (маньчж.) – генерал, придворный сановник, вельможа, правитель
5. Аньда (монг.) – дядька, прислужник
6. Асут – племя и владение у восточных монголов
7. Ба (кит.) – шаг, мера длины
8. Бакши – ученый человек, учитель, грамотей
9. Батур – монгольский титул, богатырь
10. Батур-хунтайджи (монг.) – почетной название и титул, наследственный дворянин
11. Башлык – «начальный человек», чиновник
12. Белые калмыки – собирательное название алтайцев в русских документах
13. Богдо – гэгэн (монг. «августейший свет») – титул главы ламаистского духовенства в Монголии
14. Богдохан – великий император, хан
15. Бэйлэ (маньчж.) – титул высшей маньчжурской знати, соответствующий третьей степени княжеского достоинства (князь)
16. Бэйс (маньчж.) – четвертая степень княжеского звания
17. Вай фань (кит.) – «внешние вассалы»
18. Ван (кит.) – князь
19. Вера Есу (кит) – христианство
20. Гугун – императорский дворец в Пекине
21. Гун (кит.) – князь второй степени
22. Дайчин – тайджи (монг.) – титул феодальных владетелей
23. Далай-лама – глава Тибетской церкви
24. Дархан (тархан) (монг.) – почетный титул и тюркских и монгольских народов
25. Дзасак (джасак) (монг.) – удельный князь, правитель хошуна

26. Дибба – светский правитель Тибета
27. Желтая вера – ламаизм
28. Зайсан – монгольский титул жалованной знатности, дворянин
29. Западное учение – католицизм
30. Зарго – правитель Джунгарии
31. Камка – цветная шелковая ткань
32. Кан – лежанка с подогревом
33. Коутоу – церемониальный поклон перед маньчжурским ханом, императором Цинн (Кланяющийся обязан был трижды стать на колени и всякий раз, встав на колени, трижды поклониться до земли)
34. Кош - стойбище, кочевье у сибирских народов
35. Крица – кусок сырого железа со шлаковыми включениями
36. Кричное железо – обработанной из крицы железо
37. Кукунор (Цинхай) – озеро в провинции Цинхай (КНР)
38. Кунцзы (Конфуций) – древнекитайский мыслитель
39. Курлык – сорт дикой гречихи
40. Куяк – доспехи из кованых металлических пластинок, нашитых на сукно
41. Кыштым – данник, зависимый человек
42. Лама – вероучитель у тибетцев
43. Лан – мера веса в цинской Китае, равная 31, 2 грамма
44. Лаоцзы – древнекитайский мыслитель
45. Ли – мера длины, равная примерно 600 метрам
46. Лифаньюань – Палата по делам вассальных территорий
47. Малахай – меховая шапка-ушанка
48. Мин – китайская династия, правившая с 1368 по 1644 год
49. Монго (маньчж.) – монгол
50. Мунгалы – так называли китайцев алтайские кочевники
51. Мэргэн (монг.) – титул монгольской феодальной знати
52. Найман – наименование монгольского племени
53. Настрафиль – сорт западноевропейского сукна среднего качества
54. Никань (маньчж.) – Китай, китаец
55. Никаньский царь – название китайского императора в русских архивных документах
56. Нойон (монг.) – знатный человек, представитель родовой знати
57. Ойраты - монголы
58. Орхода (маньчж.) – женьшень
59. Оток – группа айлов, кочевавших на одной территории и принадлежавшие к одному племени
60. Панцирь – кольчужная рубаха до колен из металлических пластинок, с короткими рукавами
61. Пищаль – огнестрельное оружие
62. Поминки – дарственные приношения воеводе, царю
63. Поднебесная – одно из названий Китая
64. Портище – отрез ткани
65. «Рыжеволосые варвары» - европейцы
66. Саадак – колчан со стрелами
67. Селема сабля
68. Сеок – род
69. «Срединная» - одно из названий Китая
70. Сын Неба – титул императора Китая
71. Тайша (тайчжи, тайцзи) – наследственный титул монгольской знати
72. Тунши (кит.) – переводчик, толмач

73. Тушэту-хан (монг.) – верховный хан, титул монгольских ханов, управлявших центральной частью Халхи
74. Укурдай – управитель волости у казахов в Алтайском, Тарбагатайском и Урумчинском округах
75. Урянхи – тувинские племена, проживавшие по Тану-Ола
76. Ученье Фо – буддизм
77. Халха – Северная Монголия
78. Халхасцы – монголы Халхи
79. Хан (маньчж.) – до 1636 года высший титул правителя маньчжурского государства
80. Хашиха (хасиха) – титул, почетное звание у ойратов
81. Хинган (маньчж.) – хребет
82. Хошун – военно-административная единица у монголов, совпадающая с родовым владением, княжеством
83. Ху (кит.) - варвары
84. Ху (кит.) – мера объема, равная 5 литрам
85. Хуанди (кит.) – император
86. Хубилган (монг.) – «перерожденец» какого-либо буддийского (ламаистского) святого
87. Хукоу – пленные, превращенные в зависимых людей
88. Хундулен-тойон (монг.) – титул знатности
89. Хунтайджи (монг.) – титул наследника ханского престола
90. Хутухта – титул иерархов ламаистской церкви
91. Цзалан - полк
92. Цзасак – родовой хошунный князь
93. Цзюнь-ван (кит.) – князь второй степени
94. Цзюньцзичу – Военный (Государственный) совет
95. Цзун-ду - генерал - губернатор
96. Цин – маньчжурская династия, правила в Китае с 1644 по 1911 год
97. Циньван – князь высшей категории, принц императорской крови (брат или сын императора)
98. Цэцэн (монг.) – наследственный титул представителей монгольской знати
99. Цэцэн – нойон (монг.) – титул знатности
100. Чагань-хан («белый хан» или царь) – так китайские и маньчжурские документы именуют русского царя
101. Чахары – монгольское племя
102. Чжово (Тибет.) – Будда
103. Чжунго – самоназвание Китая, «Срединное государство»
104. Чуулган (монг.) – съезд князей аймака, высший орган управления у кочевых народов
105. Чэнь (кит.) – слуга, вассал
106. Шаньшу (кит.) – высшая чиновничья должность, глава ведомства (министерства)
107. Шилан (кит.) – помощник начальника ведомства
108. Шуленга – сборщик налогов и податей
109. Шэн (кит.) – провинция
110. Юйчжи (кит.) императорский указ
111. Юнсебу – монгольское племя
112. Эфу – титул монгольских князей, женатых на принцессах маньчжурского правящего рода
113. Ямб – серебряный слиток ладьеобразной, как правило, формы и различного веса, используемый в Китае как средство больших платежей в торговле
114. Ямынь (кит.) – государственное учреждение
115. Ясак – дань натурой (пушниной, скотом, железом и др.), сбиравшаяся во владениях Русского государства с нерусского населения
116. Ясаул – «начальный человек», чиновник

117. Ясырь – люди, взятые в плен в виде военной добычи и обращенные в рабов.